

ВВЕДЕНИЕ

В 1861 г. царское правительство, ослабленное военным поражением во время Крымской кампании и запуганное крестьянскими «бунтами», отменило крепостное право.

Ленин характеризовал реформу 1861 г. как вынужденную всем ходом экономического развития буржуазную реформу, проведенную крепостниками-помещиками. Буржуазной эта реформа являлась потому, что она открывала путь для капиталистического развития России. Эта реформа, как и другие реформы того времени — в области суда, местного самоуправления и т. п., знаменовала собою первый шаг по пути превращения царского самодержавия в буржуазную монархию. Но реформа 1861 г. была в то же время и крепостнической реформой, так как ее проводили крепостники-помещики в своих интересах. Это была помещичья программа перевода народного хозяйства на капиталистические рельсы за счет ограбления и беспощадной эксплуатации крестьян. Ее целью было направить развитие капитализма в России по прусскому пути. «Крестьян „освобождали“ в России сами помещики, — писал Ленин, — помещичье правительство самодержавного царя и его чиновники. И эти „освободители“ так повели дело, что крестьяне вышли „на свободу“ ободранные до нищеты, вышли из рабства помещиков в кабалу к тем же помещикам и их ставленникам»¹.

По случаю «освобождения» помещики, во-первых, ограбили крестьян, отрезав у них значительную часть земли, которой крестьяне пользовались раньше. В черноземных губерниях эти «отрезки» составляли 23%, т. е. свыше $\frac{1}{5}$ всей крестьянской земли. В некоторых губерниях у крестьян отняли до $\frac{1}{3}$ и даже до $\frac{2}{5}$ их земли. Так, например, в Полтавской губернии было отрезано 40%, а в Самарской — даже 44%.

Во-вторых, отмежевание крестьянских земель от помещичьих производилось так, что крестьяне переселялись на

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 109.

«песочки», а помещичьи земли клином вгонялись в крестьянские; крестьяне не могли обойтись без этих земель и вынуждены были арендовать их у помещика на любых условиях.

В-третьих, крестьян заставили платить помещикам выкуп за свое «освобождение». За 45 лет (до революции 1905 года) крестьяне уплатили выкупных платежей, этой дани вчерашним рабовладельцам, около двух миллиардов рублей. Для обеспечения сбора выкупных платежей и налогов и выполнения крестьянами всякого рода повинностей была введена круговая порука, т. е. ответственность сельской общины — «мира» за исправное поступление платежей и налогов.

В-четвертых, крестьяне и после «освобождения» оставались «низшим» сословием, совершенно бесправным и во всем зависимым от поставленного помещиками начальства. Несмотря на отмену крепостного права, крестьян поролі розгами за малейшую провинность, за неуплату податей.

«Пресловутое „освобождение“, — писал Ленин, — было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними»¹.

Товарищ Сталин в прокламации «Не царская реформа, а народная революция», выпущенной от имени Тифлисского комитета РСДРП в феврале 1906 г., писал о реформе 1861 г.

«С... нетерпением ждали крестьяне объявления царского манифеста.

И вот настало 19 февраля. Объявили манифест, призвали предварительно народ молиться за царя.

И что же? Выяснилось, что все эти обещания о „свободе“ все эти крики о „царе-освободителе“ — один обман, одни пустые слова и только!

Крестьяне требовали землю, истари принадлежавшую им и орошенную их собственной кровью. Царь же отобрали у крестьян эту самую землю и передал дворянству, разрешив им выкупить лишь часть своей же земли, и то по самой дорогой цене! Таким образом, у крестьян стало еще меньше земли.

Крестьяне требовали волю, свободу от дворянских оков. Царь же, чуточку только облегчив им тяжесть этих оков, накинуд на них более тяжелые оковы — оковы царя-самодержца! Таким образом, крестьянам пришлось работать под двойным ярмом дворян и царя.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 142.

Крестьяне требовали отмену дворянских податей. Царь же, уменьшив только эти самые подати, навязал им более крупные — государственные налоги, вконец подорвав, таким образом, основы крестьянского хозяйства!..

...Вот что называется у них „освобождением народа“, вот как они пили кровь народа под фирмой „освобождения народа“!..

...Нет! Не такое освобождение нужно истстрадавшемуся крестьянству!»

Прокламация заканчивалась призывом:

«Долой остатки крепостных порядков!

Долой царские реформы!

Да здравствует народная революция!

Да здравствует демократическая республика!

Да здравствует революционный пролетариат!»¹

1861 год породил 1905-й. За сорокалетие после реформы в результате довольно быстрого развития крупной капиталистической промышленности в России вырос «современный промышленный пролетариат, в корне отличавшийся от рабочих фабрик крепостного периода и рабочих мелкой, кустарной и всякой иной промышленности, как своей сплоченностью на больших капиталистических предприятиях, так и своими боевыми революционными качествами»². Пролетариат ко времени революции 1905 года имел уже свою революционную партию, возглавляемую такими вождями, как Ленин и Сталин.

«К 1905 году окреп и вырос в долголетней стачечной борьбе в долголетней работе пропаганды, агитации, организации которая велась социал-демократической партией, русский рабочий класс. И он повел весь народ, повел миллионы крестьянства на революцию»³. Великая народная революция выявила неиссякаемые источники революционной энергии в рабочем классе и крестьянстве. Около трех миллионов стачечников дал один только 1905 год. От стачек и демонстраций в разных городах к всеобщей политической стачке в октябре и к вооруженному восстанию в Москве и в десятках других городов и промышленных центров в декабре того же года — таков был путь героической борьбы пролетариата.

¹ Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», 5-е изд., Госполитиздат, 1939, стр. 103—06.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 7.

³ Ленин, Соч., т. XV, стр. 110.

Высоко поднялось и крестьянское движение. Уже весной и летом 1905 г. «политические стачки рабочих встряхнули всю страну. Вслед за городом стала подниматься деревня. С весны начались крестьянские волнения. Крестьяне огромными толпами шли против помещиков, громили их имения, сахарные и винокурные заводы, поджигали помещичьи дворцы и усадьбы. В ряде мест крестьяне захватывали помещичью землю, прибегали к массовой порубке леса, требовали передачи народу земель помещиков. Крестьяне захватывали помещичий хлеб и другие припасы, делили их между голодающими. Помещики в испуге вынуждены были бежать в города. Царское правительство посылало солдат и казаков для подавления восстания крестьян. Войска расстреливали крестьян, арестовывали „зачинщиков“, пороли и истязали их. Но крестьяне не прекращали борьбы»¹.

Крестьянское движение весной 1905 г. охватило 85 уездов царской России — седьмую часть всех уездов. Оно все нарастало и, под влиянием всероссийской октябрьской стачки и других революционных выступлений пролетариата, осенью охватило уже более трети уездов по всей стране, а в первой половине 1906 г. — около половины уездов. Подъем крестьянского движения следовал за подъемом революционной борьбы рабочих. Крестьяне разгромили около двух тысяч помещичьих усадеб, т. е. одну пятнадцатую часть всех помещичьих усадеб, существовавших в России. Рабочее и крестьянское движение пробудило к революционной борьбе армию и флот. В 1905 и 1906 гг. прокатилась волна крупных военных восстаний.

Несмотря на такой размах революционной борьбы рабочих и крестьян, первая русская революция по целому ряду причин, о которых исчерпывающе говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), потерпела поражение. Царское самодержавие было только надломлено революцией, но не уничтожено.

После поражения декабрьского восстания 1905 г., которое было высшей точкой революции, революция пошла на убыль. Царское правительство, подавляя революционное движение и мстя народу, развернуло погромную работу. За один январь 1906 г. было расстреляно около 400 человек. Карательные экспедиции свирепствовали по всей стране, в особенности же в прилегающем к Москве районе, в Закавказье, в Польше, в Прибалтике и в Сибири. В районы

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 57.

наибольшего подъема крестьянского движения посылались царские палачи-генералы с неограниченными полномочиями — расстреливать и вешать. В течение 8 месяцев — с августа 1906 г. по апрель 1907 г. — действовали официально узаконенные для расправ над гражданским населением военно-полевые суды. 170 тысяч человек в эти годы томились в тюрьмах; в рижской тюрьме и в других царских застенках революционеров мучили и пытали.

В июле 1906 г. царское правительство разогнало I Государственную думу, которая оказалась недостаточно послушной правительству. Но II Государственная дума, созванная в начале 1907 г., еще менее оправдала его расчеты и 3 июня 1907 г. также была разогнана; думская социал-демократическая фракция была арестована и сослана в Сибирь. Одновременно с роспуском II Думы был изменен закон о выборах в Думу. Это являлось вопиющим нарушением законов, утвержденных самим же царем и воспрещавших ему изменять основные законы без согласия Думы. 3 июня 1907 г. царская власть произвела, таким образом, контрреволюционный государственный переворот «сверху». Период первой русской революции закончился, начался период реакции.

Новый избирательный закон резко повысил количество мест в Думе для представителей помещиков, увеличил избирательные права крупной буржуазии и в несколько раз сократил и без того небольшое представительство в Думе от рабочих и крестьян. В итоге в III Думе, собравшейся в конце 1907 г., большинство получили правые — партия черносотенных помещиков-крепостников — вместе с октябристами, представлявшими интересы крупного промышленного капитала и крупных помещиков, хозяйничавших по-капиталистически.

Наряду с этим в III Думе сложилось и второе большинство — из октябристов и кадетов (партии, наиболее последовательно выражавшей классовые интересы русской буржуазии). Правительство руководило «третьеиюньской» Думой, попеременно опираясь то на черносотенно-октябристское, то на октябристско-кадетское большинство.

Сложился так называемый «третьеиюньский блок» против народа и революции — «союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии»¹.

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 5.

После третьеиюньского переворота репрессии царского правительства сделались еще более свирепыми. Особенно жестоким преследованиям подвергались рабочие организации и в первую очередь большевики. Стоявший в то время во главе правительства Столыпин (председатель совета министров и одновременно министр внутренних дел) вошел в историю под именем Столыпина-вешателя; виселицу в то время называли «столыпинским галстуком», а весь период реакции от третьеиюньского переворота до 1912 г. вошел в историю под названием периода столыпинской реакции.

«Подавляя революционное движение рабочих и крестьян, — говорится в Кратком курсе истории ВКП(б), — царское правительство не могло ограничиться одними репрессиями, карательными экспедициями, расстрелами, тюрьмой, каторгой. Царское правительство с тревогой видело, что наивная вера крестьянства в „царя-батюшку“ все более исчезает. Поэтому оно прибегло к крупному маневру, задумало создать себе прочную опору в деревне в лице многочисленного класса деревенской буржуазии — кулачества»¹.

Этот новый маневр царизма выразился в столыпинской аграрной политике.

Не случайно царизм пытался маневрировать именно в аграрном вопросе. «Аграрный вопрос составляет основу буржуазной революции в России и обуславливает собой национальную особенность этой революции»², — писал Ленин в 1907 г. Пока аграрный вопрос в России оставался неразрешенным, буржуазная революция не могла быть снята с порядка дня, и повторение «пятого года» продолжало угрожать царизму. Столыпинская аграрная политика являлась попыткой царизма по-своему разрешить аграрный вопрос и тем предотвратить вторую буржуазную революцию в России.

Значение аграрного вопроса как основы буржуазной революции в России вытекало из особенностей экономики страны, из особенностей развития капитализма в России. В результате довольно быстрого развития капитализма после отмены крепостного права царская Россия превратилась в капиталистическую страну, а в начале XX века вступила уже в высшую и последнюю стадию капитализма, в стадию империализма, которая характеризуется господством монополий, сильной концентрацией производства и капиталов, сращиванием промышленного и банкового капитала (финан-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 94.

² Ленин, Соч., т. XI, стр. 492.

совый капитал). Но наряду с развитием капитализма вступившего уже в свою последнюю, империалистическую стадию, в стране оставались многочисленные пережитки крепостничества как в экономике, так и в политическом и гражданском строе и в учреждениях страны. Главнейшими из этих пережитков крепостничества являлись огромное помещичье землевладение с преобладанием полукрепостнических форм хозяйства, царизм как власть крепостников-помещиков, сословные привилегии ничтожной кучки дворян при бесправии народных масс, угнетение национальностей, неравноправие женщин. Экономической базой всех этих пережитков крепостничества являлись огромные помещичьи латифундии.

От полукрепостнических форм эксплуатации (отработки, испольщина) страдали в первую очередь многомиллионные массы крестьянства, которое не переставало бороться против помещиков. Сущность аграрного вопроса в России, указывал Ленин, составляла «борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее.

Десять с половиной миллионов крестьянских дворов в Европейской России имеют 75 миллионов десятин земли. Тридцать тысяч преимущественно благородных, а частью также чумазных лэндлордов¹, имеют свыше 500 дес. каждый, всего 70 милл. дес. Таков основной фон картины. Таковы основные условия преобладания крепостников-помещиков в земледельческом строе России, а следовательно, в русском государстве вообще и во всей русской жизни»².

Крепостническое землевладение и преобладание крепостников-помещиков «в русском государстве вообще и во всей русской жизни» служили сильнейшим тормозом развитию капитализма, развитию производительных сил страны. Они являлись главной причиной экономической отсталости России от передовых капиталистических стран. Уничтожение царизма и помещичьего землевладения было поэтому исторической неизбежностью.

Ленин указывал, что возможны два метода ломки старого аграрного строя России и устранения крепостничества, связанные с двумя возможными путями развития капитализма в сельском хозяйстве. Эти два возможных пути раз-

¹ Лэндлорды — крупнейшие землевладельцы-дворяне в Англии (Примеч. ред.).

² Ленин, Соч., т. XI, стр. 492.

вития капитализма Ленин называл путем прусского и путем американского типа. В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 гг.» Ленин писал об этих двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве:

«Эти два пути объективно-возможного буржуазного развития мы назвали бы путем прусского и путем американского типа. В первом случае крепостническое помещичье хозяйство медленно перерастает в буржуазное, юнкерское, осуждая крестьян на десятилетия самой мучительной экспроприации и кабалы, при выделении небольшого меньшинства „гроссбауэров“ („крупных крестьян“). Во втором случае помещичье хозяйство нет или оно разбивается революцией, которая конфискует и раздробляет феодальные поместья. Крестьянин преобладает в таком случае, становясь исключительным агентом земледелия и эволюционируя в капиталистического фермера. В первом случае основным содержанием эволюции является перерастание крепостничества в кабалу и в капиталистическую эксплуатацию на землях феодалов — помещиков — юнкеров. Во втором случае основной фон — перерастание патриархального крестьянина в буржуазного фермера»¹. И далее: «В России возможна теперь либо медленная и мучительная буржуазная эволюция по прусскому юнкерскому типу, либо быстрая и свободная — по американскому. Все остальное — призраки»².

Реформа 1861 г. по существу была попыткой царизма и помещиков направить развитие капитализма в сельском хозяйстве России именно по прусскому пути, в то время как крестьянство боролось за американский путь этого развития. Революция 1905 года, когда крестьянство поднялось против помещиков, показала, что вопрос о том, какой из указанных двух путей победит в капиталистическом развитии сельского хозяйства, еще не был решен. Столыпинская аграрная политика была новой попыткой царизма упрочить в России прусский путь развития сельского хозяйства.

Страх перед революционным натиском масс вынуждал царизм и раньше маневрировать, применять тактику лавирования. Булыгинская дума, которая была сметена революцией, манифест 17 октября, положение 11 декабря о «законодательной» Думе, созыв I Думы — таковы были главные этапы этой тактики маневрирования, которую применял

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 348—349.

² Там же, стр. 421.

царизм в борьбе с революцией. Но наиболее крупным маневром, предпринятым царизмом уже после поражения декабрьского восстания и разгона I Думы с целью не допустить нового подъема революции, была провозглашенная Столыпиным «ставка на кулака».

Страна, писал товарищ Сталин, «требовала земли для крестьян, — а преподнесли ей аграрные законы, бросившие крестьянские массы в еще большую земельную нужду в угоду кучке сельских богачей» ¹.

¹ «Большевистская „Правда“», Партиздат, 1937, стр. 34.

ГЛАВА I

ОТ ОХРАНЕНИЯ ОБЩИНЫ К СТАВКЕ НА КУЛАКА

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА ДО ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Характеризуя поворот, проделанный крепостниками-помещиками в их аграрной политике, Ленин в 1907 г. писал: «до сих пор неприкосновенность старого, средневекового, наделного землевладения крестьян и их „исконной“ общины находила себе самых горячих сторонников в командующих классах реакционной России. Крепостники-помещики, будучи господствующим классом в дореформенной России, будучи политически главенствующим классом в течение всего XIX века, вели в общем и целом политику *охранения* старых общинных порядков крестьянского землевладения.

Развитие капитализма подточило окончательно эти порядки к XX веку. Старая сословная община, прикрепление крестьян к земле, рутина полукрепостной деревни пришли в самое острое противоречие с новыми хозяйственными условиями...

Капитализм уже бесповоротно подорвал все основы старого аграрного строя России. Он не может развиваться дальше, не ломая этого строя; и он сломит его неминуемо и неизбежно; нет такой силы на земле, которая могла бы помешать этому. Но этот строй может быть сломан по-помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути помещицкому или крестьянскому капитализму»¹.

Аграрная политика помещиков до революции 1905—1907 гг. основывалась на охране и поддержке сельской крестьянской общины с неотчуждаемостью наделной земли. Цели и мотивы этой политики были довольно ясно высказаны еще накануне отмены крепостного права председателем редакционных комиссий по выработке положения 1861 г. Ростовцевым. «Общинное устройство необходимо России, — говорил он, — во-первых, потому, что народу нужна еще сильная власть, которая заменила бы власть помещика, а во-вто-

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 135.

рых, потому, что без мира помещик не собрал бы своих доходов ни оброком, ни трудом, а правительство — своих податей и повинностей»¹. Община должна была, по мысли крепостников, заменить личную власть помещика внутри села и обеспечить ему возможность эксплуатировать крестьян, а правительству — гарантировать уплату крестьянами податей и выполнение ими повинностей.

Для этого была установлена система круговой поруки. «Мир» — сельское общество отвечало перед правительством за каждого домохозяина, который был подчинен обществу; домохозяин отвечал перед обществом за каждого из членов своей семьи, которые были подчинены хозяину. Сельское общество в целом отвечало за исправную уплату домохозяевами лежащих на них государственных и мирских налогов, разного рода сборов и повинностей. Сельское общество могло продавать имущество неисправных плательщиков, отбирать у них земельные наделы и посылать их на заработки. Без согласия общества крестьянин не мог получить паспорт или свидетельство на право ухода на заработки в город и т. п. Сельскому обществу предоставлено было даже право ссылать своих «порочных» членов в Сибирь. Такова была власть сельского общества, «мира», над отдельными его членами.

В отношении владения наделной землей все крестьянские общества делились на две большие категории: общества с общинным владением земель и общества с подворным владением земель. Преобладало общинное землевладение, которое, по «Статистике землевладения 1905 года», занимало 114 млн. десятин (9,5 млн. домохозяев); подворное — 24 млн. десятин (2,8 млн. домохозяев). Подворное землевладение преобладало в Белоруссии и на Украине. В сельских обществах с общинным землевладением практиковались общие переделы, для производства которых требовалось согласие $\frac{2}{3}$ домохозяев, имевших право голоса на сходе, и, кроме того, частные переделы, так называемые «свалки» и «навалки» (когда отнималась — «сваливалась» — земля от одних дворов, в которых число душ уменьшилось, и передавалась — «наваливалась» — в другие дворы, в которых число душ возросло). Для таких частных переделов не требовалось согласия $\frac{2}{3}$ домохозяев. Переделялась не вся земля: некоторыми угодьями (выгонами, пастбищами, лесом и т. д.) члены общины пользовались все вместе.

¹ Материалы редакционных комиссий, 2-е изд., П. 1859, т. 1, кн. 1, стр. 250.

Община, конечно, не могла «заменить» личную власть помещиков, как и вообще невозможно было вернуть полностью все то, что было до отмены крепостного права. В 1889 г. с целью усиления своей административной власти в деревне царское правительство ввело земских начальников, которые назначались из местных помещиков-дворян. Земские начальники пользовались в своих участках обширными полномочиями: им подчинялась полиция, они фактически назначали и смещали волостных старшин и сельских старост, утверждали или отменяли решения волостных сходов; по своему произволу, никому не давая отчета, земский начальник мог посадить под арест любого крестьянина. Земский начальник в то же время был и судьей, и по многим делам его решения были окончательными и не подлежали обжалованию; он же был исполнителем своих собственных решений. Шагу не мог ступить крестьянин, чтобы не встретить на своем пути власть «земского». В этом наиболее ярко отражалось бесправие крестьян, с одной стороны, и власть крепостников-помещиков над крестьянством — с другой.

Положение 1861 г., несмотря на охранительную политику по отношению к общине, допускало выход из общины отдельного домохозяина при условии внесения им всей суммы выкупных платежей, падавших на его надел. Ясно, что этим могли воспользоваться только очень немногие крестьяне. За 32 года — с 1861 по 1893 г. — было выкуплено досрочно всего 650 тыс. десятин наделной земли. Но в 1893 г. была фактически ликвидирована даже и эта весьма ограниченная возможность выхода из общины. Закон 14 декабря 1893 г. отменил соответствующую статью Положения 1861 г., установив, что для выхода из общины кроме досрочного выкупа наделной земли требуется еще согласие сельского общества, что на деле означало согласие земского начальника, который утверждал все постановления сельских сходов. А добиться его согласия при господствовавших в правительстве взглядах на нежелательность выходов из общин было очень трудно. Характерно, что Государственный совет мотивировал эту меру «невозможностью предоставить жизнь массы крестьянского населения ее естественному течению» и «необходимостью принятия попечительных по отношению к нему мер»¹. Опекунская роль царских держиморд — земских начальников — име-

¹ Законодательные материалы по вопросам, относящимся к устройству сельского хозяйства, вып. 3, стр. 271.

новалась, таким образом, «попечительными» мерами в отношении крестьянства.

Между тем развитие капитализма подточило старые общинные порядки крестьянского землевладения. Проникновение капиталистических отношений в деревню вело к расслоению, дифференциации крестьянства. С одной стороны, выделялась деревенская буржуазия — кулаки, а с другой — многие крестьяне разорялись, росло количество деревенской бедноты, деревенских пролетариев и полупролетариев. Количество средних крестьян с каждым годом уменьшалось. Община не могла предотвратить неизбежное расслоение крестьянства. Несмотря на общие и частные переделы, земля стала сосредоточиваться в первую очередь в руках богатеев-кулаков. Это происходило и путем аренды наделной земли богатеями у односельчан и путем дополнительной покупки ими земли (у помещиков и т. д.) в частную собственность.

Ленин в своем труде «Аграрный вопрос в России к концу XIX века»¹ указывал, что 20% наиболее зажиточных (кулацких) дворов сосредоточили в своих руках по различным районам Европейской России от 50,8 до 83,7% всей арендуемой крестьянами земли и от 59,7 до 99% всей купчей (т. е. купленной крестьянами) земли. Ленин отмечал:

«Действительное землепользование крестьянства с каждым днем становится все менее и менее соответствующим официальному, казенному, наделному землевладению крестьянства...

Мы видим, следовательно, как общее явление, *уменьшение роли наделной земли в крестьянском хозяйстве*. Уменьшение это идет на обоих полюсах деревни различными путями. У бедноты роль наделной земли падает, потому что растущая нужда и разорение заставляют сдавать ее, бросать землю, *уменьшать* земельное хозяйство в силу недостатка скота, инвентаря, семян, денежных средств, и переходить либо к какой-нибудь работишке по найму, либо... в царствие небесное. Низшие группы крестьянства вымирают, — голодовки, цынга, тиф делают свое дело. В высших группах крестьянства наделная земля падает в своем значении, ибо расширяющееся хозяйство вынуждено выходить далеко за ее пределы, вынуждено строиться на землевладении новом, не тягловом, а свободном, не исконно-родовом, а покупаемом на рынке: купля и аренда. Чем богаче землей крестьян-

¹ См. Ленин, Соч., т. XII, стр. 240 и 243.

ство, чем слабее следы крепостного права, чем быстрее хозяйственное развитие, тем сильнее это высвобождение от надельной земли, втягивание всей земли в торговый оборот, построение коммерческого земледелия на арендованной земле»¹.

Влияние новых хозяйственных условий сказывалось и на распределении надельной земли — община все-таки *подавалась*, как писал Ленин, в сторону деревенской буржуазии: у низших групп крестьянства доля надельной земли оказывалась неизменно меньше их доли в составе населения, а у высших групп — больше. Отчасти тут играли роль сравнительные размеры кулацкой семьи, превышавшей, как правило, среднюю крестьянскую семью по числу душ. Помимо этого при переделах и «свалках-навалках» кулаки ухитрялись путем различных махинаций увеличивать свои наделы за счет наделов односельчан.

С развитием капитализма в сельском хозяйстве замирала и практика переделов, и тем больше, чем более развиты были в том или другом районе капиталистические отношения. Капитализм не мирился с уравнительностью землепользования. Многие общины стали «беспеределными» — переделы не производились в них долгое время.

Таким образом, старые общинные порядки пришли в острое противоречие с новыми хозяйственными условиями, с развитием капитализма. Ломка этих отживших порядков становилась безусловной экономической необходимостью.

Политика поддержки отжившей сельской общины со стороны царизма и крепостников-помещиков была попыткой задержать развитие капиталистических отношений в деревне. Русскому помещику нужен был «батрак с наделом» — полуниний, малоземельный крестьянин, вынужденный арендовать помещичью землю за отработки, при которых стоимость аренды, как правило, намного превышала обычную арендную цену (денежную).

Строя свое благополучие на эксплуатации мелких производителей — крестьян, помещики стремились затормозить расслоение крестьянства как класса крепостнического общества на классы нового общества, капиталистического.

Но силой вещей сами же помещики вынуждены были принимать ряд мер, идущих навстречу капиталистическому развитию деревни. Падение доходности имений заставляло их озаботиться выгодным сбытом части своих земель в руки

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 243—245.

крестьянской верхушки. Этой цели служил в частности так называемый Крестьянский поземельный банк, основанный в 1883 г. Банк носил название «крестьянского», а в действительности являлся орудием помещицкой, дворянской политики. По уставу банка 1895 г. должность управляющего Крестьянским поземельным банком возлагалась на управляющего Дворянским земельным банком. Тогда же было внесено и еще одно важное изменение по сравнению с первоначальным уставом банка. По уставу 1883 г. Крестьянский банк выполнял только посреднические функции при покупке земли крестьянами непосредственно у помещиков, выдавая крестьянам ссуды; в 1895 г. банку было предоставлено право покупать земли за собственный счет и перепродавать их крестьянам. Это мероприятие было принято как временное (сроком на 5 лет) и даже записано было не в уставе, а в специальных правилах. Но затем действие этих правил было продлено еще на 10 лет — до января 1911 г., а черносотенно-кадетская III Дума продлила этот срок еще на 5 лет.

Перепродажа помещицкой земли крестьянам, однако, шла очень туго, в особенности потому, что Крестьянский банк взвинчивал цены на землю. Средняя цена за десятину, покупаемую при посредничестве банка, за 1883—1895 гг. равнялась приблизительно 45 руб. (а в отдельные годы еще ниже: в 1888 г. — 34 руб., в 1889 г. — 31,5 руб.). В 1896 году в первый год после введения «Временных правил», средняя цена земли была около 49 руб. за десятину, но уже в следующем, 1897 году она повысилась до 71,5 руб. за десятину. В дальнейшем цены на землю непрерывно росли и к 1902 г. достигли 108 руб. за десятину.

При таком положении дел даже кулаки неохотно пользовались услугами Крестьянского банка, предпочитая покупать землю, при случае, в порядке частных сделок. Смягчить же остроту малоземелья для массы крестьянства в стране при помощи услуг банка, разумеется, нечего было и думать.

Бесчеловечная помещицкая эксплуатация в центральной части Европейской России еще в крепостное время вынуждала крестьян бежать отсюда «куда глаза глядят» и в первую очередь на окраины государства, где не было помещицкого гнета. Царизм при крепостном праве неустанно боролся с такими «беглыми». Подобную же политику он продолжал и в других условиях в первые десятилетия после отмены крепостного права, всячески препятствуя уходу крестьян — дешевых рабочих рук — из деревень центральных губерний на окраины. Как указывалось в одном из официаль-

ных изданий царского правительства, помещики опасались, чтобы право переселения на казенные земли не привело к развитию «вредной подвижности и бродяжничества в сельском населении»¹, к повышению цен на рабочие руки и к уменьшению спроса на помещичьи земли.

До конца 80-х годов переселение крестьян в России было запрещено. Однако оно шло самовольным путем. Это заставило царское правительство законом 13 июля 1889 г. разрешить переселение, обставив его рядом стеснительных условий и ограничений. Переселение, по этому закону, допускалось не иначе как с предварительного разрешения министерства внутренних дел по соглашению с министерством государственных имуществ (ведавшим казенными землями). Лицам, переселившимся без разрешения, закон угрожал принудительным возвратом в места приписки. Участки для водворения переселенцев отводились из казенных земель лишь там, где разрешала казна, а не там, где пожелает переселенец. При этом участки отводились переселенцам в постоянное, бессрочное пользование лишь в азиатской части России. В Европейской же России переселенец мог получить землю сначала лишь в аренду, на срок от 6 до 12 лет, и только по истечении арендного срока эта земля могла быть оставлена за ним в бессрочное пользование на одинаковых основаниях с бывшими государственными крестьянами.

Если переселенец оставлял в родной деревне не выкупленный окончательно земельный надел, то этот надел переходил в распоряжение сельского общества без какой-либо оплаты. Таким образом, переселенцы теряли безвозвратно ту часть выкупных платежей, которую они уже выплатили в течение приблизительно трех десятков лет.

За 1889 г. было выдано всего две тысячи разрешений на переселение, в 1890 г. — 7 600, столько же в 1891 г., а с начала 1892 г. (по циркуляру 6 марта) выдача разрешений на переселение была совершенно приостановлена. Но было бы ошибкой по этим ничтожным цифрам судить о действительном ходе переселения. В одну только Сибирь за те же годы переселилось: в 1889 г. — 40 тыс. крестьян, в 1890 г. — 49 тыс., в 1891 г. — 87 тыс.

В 1892 г., когда выдача разрешений была совершенно приостановлена, переселилось 92 тыс. За четыре года, когда переселение было запрещено (1892—1895 гг.), переселилось

¹ «Колонизация Сибири в связи с общим переселенческим вопросом», стр. 96.

в Сибирь около 350 тыс., и, кроме того, шло переселение в восточные и юго-восточные степи Европейской России и на Кубань. Все это были так называемые «самовольные» переселенцы, которые по закону 1889 г. подлежали принудительному возвращению в места приписки. Угроза осталась неосуществленной: вернуть обратно на свои места сотни тысяч переселенцев было немыслимо. Но зато оказалось возможным подвергнуть переселенцев невероятным мытарствам и лишениям как в пути, так и на местах их водворения.

Обычно на весь путь переселенец тратил от 6 до 18 недель, смотря по месту выхода; у многих из переселенцев за дорогу полностью иссякали те скудные средства, с какими они выбирались из дому. Из товарных вагонов, в которых везли переселенцев по железным дорогам, они попадали на конечных станциях в бараки, а при переполнении барачных, что было обычным делом, вынуждены были ночевать под открытым небом, на площади перед переселенческим пунктом; потом переселенец попадал на какой-нибудь пароход или барку, плававшие по сибирским рекам, пока, наконец, добирался до места назначения. Какие бедствия и лишения приходилось переносить переселенцам, видно из того, что за один только 1892 г. на Тюменском переселенческом пункте умерло 938 переселенцев, из них 552 человека — вне барачных, без всякой помощи, на площади и по квартирам в городе. В маленьком пункте, в селе Абатском, в течение одного месяца умерло 150 человек; на пароходах умирало по 30 и по 40 человек за один рейс.

Под напором переселенческой волны правительство вынуждено было ослаблять свои запретительные меры. Закон 15 апреля 1896 г. снова разрешил переселения, причем разрешения на них выдавались теперь уже одним министерством внутренних дел, которое поручило это дело губернаторам, оставив за собой только общее руководство переселением. Законом 7 декабря 1896 г. каждой семье предоставлялось право посылать ходока. Это не означало, однако, что отрицательное отношение правительства к переселениям в какой-нибудь степени изменилось. Вынужденное терпеть переселения, как факт, правительство попрежнему стремилось всячески тормозить и задерживать их. Переселенческое управление, созданное в декабре 1896 г., циркуляром от 20 января 1897 г. требовало обязательной предварительной посылки ходоков, причем на посылку их обществами и товариществами требовалось разрешение губернских присутствий. Губернским властям было предложено

не допускать переселения в Сибирь без предварительной посылки ходочков и вообще руководствоваться прежними указаниями о нежелательности чрезмерного развития переселений. Тем же циркуляром был запрещен отвод земли самовольным переселенцам, который раньше производился в отдельных районах местной администрацией, и зачисление душевых долей за самовольными ходочками.

Такова была старая аграрная политика царизма, проводившаяся им до 1904 г.]

ПОВОРОТ В АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ ПРАВИТЕЛЬСТВА

Охраняя общину и сословное устройство деревни, крепостники-помещики рассчитывали на темноту и неосознанность крестьян, на их наивную веру в «царя-батюшку», рассчитывали, что крестьянство будет надежной опорой помещичьего порядка. Революция показала иное. Она продемонстрировала, во-первых, массовое выступление крестьян против помещиков и, во-вторых, выявила роль в этих выступлениях сельского общества, «мира», как привычной формы организации крестьян. Всем обществом, «миром», крестьяне выступали против помещиков, громили их усадьбы, захватывали их скот и инвентарь; всем «миром» крестьяне прогоняли «господ», а иногда и убивали наиболее ненавистных им помещиков и правительственных чиновников. В результате всего этого в отношении помещиков к крестьянской общине произошел крутой поворот.

Уже созданные в 1902 г. после крестьянских волнений помещичьи «местные комитеты» в большинстве высказывались за насаждение подворного и хуторского землевладения на смену общинному. Отдельные уступки, отступления от политики сохранения полукрепостнических отношений в деревне царизм был вынужден сделать еще до революции. Так, 12 марта 1903 г. был издан закон об отмене круговой поруки. Законом 6 июня 1904 г. было расширено право крестьянского переселения из Европейской России. В период подъема революции был издан манифест 3 ноября 1905 г., по которому уменьшались наполовину, а с 1 января 1907 г. совершенно отменялись выкупные платежи. Но все эти мелкие уступки не остановили крестьянского движения. В помещичьей среде все определеннее складывалось и к началу 1906 г. окончательно восторжествовало мнение, что средством против крестьянских «беспорядков», при сохра-

нении помещичьих имений, должно служить разрушение общины, внесение раскола в сельский «мир» и создание внутри деревни новой опоры помещицкому классу в виде крепкого слоя кулаков-собственников, противостоящих крестьянской массе. Защита общины сменилась яркой враждой к общине.

Из большого количества документов, в которых выразился этот поворот во взглядах на общину, продиктованный страхом перед революцией, упомянем некоторые. 10 января 1906 г. председатель совета министров Витте написал Николаю II доклад по аграрному вопросу. «Главным образом с выкупными платежами связаны ограничения в правах крестьян на выход из общины, — говорилось в этом докладе. — Разрешение... двух вопросов — о признании наделных земель собственностью владельцев и об установлении порядка выхода крестьян из обществ в связи с выделом отдельных участков из состоящей в общинном владении земли может иметь, по мнению совета, благотворное влияние на крестьянское правосознание, внушив крестьянам более здравые взгляды на чужое право собственности»¹.

Почти одновременно, 11 января того же года, Столыпин, который тогда еще был саратовским губернатором, отправил донесение² министру внутренних дел Дурново в ответ на его телеграфный запрос о причинах аграрных беспорядков. Главной их причиной Столыпин считал «плохое земельное устройство» (т. е. общину). Он предлагал разрешить продажу и залог наделной земли, объявляя средством для коренного решения аграрного вопроса «создание класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий».

Не желая поступиться хотя бы частью своих земель в пользу крестьянства, русские крепостники-помещики, разумеется, не могли рассчитывать на превращение сколько-нибудь широких масс крестьян в свою опору. Столыпин несколькими строками ниже расшифровал, кого именно он имел в виду, говоря о «классе мелких собственников» как об «основной ячейке государства»: класс «кулаков и мироедов», которых он мечтал превратить в «культурных деятелей». Отдать им наращивание общинную землю крестьянской массы, чтобы, опираясь против этой массы на «крепкую» деревенскую буржуа-

¹ Материалы по истории крестьянского движения в России, вып. 4. Аграрный вопрос в совете министров, Гиз, 1924, стр. 80.

² См. Приложение 1.

зию, удерживать за собой помещичью землю, — таков был план Столыпина и других крепостников.

Те же мысли проводились в «Записке о преобразованиях в крестьянском хозяйстве и об аграрных мероприятиях», написанной в феврале 1906 г., повидимому, Кривошеиным, который занимал в то время должность товарища главноуправляющего землеустройством и земледелием. Вот наиболее характерное место из этого документа: «Существует... область, в которой правительство может ныне же принять ряд крайне важных решений. Область эта — наше законодательство, определяющее порядок землепользования крестьян на их наделных, в особенности общинных, землях. Укрепление в сознании крестьян понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто сравнительно в короткий срок посредством облегчения каждому члену общины выделения из ее состава с соответственным участком наделной земли. Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он сознал всю чудовищность экспроприации собственности, сознал всю преступность насильственного покушения на чужую собственность»¹.

В «Записке» предлагалось: 1) издать царский манифест, подтверждающий неприкосновенность частной собственности на землю и лишающий крестьян, участвовавших в крестьянском движении, возможности покупать земли через Крестьянский банк; 2) учредить уездные и губернские землеустроительные комиссии; 3) поручить главноуправляющему землеустройством и земледелием выработать проекты законов по переселенческому, мелиоративному и кустарному делу и разработать порядок использования государственного земельного фонда и проект закона об аренде земельных имуществ.

Решающую роль в повороте правительства к новой аграрной политике сыграли съезды дворянских организаций в мае и ноябре 1906 г. На первом съезде уполномоченных от 29 дворянских обществ был организован руководящий центр дворянских организаций — Совет объединенного дворянства, представлявший интересы класса крепостников-помещиков и состоявший из наиболее крупных и влиятельных помещиков из титулованной дворянской знати. В состав Совета объединенного дворянства входили граф Бобринский, князя Касаткин-Ростовский, Нарышкин, Волконский и

¹ Материалы по истории крестьянского движения в России, вып. 4. Аграрный вопрос в совете министров, стр. 109.

Щербатов, граф Ольсуфьев и др. От имени первого съезда дворянских обществ в мае 1906 г. правительству было представлено заявление по аграрному вопросу, в котором дворяне требовали замены общинной собственности на землю собственностью личной. Дворянский съезд заявлял, что нельзя предоставить эволюцию общины, переход ее к индивидуальному строю самим крестьянам и самой общине: нужно употребить меры принудительные, насильственно разрушить общину. Съезд выдвинул перед правительством следующую программу дворянских требований:

«1) В целях открытия широкой возможности переселения предоставить крестьянам возможность продавать свои наделенные земли. 2) В общинах, где со времени реформы 1861 г. или в течение последних 20—30 лет не было ни общих, ни частных переделов, закрепить за отдельными домохозяевами владение землей в размерах, существовавших в то время. 3) В остальных общинах за отдельными домохозяевами должно быть признано право выхода из общины с укреплением в личную собственность состоящей в фактическом пользовании общинной земли. 4) Такое укрепление общинной земли в личную собственность не должно быть обусловливаемо непременно сведением чересполосных участков в один или несколько отрубов».

Дворяне учитывали, что провести подобные законы через I Думу в обстановке 1906 г. им не удастся, так как рабочий класс в это время не прекращал массовой революционной борьбы. По стране широко разливалось аграрное движение крестьянских масс, требовавших себе всей помещичьей земли. Большевистская партия выдвинула программу конфискации помещичьей земли в пользу крестьянства и национализации всей земли. В самой I Думе многочисленные крестьянские депутаты-трудовики отстаивали то же требование. Учитывая все это, дворяне потребовали от правительства, чтобы оно наряду с решительным подавлением революции военной силой немедленно разогнало I Думу и изменило избирательный закон. Изменять избирательный закон в этот момент правительство еще не решалось, Думу же разогнало. Еще до ее разгона съезд объединенного дворянства наметил провести свою аграрную программу в жизнь в порядке 87-й статьи основных законов¹.

¹ На основании этой статьи могли издаваться в период между сессиями Думы, в случае чрезвычайных обстоятельств, законы в порядке царских указов с последующим внесением их на рассмотрение Думы и Государственного совета. Систематически пользуясь этой статьей,

Правительство и провело в жизнь решения этого съезда.

Быполнителем программы крепостников-помещиков явился Столыпин. Не случайно «объединенное дворянство» подняло на щит именно Столыпина. Этот обер-вешатель имел все данные, чтобы стать главой правительства контрреволюции и держаться на этом посту свыше пяти лет. Ленин в статье «Столыпин и революция» так характеризовал Столыпина как политическую фигуру:

«Помещик и предводитель дворянства становится губернатором в 1902 г., при Плеве, — „прославляет“ себя в глазах царя и его черносотенной камарильи зверской расправой над крестьянами, истязаниями их (в Саратовской губернии), — организует черносотенные шайки и погромы в 1905 г. (Балашовский погром), — становится министром внутренних дел в 1906 г. и председателем совета министров со времени разгона первой Гос. Думы...

Погромщик Столыпин подготовил себя к министерской должности именно так, как только и могли готовиться царские губернаторы: истязанием крестьян, устройством погромов, умением прикрывать эту азиатскую „практику“ — лоском и фразой, позой и жестами, подделанными под „европейские“»¹.

Достойными сподручными Столыпина были Кривошеин, назначенный при Столыпине главноуправляющим землеустройством и земледелием (после Октябрьской революции возглавлял «правительство» Врангеля), и Гурко, товарищ министра внутренних дел, запятнавший себя, как казнокрад, во время продовольственной кампании 1906—1907 гг.² и избежавший уголовной ответственности только благодаря заступничеству Столыпина. Таковы были главные персонажи правительственной аграрной реформы.

Под председательством Гурко после разгона I Думы была создана комиссия по выработке проектов правительственных указов по аграрному вопросу. Этой комиссией при непосредственном участии и руководстве Столыпина было выработано несколько проектов указов и в том числе проект указа об

правительство сводило на-нет и без того мизерные «законодательные права» Думы.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 221—223.

² В 1906 г. в ряде губерний был голод; при поставке продовольствия в голодающие губернии были совершены колоссальные злоупотребления крупным торговцем-спекулянт Лидвалем; его сообщником по спекуляции во время голода был Гурко.

укреплении наделной земли в личную собственность и о выделе из общины (указ 9 ноября 1906 г.). Эти указы и знаменовали собой поворот от прежней политики охранения общины к ее насильственному разрушению. К этому правительство толкал страх перед революцией, перед массовым крестьянским движением, которое показало свою силу в 1905 и 1906 гг.

Чтобы предотвратить победу революции, у крепостников-помещиков оставалось единственное средство — попытаться расколоть крестьянство и ослабить этим силу общекрестьянского натиска на помещиков, укрепить деревенскую буржуазию, чтобы опереться на нее против массы крестьянства, сделать ее оплотом в борьбе против революции.

«Правительство увидало, что „мира“ у него с массой крестьянства быть не может, что крестьянство проснулось от крепостнического векового сна. Правительству ничего иного не оставалось, как *попытаться* путем судорожных усилий, путем какого-угодно разорения деревни, *расколоть* крестьянство, отдать деревню, „на поток и разграбление“ кулаков и зажиточных мужиков, чтобы опереться на *союз* крепостников-дворян с „новыми помещиками“, т.-е. с богатыми — крестьянами-собственниками, с *крестьянской буржуазией*»¹.

Это был, как указывал Ленин, «*последний клапан*, который можно было открыть, не экспроприируя всего помещичьего землевладения»². Столыпинская «реформа», писал Ленин в 1912 г., «дала, конечно, отсрочку гибнущему крепостничеству, — точно так же, как пресловутая, расхваленная либералами и народниками, так называемая „крестьянская“ (а на деле *помещичья*) реформа 1861 года *дала отсрочку* барщине, увековечив ее под иной оболочкой вплоть до 1905 года»³.

[Столыпинская программа могла быть осуществлена лишь путем неслыханного насилия над массой крестьянства, путем открытого, беззастенчивого грабежа общинных земель кулаками. В своем труде «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов» Ленин писал: «Осуществление не только Столыпинской, но и кадетской аграрной программы требует десятилетий систематического насилия над крестьянской массой, систематического избиения, истребления пытками, тюрьмой и ссылкой

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 450.

² Там же, стр. 89.

³ Там же.

всех думающих и пытающихся свободно действовать крестьян»¹.

Новую аграрную политику царизма Ленин охарактеризовал, как «глубочайший сдвиг» в сторону аграрного бонапартизма, в сторону либеральной (в экономическом смысле слова, т. е. буржуазной) политики в области крестьянских поземельных отношений. «Бонапартизм, — писал Ленин, — есть лавирование монархии, потерявшей свою старую, патриархальную или феодальную, простую и сплошную, опору, — монархии, которая вынуждена эквилибрировать, чтобы не упасть, — заигрывать, чтобы управлять, — подкупать, чтобы нравиться, — брататься с подонками общества, с прямыми ворами и жуликами, чтобы держаться не только на штыке.. И аграрный бонапартизм Столыпина, вполне сознательно и непоколебимо твердо поддерживаемого в этом пункте и черносотенными помещиками и октябристской буржуазией, — не мог бы даже родиться, а не то что продержаться вот уже два года, если бы сама община в России не развивалась капиталистически, если бы внутри общины не складывалось постоянно элементов, с которыми самодержавие могло начать заигрывать, которым оно могло сказать: „обогащайтесь!“, „грабь общину, но поддержи меня“»².

Так же как и реформа 1861 г., столыпинская аграрная реформа была массовым насилием над крестьянством. Разница заключалась в том, что «если при „освобождении“ крестьян помещики грабили крестьянскую землю, то теперь кулаки стали грабить общинную землю, получая лучшие участки, скупая по дешевой цене наделы у бедноты»³.

В этом кулакам была предоставлена полная свобода, так как самодержавие в свою очередь рассчитывало на поддержку кулаков против крестьянской массы.

Сравнивая столыпинское аграрное законодательство с реформой 1861 г., Ленин подчеркивал их буржуазный характер. Он указывал, что реформа 1861 г. и другие реформы этого периода представляли первый шаг по пути превращения старого, крепостнического самодержавия в буржуазную монархию, а столыпинская аграрная политика, как и столыпинская «конституция» означали второй шаг по тому же пути. Но самодержавие не превратилось в буржуазную мо-

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 463.

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 377.

³ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 94.

нархию: «власть и доходы» сохранялись за крепостниками-помещиками.

Новая аграрная политика царизма в ее практическом проведении направлялась по следующим трем линиям:

1. Насильственное разрушение общины, проводившееся под флагом борьбы правительства с плохим землеустройством, и насаждение хуторов и отрубов путем закрепления за крестьянами их наделных участков в личную собственность.

2. Финансовая поддержка кулачества через Крестьянский поземельный банк и насаждение хуторов и отрубов на землях, купленных у этого банка или при его посредстве.

3. Усиленное развитие переселений крестьян на окраины с целью ослабить хотя бы несколько остроту крестьянского малоземелья в центре России и удалить наиболее «опасные» элементы крестьянства подальше от помещичьих имений.

По этим трем линиям мы в дальнейшем изложении и рассмотрим ход проведения столыпинской аграрной политики.

Г Л А В А II

НАСИЛЬСТВЕННОЕ РАЗРУШЕНИЕ ОБЩИНЫ

СТОЛЫПИНСКИЕ ЗАКОНЫ О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ И ВЫХОДЕ ИЗ ОБЩИНЫ

Первым указом, который создавал административный аппарат для проведения новой аграрной реформы, был указ от 4 марта 1906 г. об учреждении: 1) Комитета по землеустроительным делам при Главном управлении землеустройства и земледелия и 2) губернских и уездных землеустроительных комиссий.

На землеустроительные комиссии по указу 4 марта возлагались следующие задачи: а) помощь Крестьянскому банку в продаже помещичьих земель крестьянам; б) сдача в аренду и продажа крестьянам казенных земель; в) содействие переселению крестьян на казенные земли; г) содействие крестьянам в устранении недостатков существующего землевладения и землепользования; д) посредничество между крестьянами и частными землевладельцами в разверстании чересполосных земель, общих владений и сервитутов.

Создавая этот аппарат, царское правительство сделало его вполне «надежным» по составу. Уездные землеустрои-

тельные комиссии состояли: из уездного предводителя дворянства (председатель комиссии); председателя уездной земской управы; лица, назначенного Главным управлением землеустройства и земледелия в качестве неперенного члена комиссии; уездного члена окружного суда или представителя съезда мировых судей; представителя от удельного ведомства — в тех уездах, где были удельные земли; податного инспектора; земского начальника того участка, к району которого относились вопросы, подлежащие обсуждению; трех членов от уездного земского собрания и, наконец, всего только трех представителей от крестьян, которые назначались по жребию из числа кандидатов, избираемых волостными сходами данного уезда.

Три крестьянских представителя на десять помещиков и чиновников — таков был состав уездных землеустроительных комиссий, которые фактически и проводили всю работу по внедрению новых земельных начал. Классовый принцип был проведен здесь полностью. К тому же и сами представители от крестьян подбирались по принципу наибольшей «благонадежности» земскими начальниками, которые дирижировали на волостных сходах.

Всю подготовительную работу к заседаниям комиссий проводили так называемые неперенные члены комиссии, от которых в конечном счете зависело почти все. Кто же были эти неперенные члены землеустроительных комиссий? В. П. Дроздов в брошюре «Около земли. Очерки по землеустройству» приводил следующие данные. Из 236 лиц, определенных на должности неперенных членов землеустроительных комиссий за 1907 г., земских начальников и кандидатов на должности земских начальников было 78, отставных и запасных офицеров — 72, прочих дворян — 14.

Губернские землеустроительные комиссии имели задачей объединение действий уездных комиссий, наблюдение за их деятельностью и разрешение возникающих в них разногласий. По своему составу они были построены аналогично уездным комиссиям, с той разницей, что председательство в них было возложено на губернатора и в качестве членов были управляющие местными отделениями Дворянского и Крестьянского банков; представители от крестьян выбирались губернским земским собранием, состоявшим в подавляющем большинстве из помещиков.

Открытие землеустроительных комиссий и общее направление их деятельности возлагалось на Комитет по землеустроительным делам, который был учрежден при Главном

управлении землеустройства и земледелия под председательством главноуправляющего из представителей от различных ведомств.

В 1915 г. работали 38 губернских и 431 уездных землеустроительных комиссий. Непрерывно возрастало из года в год и число землемеров, работавших в землеустроительных комиссиях: с 600 человек по смете на 1907 г. до 6 500 по смете на 1914 г.

После разгона I Думы были изданы в порядке 87-й статьи два указа (12 и 27 августа 1906 г.) о передаче Крестьянскому банку части удельных и казенных земель для продажи крестьянам. 9 ноября 1906 г. в таком же внедумском порядке был издан указ о выделе из общин и укреплении наделной земли в личную собственность. Вот в основном содержание этого главного из столыпинских указов.

Статьей I раздела I устанавливалось, что каждый домохозяин, владевший наделной землей на общинном праве, мог во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части наделной земли.

Согласно статье 2 того же раздела, в тех обществах, в которых не было общих переделов в течение 24 лет, за каждым домохозяином, подавшим заявление о желании перейти от общинного владения к личному, укреплялись в личную собственность сверх усадебного участка все участки общинной земли, состоявшие в его постоянном (не арендном) пользовании.

По статье 3 в тех обществах, в которых в течение предшествующих 24 лет были общие переделы, за каждым сделавшим такое заявление домохозяином укреплялись в личную собственность сверх усадебного участка все те участки общинной земли, которые были предоставлены ему обществом в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование. Но если в постоянном пользовании желавшего перейти к личному владению домохозяина состояло земли больше, чем причиталось бы на его долю по числу душ в семье ко времени заявления, то за оказавшийся излишек выделявшийся должен был уплатить обществу его стоимость, определяемую по первоначальной средней выкупной цене Положения о выкупе 1861 г.

Нетрудно видеть, что приведенными статьями указа не только предоставлялась полная возможность выхода из общины, но выделявшимся давалось поощрение, своеобразная «премия» за выдел: каждому, кто имел земли на двор больше, чем ему причиталось по числу душ, было очень

выгодно получить излишки земли по средней выкупной цене, которая была во много раз ниже действительной. В общинах, где не было переделов более чем 24 года, такая премия доставалась выделявшимся бесплатно.

Мы уже видели, что община и в распределении наделной земли «подавалась» в сторону буржуазии. Отсюда ясно, насколько такой порядок был выгоден кулацкой части деревни. По исследованию Чернышева, основанному на данных анкеты Вольно-Экономического общества, 20% всех выделявшихся из общины получили земли больше, чем им следовало по составу семьи¹.

На основании статьи 4 указа домохозяева, вышедшие из общины, сохраняли за собой право пользования сенокосными, лесными и другими угодьями, переделываемыми на особых основаниях, и право участия в пользовании непеределываемыми угодьями, как то: мирской усадебной земель, выгонами и др.

Статья 6 отдавала все дело проведения выделов в конечном счете в руки земских начальников. Этой статьей устанавливалось, что требования об укреплении в личную собственность той или иной части из общинной земли предъявлялись через сельского старосту обществу, которое должно было вынести простым большинством приговор с указанием участков, поступивших в собственность выделявшегося, размера доплаты по статье 3 и доли участия в угодьях, переделываемых на особых основаниях и не переделываемых вовсе. Если в течение месячного срока общество не выносило приговора, то выдел подавших заявление производился на месте земским начальником, который и решал все возникавшие при этом споры и выносил свое постановление, насильственно проводя мероприятия в духе правительственного курса на разрушение общины. Эта статья, как и весь указ 9 ноября, открывала широкий простор кулакам для грабежа общинных земель, так как со стороны земских начальников они встречали полную поддержку своих планов.

Статья 12 указа устанавливала, что каждый домохозяин, за которым были укреплены участки земли, имел право во всякое время требовать, чтобы ему взамен этих участков был выделен соответственный участок к одному месту. Такие участки назывались хуторами и отрубам².

¹ См. И. В. Чернышев, *Община после 9 ноября 1906 г.*, ч. 1, стр. XXIII.

² При выходе на отруб земля отводилась к одному месту, но постройки оставались в деревне; выход на хутор был связан с переселением из деревни на хуторской участок.

Указ 9 ноября занимал центральное место в земельном законодательстве правительства, которое делало все, чтобы провести его в жизнь. После созыва II Государственной думы законопроект об утверждении указа 9 ноября был внесен на рассмотрение Думы. В главе V нашей работы мы покажем, какой прием встретили столыпинские указы в Думе; здесь же достаточно будет сказать, что в комиссии из 18 человек представителей различных политических партий, которая была выделена для рассмотрения этих указов, только два члена комиссии — крупный помещик Хоминский и кулак крестьянин Чинков стояли за утверждение указа 9 ноября. Чинков доказывал, что этот указ «идет навстречу крестьянским желаниям». Все же остальные члены комиссии подвергли этот указ, как и другие столыпинские указы, с различных точек зрения более или менее жестокой критике.

На пленарное заседание II Думы указ 9 ноября вынесен не был, так как правительство поспешило ее разогнать. В октябре 1908 г. указ 9 ноября был внесен на рассмотрение III Государственной думы. Черносотенно-кадетская III Дума, состоявшая в большинстве из помещиков и крупной буржуазии, совершенно иначе отнеслась к столыпинским указам. Особое «сочувствие» помещиков вызывал правительственный курс на расселение крестьян на хутора. Во время аграрных прений в III Думе приводилось такое мнение одного помещика: «Расселение, разъединяя некоторым образом сельское население, делает менее доступными всякие стачки, нападения толпой и солидарность неприязненного отношения к частным владельцам и к власти». В этих словах очень ярко сформулированы мотивы, заставлявшие помещиков добиваться расселения крестьян на хутора.

III Дума не только утвердила указ 9 ноября, но внесла в него такие изменения, которые означали новый шаг в насильственном разрушении общины и утверждении частной собственности в крестьянском землевладении. Принятый III Думой и Государственным советом, этот закон был утвержден царем и издан 14 июня 1910 г.

Какие изменения он вносил по сравнению с указом 9 ноября 1906 г.?

Статья 1 нового закона устанавливала, что общества и имеющие отдельные владения селения, в которых не было общих переделов со времени наделения землей («беспередельные» общины), признавались перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению; участки, состоявшие в пользовании отдельных домохозяев, статьей 2

этого закона признавались личной их собственностью. Таким образом, до издания закона 14 июня общинная земля переходила в личную собственность только путем «укреплений» наделов за домохозяевами, производившихся по их заявлениям; теперь же закон принудительно признал личными собственниками всех домохозяев тех общин, где не производилось общих переделов (частные переделы не считались) со времени выхода на выкуп.

Статья 34 закона 14 июня устанавливала в обществах, производящих общие переделы, обязательность выдела к одному месту, т. е. создание хуторских или отрубных хозяйств вне общих переделов. Мера эта проводилась по требованию $\frac{1}{5}$ части домохозяев в обществах, где их число не превышало 250, и по требованию не менее 50 домохозяев в селениях, где число домохозяев превышало 250. Таким образом, достаточно было кучке кулаков потребовать выдела к одному месту, чтобы этот выдел был произведен, несмотря на несогласие подавляющего большинства крестьян данного селения и не считаясь с тем, какой ущерб и неудобства это создавало для оставшихся в общине. Если же землеустроительная комиссия находила выдел участка возможным и не связанным с особыми неудобствами, то такой выдел производился по заявлению хотя бы одного домохозяина.

Статья 45 закона 14 июня 1910 г. устанавливала новый порядок перехода целых обществ и селений к отрубному владению. В обществах с подворным владением и в беспередельных общинах переход к владению в отрубных участках должен был совершаться по приговорам, постановляемым простым большинством голосов всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе, вместо квалифицированного большинства в две трети, которое требовалось раньше.

29 мая 1911 г. был издан новый закон о землеустройстве. По этому закону были чрезвычайно расширены границы деятельности и права землеустроительных комиссий и резко проводилась линия на принудительный переход к хуторским и отрубным хозяйствам. Изменения, внесенные законом 29 мая, выразились в следующем:

1. Статьей 2 главы I нового положения о землеустройстве деятельность землеустроительных комиссий была распространена и на внеадельные крестьянского типа земли; статьей 4 той же главы устанавливалось, что при полном разверстании на отрубные участки, а также при разверстании чересполосности с прилегающими владениями в разверстание могли быть включены сверх непосредственно подлежащих

ему земель также и другие чересполосные с ними участки, если землеустроительные комиссии признавали это необходимым.

2. Статьей 6 устанавливалось, что землеустройство могло производиться как по соглашению заинтересованных лиц, так и в обязательном порядке.

3. Вместо квалифицированного большинства в $\frac{2}{3}$ домохозяев, которое требовалось для выдела земли частям селений и выселкам, по новому закону достаточно было меньшинства в $\frac{1}{5}$ при общем числе домохозяев в селении не более 250 и 50 домохозяев при общем числе домохозяев свыше 250. То же самое и в отношении выдела отрубных участков отдельным домохозяевам, если не было передела.

4. При переделах выдел производился при любом числе желающих выделяться.

5. Выдел производился, даже если не было передела, по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признавался землеустроительной комиссией возможным и не связанным с особыми неудобствами.

6. По статье 29 главы III домохозяева, укрепившие землю в личную собственность, лишены были права образовывать особый поселок с чересполосным между собой пользованием землей и могли обособиться от общины только путем выхода на отруба.

7. Землеустроительным комиссиям были предоставлены и судебные функции. Статья 18 главы I указывала, что дела, разрешенные в землеустроительных комиссиях, не могли вновь возбуждаться в суде.

Таким образом, в руки землеустроительных, или, как называли их крестьяне, *землеграбительных* комиссий, состоявших из помещиков и чиновников, отдавалось все. Жаловаться на действия уездных землеустроительных комиссий можно было только в губернскую комиссию, а на действия последней — в сенат, и то только в случае нарушения губернской комиссией закона или превышения ею власти. Фактически это означало полную беззащитность крестьян перед столыпинскими землеустроителями.

Таковы были новые аграрные указы и законы. Посмотрим теперь, как они проводились в жизнь.

СПОСОБЫ ПРОВЕДЕНИЯ В ЖИЗНЬ СТОЛЫПИНСКИХ ЗАКОНОВ

Издавая указ 9 ноября 1906 г., царское правительство рассчитывало вначале, что ему удастся обмануть крестьян. С этой целью помещики, чиновники и землемеры настой-

чиво проводили агитацию за выделение на хутора; столыпинские землеустроители — главный ревизор по землеустройству Кофод, Бельский и др. — писали брошюры с восхвалением прелестей хуторской жизни, и эти брошюры через земских начальников и волостных старшин принудительно распространялись на местах, в волостных правлениях вывешивались плакаты. Устраивались даже «экскурсии» крестьян из центральных районов России в губернии Северо-западного края, где хутора появились еще до революции 1905 года; целью таких «экскурсий» было показать крестьянам «преимущества» хуторских хозяйств и сделать из «экскурсантов» агитаторов за переход на хутора. Министры и другие высокопоставленные чиновники, выступая в Государственной думе, в напыщенных фразах восхваляли крестьянскую собственность на землю и хутора. Характерным в этом отношении являлось выступление главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова во II Государственной думе 19 марта 1907 г. при обсуждении указа 9 ноября. Защищая крестьянскую собственность на землю, этот сиятельный помещик говорил: «Только в сочетании с началом собственности труд землевладельца получает ту чудодейственную силу, которая способна превратить сыпучие пески в золото и голую скалу в цветущий сад»¹. Так воспевали помещики столыпинские указы и кулацкие хуторские хозяйства.

Все эти маневры и «подходы» не привели ни к чему. Масса крестьян — бедняков и середняков — крайне отрицательно отнеслась к указу 9 ноября. Вольно-экономическим обществом в 1910—1911 гг. была проведена анкета, материалы которой суммированы в книге Чернышева²; в них мы находим много отзывов крестьян-корреспондентов с мест на эту тему.

«Народ относится к указу 9 ноября, как к заразной болезни, боясь обезземеления»³, — писал корреспондент-крестьянин из Скопинского уезда Рязанской губернии. «Закон 9 ноября считают вредным тем, что в недалеком будущем вся земля будет у богачей и у зажиточных людей»⁴ (корреспондент из Касимовского уезда). Корреспондент-крестьянин из Тульской губернии писал: «Это мужиков

¹ Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 755;

² См. Чернышев, *Община после 9 ноября 1906 г.*

³ Там же, ч. I, стр. 75.

⁴ Там же, стр. 76.

путают, чтобы они про барскую землю не говорили, а грызлись бы из-за своей наделной»¹.

Материалы анкеты показывали и причины отрицательного отношения крестьянской массы к хуторам и отрубам. Корреспонденты указывали на невыгоды перехода на хутора для малоземельных крестьян, на большие расходы при переходе на хутора; хуторянам предстояло построить новые дворы, вырыть колодцы, проложить дороги — все это требовало больших средств, которых у крестьянина-бедняка не было; кроме того, негде было пасти скот (в общине крестьяне пользовались общим пастбищем). Отсутствие пастбищ вызывало сокращение скота, уменьшение количества навоза и в результате — истощение почвы. Поэтому «выходят из общины на хутора большей частью богатые крестьяне, имеющие много земли»², — писал корреспондент-крестьянин из Валуйского уезда.

Об отрицательном отношении к переходу на хутора в условиях малоземелья писал и корреспондент из Кирсановского уезда Тамбовской губернии. «На хуторах негде будет пасти скотину. Какой это будет хутор, если корова ляжет, а телку негде?»³ «На малом участке крестьянин весь свой посев не только лошадыю или коровой, но даже курами вытравит»⁴ (корреспондент-крестьянин из Моршанского уезда).

Выходы на хутора осуждались также и потому, что «негде будет учить детей»⁵.

Материалы анкеты давали ответ и на вопрос о том, как обстояло дело с улучшениями в крестьянском хозяйстве в связи с переходом на хутора. «Существующие хутора, — писал корреспондент из Тамбовской губернии, — не могли еще внести улучшения в свое хозяйство»⁶. «Что касается урожайности, — сообщал корреспондент из Казанского уезда, — то она в продолжение уже трех лет существования этих хуторов постоянно ниже, чем у соседних крестьян-общинников, хотя земля под хуторами совершенно новая, из-под листовенного разной породы леса»⁷. И крестьяне предпочитали оставаться в общине. «В малоземельных обществах крестьяне считали, что для них одинаково плохо и

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. I, стр. 104.

² Там же стр. 27.

³ Там же, стр. 52.

⁴ Там же, стр. 50.

⁵ Там же, стр. 54.

⁶ Там же.

⁷ Там же, ч. II, стр. 10.

в общине и на отрубе, но все-таки в общине и при малоземелье можно кое-как держаться, а на отрубе вовсе нельзя жить на клочке земли»¹.

Таким образом, крестьянская масса ясно представляла себе, что столыпинские указы и землеустройство выгодны только для кулаков-богатеев, имеющих много земли, скота и инвентаря, а для массы крестьян ни от укрепления земли в личную собственность, ни от выдела на хутора и отруба никакого улучшения не может быть. «Какая же выгода? — недоумевал корреспондент-крестьянин из Михайловского уезда Рязанской губернии. — Ведь земля та же, если бы прибавили...»² Перед крестьянами, даже самыми несознательными, выросал тот факт, что «без прибавки земли», т. е. без ликвидации помещичьего землевладения, невозможно никакое серьезное улучшение в положении крестьянства.

«Вместе с тем крестьянство начинало понимать, что ему не получить помещичьей земли, пока существует царское правительство и помещичье-кадетская Государственная дума»³. К этому выводу толкала крестьян вся столыпинская аграрная политика, хотя задумана была она ее творцами с совершенно обратной целью.

Но чем больше выявлялись неудачи правительственных попыток обмануть крестьян, тем больший нажим проводился сверху, тем больше репрессий сыпалось со стороны правительства на сопротивлявшихся переходу на хутора; аграрная политика царизма осуществлялась самыми дикими, насильственными методами.

Обширный материал об этих насильственных методах проведения правительством своей аграрной политики находится в делах бывшего земского отдела министерства внутренних дел (ныне архив внутренней политики в Ленинграде). Первую скрипку во всех этих делах играло министерство внутренних дел, возглавлявшееся Столыпиным.

В первую очередь Столыпин использовал свой аппарат — непосредственно подчиненных ему как министру внутренних дел чиновников. Земские начальники и другие чиновники, волостные писаря и т. д., проявлявшие усердие в проведении указа 9 ноября, награждались, а те, кто проявлял «медленность» и «неисправность», подвергались реп-

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 64.

² Там же, ч. I, стр. 79.

³ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 94.

рессиям и увольнялись. В июле 1908 г. и. о. управляющего земским отделом Стефанович разослал циркуляр губернаторам: костромскому, рязанскому, тамбовскому, тульскому, владимирскому и воронежскому. В этом циркуляре говорилось, что министр внутренних дел (Столыпин) указал на незначительное количество домохозяев, окончательно вышедших из общины в этих губерниях, и поручил губернаторам обратить особое внимание на это крайне неблагоприятное явление, свидетельствующее о том, что «в губернии уделяется лишь незначительное внимание столь важному делу насаждения мелкой земельной собственности»¹.

Министерский циркуляр предлагал ряд мер воздействия сверху: объезд уездных съездов чиновниками из губернии; устройство экстренных заседаний уездных съездов, наложение взысканий на земских начальников вплоть до увольнения неисправных; успешно действующих земских начальников предлагалось представлять к наградам и поощрять их денежными пособиями.

Характерен ответ, данный Стефановичу тамбовским губернатором, который писал, что «причиной замеченного господином министром внутренних дел незначительного количества домохозяев, окончательно вышедших из общины, является *несочувственное отношение* крестьянства Тамбовской губернии, привыкшего к общинному владению землей, к реформе, проводимой указом 9 ноября 1906 г.» Губернатор указывал в своем донесении, что «ходатайства об укреплении земли в личную собственность возбуждаются лицами, которые земледелием не занимаются, и вызываются стремлением после укрепления земли в личную собственность продать ее». Губернатор заверял Стефановича, что земские начальники «прилагают все усилия к самому широкому проведению в жизнь означенной реформы», и что сам он, со своей стороны, «с неуклонной последовательностью применял и будет применять меры понуждения как уездных съездов, так и земских начальников к скорейшему движению дела по укреплению и выделу»².

В министерстве внутренних дел все время следили за проведением указа 9 ноября и реагировали на всякое сообщение о том, что где-нибудь на местах оно тормозится. В том же деле приведен телеграфный запрос киевскому, волынскому

¹ Дело № 1 XI делопроизводства земского отдела за 1908 г., листы 77—78.

² Там же, листы 79 и 80.

и подольскому генерал-губернатору Сухомлинову следующего содержания: в министерство внутренних дел дошли сведения, что мировые посредники «вполне безучастно» относятся к переходу на отруба, а в некоторых случаях «даже относятся неблагоприятно». Генерал-губернатор ответил, что такого положения нет, что были два случая (один по Киевской и один по Волынской губернии) конфликтов между мировыми посредниками и непременными членами уездных землеустроительных комиссий; виновными в этих конфликтах генерал-губернатор считает непременных членов землеустроительных комиссий, действия которых были неправильны и вели к «излишнему раздражению крестьян». Генерал-губернатор уверял, что «если бы кто-либо из мировых посредников был изобличен им не только в противодействии землеустроительным начинаниям правительства, но даже в безучастном отношении к делу, то он был бы немедленно удален со службы, о чем им, генерал-губернатором, был издан соответствующий циркуляр».

Чиновники министерства, выезжая в губернии с ревизиями, старались выполнить директивы Столыпина. В брошюре В. П. Дроздова рассказано, как действовал приезжавший на ревизию в Казанскую губернию в августе 1908 г. помощник управляющего земским отделом Бафталовский. Объезжая уезды, этот столыпинский лакей требовал от представлявшихся ему земских начальников, волостных старшин и писарей «большого количества заявлений крестьян об укреплении за ними земельных участков по новому закону, публично выражая благодарность одним и угрожая отставкой другим»¹.

Бафталовский требовал от земских начальников, чтобы «все силы и заботы их были сосредоточены на указе 9 ноября, а все остальные дела должны отойти на задний план перед проведением этой крупной аграрной реформы»². За недостаточно внимательное и ревностное отношение к этому указу Бафталовский уволил в Казанской губернии, по сообщению местной газеты «Народные вести», 8 или 9 земских начальников. Земские начальники в свою очередь оказывали «воздействие» на волостных старшин и писарей, угрожая старшинам отставкой, а писарям — увольнением. Некоторые волостные писаря в своем вынужденном усердии начали

¹ В. П. Дроздов, Около земли. Очерки по землеустройству, 1909, стр. 49.

² Там же, стр. 50. (Взято из местных газет.)

практиковать «заявления напрокат», т. е. упрашивали хорошо знакомых им крестьян подать заявления о выходе из общины, от которых те потом отказывались. Сельских старост земские начальники арестовывали за то, что они «плохо внушают обществу повиноваться закону»¹.

Репрессиям подвергались не только правительственные чиновники, но и земские служащие.

Киевский губернатор Гирс, например, в письме председателю Киевской губернской земской управы Суковкину потребовал увольнения губернского земского агронома Сазонова, который в своем докладе агрономическому совету указывал на тяжелое материальное положение хуторян и отрубников. По требованию губернатора, губернский агроном был уволен².

Одновременно с нажимом на правительственных чиновников губернаторы и департамент полиции сыпали репрессии на тех крестьян, которые сопротивлялись насильственному проведению указа 9 ноября. В деле № 21 по канцелярии земского отдела за 1912 г. находим огромное количество фактов наказаний в административном порядке за агитацию против указа 9 ноября и закона 14 июня. Так, саратовский губернатор сообщил 1 декабря 1911 г. департаменту полиции, что им воспрещено жительство в пределах Саратовской губернии на все время действия положения об усиленной охране трем крестьянам села Байки Сердобского уезда — Турухину, Емлевскому и Суркову — за агитацию против столыпинских указов. Фактически это была высылка без указания срока. 19 января 1912 г. пермский губернатор сообщил о высылке крестьянина Некрасова, а в сентябре того же года тот же губернатор выслал еще четверых крестьян из пределов губернии на все время действия положения об усиленной охране.

В том же деле приведено много фактов преследований в административном порядке — высылки, «воспрещений жительства» и т. п., исходивших от самого министра внутренних дел. Так, в феврале 1912 г. по распоряжению министра были высланы на три года в Олонецкую губернию под гласный надзор полиции двое Бурмуцких (отец с сыном). В июле 1912 г. министр внутренних дел воспретил жительство в Екатеринославской и смежных с нею губерниях на два года крестьянину Бахмутского уезда Екатеринославской губернии Дмитрию Балобану за то, что тот активно участ-

¹ В. П. Дроздов, Около земли. Очерки по землеустройству, 1909, стр. 47.

² Дело № 68 по канцелярии земского отдела за 1910 г., лист 110.

вовал в борьбе своих односельчан (легальными средствами) против насильственного принуждения их к выходу на отруб и выступал в качестве их уполномоченного. В октябре 1912 г. министром внутренних дел было воспрещено жительство в пределах Харьковской губернии крестьянам Лебедянского уезда — Шметенко и троим Сиденко. Приведенных фактов достаточно, чтобы судить о том, каким репрессиям подвергалась передовая часть крестьянства, которая осмеливалась поднять голос против ничем не прикрытого насилия столыпинских чиновников.

Не довольствуясь преследованием отдельных крестьян, столыпинские чиновники и землеустроители время от времени провоцировали и массовые столкновения с крестьянами, чтобы потом жестоко расправляться с ними. Каковы были непосредственные, ближайшие поводы к таким массовым столкновениям? В большинстве случаев такими поводами являлись вызывавшие возмущение крестьян преступные действия землеустроителей, которые, иногда и за взятки, при выделах отводили кулакам большие по площади и лучшие по качеству земли участки. В самом указе 9 ноября выделявшимся, как мы уже видели, предоставлялись своего рода «премии» за выдел, чем нарушались интересы общинников. Практика землеустроителей еще усиливала и усугубляла этот узаконенный грабеж общинных земель. Столкновения выделявшихся с обществом начинались обычно еще до отвода их земель к одному месту, когда выделявшиеся заявляли требование об укреплении их участков земли в личную собственность. По данным, приведенным Дроздовым, из 6 губерний к 1 июля 1908 г. только 37% домохозяев, заявивших требование об укреплении, получили приговоры от своих обществ; 63% «за отказом общества или несоставлением в месячный срок приговора» получили «укрепление» от земских начальников. По отдельным губерниям процент не получивших общественных приговоров был еще выше: в Рязанской губернии — 84,1, в Тамбовской — 85,5. В 14 уездах из 72 уездов указанных 6 губерний свыше 90% получили «укрепление» при «содействии» земского начальника, а в Балашовском уезде из всех дел, имевшихся в уездном съезде и у земских начальников, не было ни одного, где бы общество выразило свое согласие на выделение из общины¹. Так обстояло дело при укреплении земли в собственность.

¹ См. Дроздов, Около земли. Очерки по землеустройству, стр. 44—46.

При выделе земли к одному месту атмосфера в деревне накалялась еще больше; общинники, которых грабили среди бела дня и на основании «закона», не выдерживали, оказывали сопротивление насилию, и в результате — столкновения и жертвы.

Из многочисленных фактов таких насильственных действий и расправ царских властей на местах приведем следующие. В селении Вradiевка Херсонской губернии недовольство крестьян землеустройством вылилось в очень острые формы: крестьяне не допустили землеустроительных работ по выделу из общины 189 домохозяев. Выдел, как вынужден был потом признаться губернатор, был произведен неправильно: «интересы общинников не были при этом соблюдены в пределах элементарной справедливости». При составлении проекта выдела преследовалась цель так прижать оставшихся в общине, чтобы заставить все общество разверстаться на отруба. В довершение землеустроитель запретил впредь до утверждения проекта выдела пахать на старых местах. Когда крестьяне не допустили производить землеустроительные работы, был вызван пристав со стражниками, которые стреляли в толпу, одного крестьянина убили и нескольких ранили. Более 50 человек было арестовано ¹. В селе Болотовке Тамбовской губернии захотели выделиться 60 богатых крестьян; 420 домохозяев были против выдела и просили хотя бы отложить нарезку земли выделявшимся до уборки урожая. Но землеустроители не захотели удовлетворить эту просьбу подавляющего большинства домохозяев. Тогда крестьяне не допустили землеустроителей к работам. На помощь землеустроителям явилась полиция; в результате столкновения 6 человек было убито и 15 ранено.

Корреспонденция в «Правду» за 1913 г. под заголовком «Аграрное дело» сообщала о расправе царского суда над крестьянами села Новохасбулата Бугульминского уезда Самарской губернии. Из 45 крестьян этого села, обвиняемых в сопротивлении землемеру при выделении отрубщикам общественной земли, значительная часть была приговорена к длительному тюремному заключению.

Корреспонденция в «Правду» за тот же год из Псковской губернии сообщала о вооруженном сопротивлении стражникам по причине аграрных «недоразумений» в селе Псища.

¹ Дело № 20 XI делопроизводства земского отдела за 1911 г.

В корреспонденции сообщалось, что в результате столкновения есть раненые ¹.

В отдельных случаях крестьяне проявляли удивительную выдержку и, несмотря на явно незаконные действия и провокации землемеров и полиции, не отвечали им насилием, надеясь добиться своих прав иным путем. Такой характер имели события в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии ². Насильственные действия местной администрации были начаты по инициативе губернатора. Он вызвал в Бахмут крестьян ближайших к городу селений Луганской, Троицкой и других волостей и угрозами требовал от них соглашаться на переход от общинного к отрубному землепользованию. Так как крестьяне не соглашались, то губернатор арестовал многих из собравшихся и посадил в тюрьму. Крестьяне упорно сопротивлялись насилию, используя все легальные средства, в том числе и телеграфное обращение к Столыпину (директиву которого губернатор и проводил) и обращение к печати. Крестьяне отказались пахать на отведенных им землеустроителями новых участках, в результате чего 17 тыс. десятин (по показаниям самой администрации, а в действительности больше) остались незасеянными. Упорное сопротивление крестьян вынудило Главное управление землеустройства и земледелия дать распоряжение прекратить землеустроительные работы и предоставить крестьянам пользоваться землей на прежних основаниях. Мстя за неудачу, министерство внутренних дел арестовывало и высылало отдельных «зачинщиков». За это именно и был выслан крестьянин Дмитрий Балобан, о котором мы упоминали выше.

БОРЬБА КРЕСТЬЯН ПРОТИВ СТОЛЫПИНСКОГО ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Крестьянские массы всячески сопротивлялись проведению столыпинской политики. Избиения выделявшихся на хутора кулаков, потравы их посевов, поджоги кулацких домов и других построек, активное противодействие землеустройству были обычными формами сопротивления крестьян грабежу их земель кулаками. Во многих случаях крестьяне пытались отнять захваченную кулаками землю и вернуть ее общине. В ряде мест происходили массовые столкнове-

¹ См. Краткий курс истории ВКП(б), стр. 146.

² Дело № 76 XI делопроизводства земского отдела за 1911 г.

ния крестьян с полицией: вооружившись чем попало, крестьяне вступали в схватки со стражниками, невзирая на то, что схватки эти приводили к жертвам убитыми и ранеными и к многочисленным арестам.

Наиболее серьезное противодействие столыпинскому землеустройству оказывала деревенская беднота — малоземельные, как доносил своему шефу Столыпину Кофод, главный ревизор по землеустройству, в 1908 г. В крестьянских массах вместе с ненавистью к извечным угнетателям — помещикам, росла ненависть к новым грабителям крестьянских земель — кулакам. Среди бедняцкой молодежи в то время распевались частушки, в которых беднота угрожала кулакам:

Окна выбьем, дом сожжем,
Сами в каторгу пойдем!

Угрозы претворялись в дело. Крестьянская масса не ограничивалась в своей борьбе против кулаков поджогами отдельных кулацких дворов, — иногда выступления крестьян принимали более широкий и серьезный характер. Яркой иллюстрацией этого является выступление крестьян в селе Козловке Воронежской губернии¹. В этом селе в 1915 г. предполагался общий передел, во время которого наделы умерших должны были пойти в новое распределение, с учетом вновь родившихся. Местные кулаки, используя закон 14 июня 1910 г., скупали наделы умерших или, как говорили крестьяне, «покупали мертвые души». Собрав в своих руках большое количество наделов, они потребовали отмежевания скупленных ими участков. Особенно много земли нагребил церковный староста кулак Филатов. Имея своих 4 надела, он скупил 47 наделов, в том числе 30 на свое имя, 6 наделов на имя жены и 11 на имя сына. «Мертвые души» скупались за бесценок — от 3 до 10 руб. за надел. В августе 1914 г., когда уже началась империалистическая война и много крестьян было призвано, в село явились землемеры для выдела скупленных кулаками наделов. Прибытие землемеров и явилось ближайшим поводом к столкновению. Напрасно жены запасных просили приостановить землеустроительные работы до возвращения их мужей или в крайнем случае до окончания уборки урожая хлебов: землемеры гнули свою линию, а для охраны их была вызвана полиция. Между крестьянами, которые, вооружившись кольями, не допускали землемеров к работе, и

¹ Дело № 25 XI делопроизводства земского отдела за 1914 г.

полицией произошло столкновение. После этого возмущенная крестьянская масса устроила кулакам открытый погром — разнесла вдребезги их дома и дворы. По этому делу было привлечено к суду до 80 человек, из них большинство женщин, мужья которых были призваны на войну, а остальные — 17—18-летняя молодежь и старики. Несмотря на то, что на суде вскрыты были полностью подлые махинации кулаков, царский суд приговорил к заключению в тюрьме, в арестантские отделения и к лишению гражданских прав 49 подсудимых, в большинстве женщин. Так расправлялся царизм с женами тех, кто в это время гнил в окопах за интересы помещиков и капиталистов.

Сопротивление крестьянских масс являлось причиной медленного проведения столыпинских мероприятий. В начале периода столыпинской реакции (1907—1909 гг.) крестьянское движение идет на убыль, но уже в 1910 г. число крестьянских выступлений резко возрастает: с 2 557 в 1907 г. до 6 275 в 1910 г. Всего же за время с 1907 по 1913 г. было свыше 20 тыс. крестьянских выступлений, из них свыше 13 тыс. за 1910—1914 гг., когда борьба крестьян развертывалась под влиянием нового подъема рабочего движения. За семь лет (1907—1913) было 6 828 случаев поджогов кулацких дворов и кулацкого имущества. Крестьянская масса боролась и против помещиков и против кулаков-хуторян.

В декабре 1910 г. в статье «Что делается в деревне?» Ленин указывал, какие неистовые вопли подняли реакционные газеты по поводу поджогов кулацких хозяйств и все усиливавшейся борьбы крестьянства вообще. Бывший царский министр земледелия Ермолов написал даже целую книгу о «современной пожарной эпидемии в России», в которой вынужден был с ужасом признать все большее усиление «террора в деревне».

Отмечая эти вопли крепостников, Ленин указывал, что никакими репрессиями царизму не удастся и не удастся задушить борьбу крестьянства.

«Чтобы осуществить правительственную „реформу“, — писал Ленин, — нужны „20 лет покоя“, сказал однажды сам Столыпин. „Покоем“ он называет покорность крестьян, отсутствие борьбы против насилия. А без насилия земских начальников и прочих властей, без насилия на каждом шагу, без насилия над *десятками миллионов*, без подавления малейших проявлений их самостоятельности, Столыпинская „реформа“ проводиться не может. „Покоя“ не только на 20 лет, но и на три года Столыпин не создал и создать не

может, — вот та неприятная истина, которую напомнила царским слугам книга бывшего министра о деревенских пожарах.

У крестьян нет и быть не может иного выхода из того положения отчаянной нужды, нищеты, голодной смерти, в которое их ставит правительство, как массовая борьба вместе с пролетариатом за свержение царской власти¹.

Товарищ Сталин в первом номере газеты «Тифлисский пролетарий», вышедшем 5 января 1910 г. писал:

«Великая русская революция не умерла — нет, она жива! — она только отступила и накапливает силы для будущих мощных выступлений.

Ибо двигатели революции, пролетарии и крестьяне, — живы и невредимы, и они не хотят, не могут отказаться от своих кровных требований...

Мы живем накануне новых взрывов, мы стоим перед старой задачей свержения царской власти...»²

Борьба крестьянства против столыпинской политики продолжалась и в годы империалистической войны. Отчаянное сопротивление столыпинскому землеустройству оказывали жены призванных в армию, так называемые «солдатки». Их письма оказывали революционизирующее влияние на армию, в которой и без того нарастало массовое возмущение войной, усиливались революционные настроения. Из боязни перед этим ростом революционных настроений царское правительство вынуждено было приостановить столыпинское землеустройство. В апреле 1915 г. главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин разослал циркуляр о временной, до окончания войны, приостановке землеустроительных работ в тех случаях, когда полное согласие односельчан не достигнуто, а между тем часть заинтересованных в землеустройстве лиц ходатайствует о приостановке работ до возвращения членов их семейств из армии. Несмотря на оговорки, крестьяне восприняли приостановку землеустроительных работ как свою победу и решительно прекращали землеустроительные работы там, где они еще велись. В ноябре 1915 г. оренбургский губернатор сообщал о насильственном прекращении землеустроительных работ и о нанесении побоев землемеру в селе Романовском³. Несмотря на усилившийся во время войны пра-

¹ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 395.

² Цит. по книге Берия, «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 165.

³ Дело № 79 XI делопроизводства земского отдела за 1915 г.

вительственный террор, департамент полиции зарегистрировал за это время 178 крестьянских выступлений.

Не следует думать, однако, что борьба крестьян против столыпинской политики имела целью сохранение старой, прогнившей общины. Массы крестьянства отрицательно относились к общине, так как она была «удобной формой для прикрытия кулацкого засилия»¹, становясь «все более и более вредной для крестьянской бедноты»². Отношение широких крестьянских масс к общине достаточно полно характеризовали выступления представителей крестьянства еще на Всероссийском съезде крестьянского союза 6—10 ноября 1905 г. и выступления крестьянских депутатов-трудовиков в I и особенно во II Государственной думе. Ленин так писал об этом в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—7 годов»:

«Крестьяне ясно и решительно высказались против старой общины за вольные товарищества и за землепользование отдельных лиц. В том, что это действительно голос всего крестьянства, не может быть сомнения, ибо и проект трудовой группы (104-х) тоже не заикается об общине. А община есть союз по владению наделной землей!

Столыпин уничтожает эту общину насильственно в пользу кучки богатеев. Крестьянство хочет уничтожить ее, заменив свободными товариществами и землепользованием „отдельных лиц“ на национализированной наделной земле»³.

Таким образом, уничтожение старой, отжившей общины, как и всего полукрепостнического аграрного строя России, было исторической необходимостью. Капитализм, уже бесповоротно подорвавший все основы старого аграрного строя, не мог развиваться дальше, не ломая этого строя. Вопрос заключался, следовательно, не в том, нужно или не нужно «ломать», а в том, как будет сломан этот строй: «по-помещичьи или по-крестьянски, для расчистки пути помещичьему или крестьянскому капитализму»⁴. Помещичья ломка, которую проводил Столыпин, имела целью сохранить помещичье землевладение и путем насильственного разрушения общины и разорения массы крестьян в пользу кулаков создать из последних прочную опору царизма, его верных защитников. Столыпин стремился к победе прус-

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 15.

² Ленин, Соч., т. III, стр. 112.

³ Ленин, Соч., т. XI, стр. 385—386.

⁴ Ленин, Соч., т. XII, стр. 135.

ского пути развития капитализма в сельском хозяйстве. Столыпинские указы и столыпинское землеустройство доставляли огромные выгоды кулакам-богатым, которые за счет грабежа общинных земель и скупки за бесценок наделов выделявшихся создавали себе крепкие хозяйства; «иногда это были настоящие поместья, где широко применялся наемный, батрацкий труд»¹. Наряду со старыми помещиками из дворян росли и новые помещики из кулаков.

Крестьянская ломка старого аграрного строя должна была означать уничтожение помещичьего землевладения, национализацию всей земли и полный демократический переворот. Это была борьба за американский путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Вот к чему в действительности стремилось крестьянство, вот за что шла борьба.

В письме И. И. Скворцову-Степанову, написанном в декабре 1909 г., Ленин писал: «Национализация земли = крестьянская ломка старого землевладения есть экономическая основа американского пути. Закон 22 (9) XI—06 г. = помещичья ломка старого землевладения есть экономическая основа прусского пути. Наша эпоха, 1905—19?? годы, есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы *этих* путей...»²

Г Л А В А III

РОЛЬ КРЕСТЬЯНСКОГО ПОЗЕМЕЛЬНОГО БАНКА В ПРОВЕДЕНИИ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

УСИЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА В СВЯЗИ С НОВОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКОЙ

Сильным орудием в руках правительства для проведения новой аграрной политики явился Крестьянский поземельный банк. Стараясь увеличить роль банка, царское правительство, с одной стороны, усиливает средства банка, а с другой — расширяет его деятельность, распространяя ее на новые губернии и области. Для усиления средств банка ему было предоставлено право производить покупки земель, не ограничиваясь размерами собственного капитала, за счет выпускаемых с этой целью банковских свидетельств (закладных листов). Вместе с тем начиная с 1906 г. открываются одно за другим новые отделения банка на местах.

¹ Краткий курс истории ВКП(б), стр. 94.

² Ленин, Соч., т. XIV, стр. 215.

К началу 1906 г. действовало 40 отделений Крестьянского банка, охватывавших 55 губерний и 3 области. В 1906 г. были открыты еще 5 отделений, районы деятельности которых охватывали 5 губерний Закавказья, 3 прибалтийских губернии и Ковенскую губернию. В 1907 г. были открыты 2 отделения и в 1910 г. — 4 отделения. Таким образом, в 1911 г. действовало 51 отделение Крестьянского банка; деятельность их распространялась на 66 губерний и 3 области, т. е. почти на всю территорию страны.

В 1907 г. для усиления деятельности банка была создана еще дополнительная надстройка над его постоянно действующими отделениями: были утверждены 3 временных отделения совета банка, причем их полномочия были распространены на 22 губернии, в которых преимущественно сосредоточивались банковские земли.

Впоследствии было организовано еще 2 временных отделения совета банка с районом деятельности в 11 губерниях. Эти временные отделения, получившие на местах название «карательных экспедиций», имели целью путем нажима на местных работников банка и на другие учреждения добиться такого размаха операций банка, какой требовался правительству. Из центра во временные отделения совета Крестьянского банка посылали ярых столыпинцев, способных оправдать «доверие» начальства. Таким, например, являлся Бафталовский, помощник управляющего земским отделом министерства внутренних дел, он же неприменный член временного отделения совета банка, о «подвигах» которого мы уже рассказывали во II главе.

Таков был тот финансовый рычаг, при посредстве которого правительство проводило свою новую аграрную политику. Эта политика была буржуазной по своей экономической сущности, но она проводилась крепостниками-помещиками, которые стремились сохранить свою власть и неприкосновенность помещичьих латифундий.

ДВОРЯНСКИЙ ХАРАКТЕР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРЕСТЬЯНСКОГО БАНКА

В интересах помещиков Крестьянский банк, во-первых, взвинчивал цены на землю. С 71,5 руб. за десятину в 1897 г. цены на землю были подняты банком к 1907 г. до 129 руб., а к 1909 г. — до 140 руб.¹

¹ См. отчет Крестьянского поземельного банка за 1915 г., стр. 156 и 157.

Характерно, что непрерывное повышение цен на землю происходило в такое время, когда помещики, напуганные выступлениями крестьян, предлагали к продаже большое количество земли. За два года (1906 и 1907) было предложено к продаже более 10 тыс. имений общей площадью свыше 10 млн. десятин. Куплено было банком за эти годы 1 891 имение общей площадью 2 664 308 десятин, в то время как за 10 предшествующих лет (1896—1905 гг. включительно) банком было куплено 500 имений площадью 961 487 десятин, т. е. в три раза меньше. И несмотря на то, что на 1906 и 1907 гг. падало наибольшее количество купленной банком земли при во много раз большем количестве предложенной к продаже, средняя цена, которую платил банк, в эти годы была в полтора раза выше, чем в предшествующие годы (107 руб. за десятину против 71 руб. в среднем за период с 1893 по 1905 г.).

Банк, всячески охраняя интересы помещиков, покупал их земли, искусственно взвинчивал цены и накапливал земельные запасы в расчете сбыть их с барышом, когда стихнут волны революции. Поражение революции дало возможность Крестьянскому банку провести эту политику, но только частично. Распродать скупленные им земли он так и не успел до самого конца своего существования, когда земли перешли к их настоящему хозяину — советской власти. Всего за 1906—1916 гг. банк скупил около 4,9 млн. десятин; к нему перешло 1,25 млн. десятин удельных земель, и более 600 тыс. десятин им было отнято у «неисправных» заемщиков. Продано же было банком за это время лишь несколько больше 3,8 млн. десятин, и около 3 млн. десятин остались непроданными. Иначе говоря, банк за все это время продал менее 60% своего земельного запаса.

Необходимо отметить, что при покупке земли непосредственно у помещиков крестьяне платили меньше, чем при покупке у банка. Так, при покупке у банка имений от 500 до 1 000 десятин крестьянские общества и товарищества платили за десятину 131 руб., а при покупке непосредственно у помещиков — 112 руб. При покупке имений от 100 до 200 десятин крестьяне платили банку по 159 руб. за десятину, при покупке непосредственно у помещиков — 135 руб. и т. д.¹

Наконец, еще один момент, ярко характеризующий классовый характер политики банка. При покупке земли у кре-

¹ См. Обзор деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г., стр. 182—185.

стьянских обществ банк платил в среднем по 64 руб. за десятину, мещанам — по 113 руб., купцам — по 118 руб., а дворянам — по 121 руб., т. е. почти вдвое больше, чем за крестьянские земли ¹.

Земельные спекуляции банка были довольно ярко вскрыты во время прений по аграрному вопросу в I и II Государственных думах. Один из депутатов-трудовиков в I Думе говорил о финансовых махинациях двух банков, находившихся под одним управлением (Крестьянского и Дворянского): «Крестьянский банк давал деньги для покупки земли и этим только увеличивал спрос на нее, Дворянский же банк уменьшал предложения, потому что давал деньги дворянам, крупным землевладельцам для того, чтобы они во-время попридержались с продажей своей земли, и, таким образом, эти две силы действовали в одном и том же направлении, создавали небывалый, невозможный рост цен на землю...» ²

Другой депутат-трудовик во II Думе показал, как банк систематически взвинчивал цены на землю. В среднем покупная цена десятины земли в 1890 и 1892 гг. в Гродненской губернии была 61 руб., а банк покупал десятину за 95 руб.; в Киевской губернии — 149 руб., а банк покупал за 170 руб. Подобное же соотношение рыночных и банковских цен на землю было в Полтавской и Курской губерниях и т. д. ³

Защищая интересы помещиков, банк не упускал из виду и коммерческих интересов своего ведомства. По исчислениям Батуринского, средняя покупная цена десятины земли в период с 1907 по 1916 г. равнялась 89 руб., а продажная — 119 руб., т. е. на 33% выше.

Продажа земель банку производилась главным образом дворянами. Из общей площади приобретенных банком земель им было куплено у дворян (в процентах):

в 1906 г.	77,4	в 1908 г.	80,4
» 1907 »	79,9	» 1909 »	90,5

В 1910 г. продажа земель дворянами сокращается до 58,2%, а в 1911 г. — до 23,0%. После этого процент дворянских земель в массе купленных банком снова повышается: в 1912 г. — 55,6, в 1913 г. — 43,8, в 1914 г. — 41,9. В 1915 г. банк почти прекратил покупку дворянских имений; из

¹ См. обзор деятельности Крестьянского поземельного банка с 3 ноября 1905 г. по 1 января 1907 г., стр. 95.

² Стенографический отчет I Государственной думы, т. I, стр. 483.

³ См. Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 720;

общей площади земли, купленной банком в этом году, дворянские земли занимали всего 4%.

Начиная с 1910 г. банк усиленно скупает земли башкир в бывших Пермской, Уфимской и Оренбургской губерниях. В отчетах банка эти «покупки», которые в действительности являлись расхищением земель башкир, фигурируют под рубрикой приобретения земель от крестьян. В 1910 г. такие «покупки» составляют 12% всех покупок банка и 89% купленных крестьянских земель; в 1911 г. земли башкир составляли уже 65% всех покупок банка и 99% покупок крестьянских земель.

Какие категории дворянских земель всего усиленнее ликвидировались при помощи банка? Отчеты банка не дают ответа на этот вопрос за более или менее продолжительный период; только в отчете за 1907 г. указывается, что из 588 проданных банку дворянами имений, по которым имелись сведения, «экономических», т. е. таких, в которых хозяйство велось по-капиталистически, было лишь 61 имение (10,4%); имений со смешанной системой хозяйства было 234 (39,8%), а «сдаточных» имений, т. е. хозяйств полукрепостнического типа, было 293 (49,8%)¹. Именно последние хозяйства оказались наименее устойчивыми и ликвидировались скорее других, составив половину всего числа купленных банком имений.

Помимо продажи крестьянам земель, принадлежавших банку, последний занимался посредничеством при покупке земель крестьянами непосредственно у помещиков и давал при этом покупателям ссуды. Размеры этой посреднической деятельности были шире, чем размеры покупок самого банка. Всего за 1906—1916 гг. при посредстве банка было куплено 5,8 млн. десятин, т. е. в полтора с лишним раза больше, чем за эти годы было куплено непосредственно у банка. (3,8 млн. десятин). Причина этого заключалась в том, что банк в защите помещичьего кармана проявлял больше ростовщического «умения» и выдержки, чем отдельные помещики. Материалы анкеты Вольно-экономического общества, о которой мы уже говорили, указывают, что крестьяне за исключением кулаков боялись иметь дело с банком. «Крестьяне боятся разорения их банком»², — сообщал корреспондент, учитель из крестьян Ливенского уезда Орловской губернии. Корреспондент-крестьянин из Михайлов-

¹ См. отчет Крестьянского поземельного банка за 1907 г., стр. 103.

² Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 134.

ского уезда Рязанской губернии писал: «Прежде арендовали землю до «забастовки» (до революции 1905 года. — П. Е.). А после забастовки покупали через банк дорогими ценами. Крестьян взнуздали господа хуже аренды в десять раз»¹. «Банк тяжел для крестьян, он любит дворян»², — писал корреспондент-крестьянин из Камышинского уезда Саратовской губернии. Общее направление посреднической деятельности банка было, как увидим дальше, то же, что и в операциях с землями, принадлежащими банку; разница заключалась в том, что в посреднической деятельности это общее направление не могло быть так резко выражено.

ПОВОРОТ БАНКА В СТОРОНУ ЕДИНОЛИЧНИКОВ-КУЛАКОВ

Новая аграрная политика правительства вызвала изменения и в составе клиентуры банка. Если до поворота в аграрной политике главную массу клиентов банка составляли сельские общества и товарищества, то после этого поворота — уже отдельные домохозяева; через банк правительство продолжало закрепляло то, что начато было указом 9 ноября.

По двум основным видам операций банка (покупка земли у банка и покупка земли у частных владельцев при его посредстве, с ссудой от банка) за период с 1883 по 1907 г. включительно было куплено отдельными домохозяевами 207 127 десятин (2,1% всех покупок), а сельскими обществами и товариществами — 9 524 668 десятин (97,9% всех покупок). В 1908 г. отдельными домохозяевами было куплено 152 299 десятин (немного меньше, чем за предшествующие 25 лет), а сельскими обществами и товариществами — 866 715 десятин. В процентном отношении покупки отдельных домохозяев в 1908 г. составили 15%, а сельских обществ и товариществ вместе — 85%. За 1909—1915 гг. покупки отдельных домохозяев составляли уже 3 885 023 десятины (55,6% всех покупок), а покупки сельских обществ и товариществ — 3 101 366 десятин (44,4%).

Гораздо резче эта общая тенденция выступает, если рассмотреть только покупки непосредственно у банка, при совершении которых банк имел возможность несравненно более настойчиво проводить линию правительства на внедрение личной частной собственности на землю среди крестьян. И здесь переломным годом в деятельности банка был тот

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 83.

² Там же, стр. 110.

же 1908 год, причем перелом этот выразился еще более резко. С 3,2% в 1906 г. и 2,5% в 1907 г. доля покупок отдельных домохозяев в 1908 г. сразу поднялась до 38,8% всех покупок, а в абсолютных цифрах увеличилась в 27 с лишним раз (с 4,5 тыс. десятин до 126 тыс.). В 1909 г. покупки отдельных домохозяев превысили $\frac{3}{4}$ всех покупок, а с 1910 г. (когда они составили рекордную цифру — 711 тыс. десятин) и до конца деятельности банка превышали 90% всех покупок. В то же время доля покупок сельских обществ с 37,6% в 1907 г. снизилась до 2,1% к 1916 г., а доля покупок товариществ за тот же срок снизилась с 80 до 3,4%. В среднем за все годы с 1906 по 1916 г. включительно покупки сельских обществ составляли 4,8%, покупки товариществ — 13,7%, а покупки отдельных домохозяев — 81,5%, т. е. свыше $\frac{4}{5}$ всех покупок. В абсолютных цифрах покупки отдельных домохозяев составили за эти годы около 3,1 млн. десятин, в то время как покупки сельских обществ и товариществ вместе не превысили 710 тыс. десятин (не достигнув величины земельной площади, купленной отдельными домохозяевами за один 1910 год).

Так проводилась банком столыпинская политика утверждения личной частной собственности на землю в крестьянском хозяйстве как необходимая составная часть ставки на кулака. Отчет банка за 1907 г. объясняет причины некоторого запоздания с поворотом в сторону клиента-единоличника. Распоряжения об этом были даны в 1907 г. одновременно с открытием трех временных отделений совета банка, но так как многие сделки были уже обеспечены задатками, то их пришлось оставить в силе, и поэтому в 1907 г. преобладали еще покупки сельских обществ и товариществ.

Второстепенное значение в деятельности банка имели выдачи ссуд под залог земли, купленной без содействия банка (статья 97 устава банка), и ссуды под залог наделенных земель после укрепления земли в личную собственность по указу 9 ноября. Эти операции банка характеризует та же тенденция, что и первые две основные операции банка. Ссуды под залог земли, получаемые отдельными домохозяевами, начиная с 1908 г. стали во много раз превышать ссуды сельским обществам и товариществам. За период 1908—1915 гг. ссуды отдельным домохозяевам составили 81% всех ссуд, выданных по этой операции (около 33 млн. руб. из 40,6 млн. руб.).

Итак, по всем видам операций банк делал ставку на отдельных домохозяев, оказывая им решительное предпочте-

ние перед покупателями из состава сельских обществ и товариществ.

Какие же классовые слои деревни были представлены каждой из данных категорий покупателей? Ответом на этот вопрос являются данные о количестве купленной земли, приходившейся на одного домохозяина. Эти данные, взятые из отчетов банка, показывают, что при покупке земли обществами в период 1909—1915 гг. на одного домохозяина приходилось от 1 до 1,8 десятины, при покупке земли товариществами — от 3,4 до 6,5 десятины, а покупки отдельных домохозяев колебались в пределах от 11,2 до 18,2 десятины на одного домохозяина.

Отсюда ясно, что сельскими обществами покупали землю большей частью маломощные, бедняцкие слои деревни; в товариществах, очевидно, преобладали середняки; а в категории отдельных домохозяев выступали явно кулацкие элементы, которым и перепадали полностью все ссуды банка.

Необходимо в особенности подчеркнуть, что эта помещичье-кулацкая сущность деятельности банка всячески маскировалась тенденциозно составляемыми банковскими отчетами. Как наиболее яркий пример можно привести банковскую фальшивку с так называемыми «безземельными». По отчетам банка процент безземельных среди покупателей каждой категории все возрастал в направлении от сельских обществ к отдельным домохозяевам. Так, при покупке земли у банка в 1911 г. процент безземельных в сельских обществах равнялся 8,3, в крупных товариществах — 12,7, в мелких товариществах — 21,7 и среди отдельных домохозяев — 30,4. Ту же самую картину, только еще более резко выраженную, мы видим при покупке земли у частных владельцев со ссудами от банка. Здесь процент безземельных в том же 1911 году равнялся в сельских обществах 3, в крупных товариществах — 12,5, в мелких товариществах — 15,8 и среди отдельных домохозяев — 28,5.

Такой значительный процент безземельных давал законам банка повод для торжественных реляций на тему о том, что деятельность банка способствует ликвидации безземелья, улучшает положение массы крестьянства и т. д. Что же в действительности представляли покупщики, фигурировавшие в отчетах банка под рубрикой «безземельных»? Ответ на этот вопрос дают цифры о среднем размере купленных участков у покупателей той или другой категории в целом и отдельно у безземельных той же категории. Если взять данные, например, за 1910 г., то получится, что средний

размер купленных участков в сельских обществах равнялся 1 десятина, а у безземельных той же категории — 3,2 десятины; в крупных товариществах соответствующие цифры равнялись 3,4 и 7,4 десятины, в мелких товариществах — 6,9 и 17,3 десятины и среди отдельных домохозяев — 14,4 и 16,6 десятины.

Иначе говоря, лишь немногие из «безземельных» покупателей банка были действительно безземельными крестьянами, покупавшими ничтожные клочки земли; большая же часть их была «безземельными» особого рода, покупавшими обычно гораздо больше земли, чем остальные покупатели той же категории. Вот что писал, например, корреспондент Вольно-экономического общества из Казанского уезда: «Вкратце состав и положение хуторян... на земле, купленной и арендованной участками у Крестьянского банка... в первую очередь местные — волостной писарь... полицейский урядник и бывший сиделец казенной винной лавки... Все эти лица, до этого времени не занимавшиеся лично ведением сельского хозяйства, т. е., как говорят про них крестьяне, «не бравшие в свои руки ни сохи, ни бороны», захватившие, однако, почему-то при отсутствии в их семьях наличных работников по два земельных участка в 14 хозяйственных десятин каждый, обстроились удовлетворительно, затратив на это по 300—500 руб., да на живой и мертвый инвентарь по 150—200 руб. Остальные же хуторяне, крестьяне-земледельцы, выстроившие на денежные ссуды из казны до 150 руб. лишь по плохонькой избенке и более — ни кола, ни двора, редко имеют лошадь и корову, а чаще лишь одну последнюю»¹.

Так вот кто были те «безземельные», которым благодетельствовал банк: это разжившиеся на взятках волостные писаря, приказчики помещичьих экономий, полицейские урядники и тому подобная гниль помещичье-буржуазного строя.

ПОЛИТИКА БАНКА В ОБЛАСТИ ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВА

Одним из важнейших вопросов в деятельности банка являлся вопрос о его политике в области землеустройства. Следуя общей политике правительства на создание крепких кулацких хозяйств, банк одновременно с открытием временных отделений совета банка в губерниях, где было наи-

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 15—16.

большее количество банковских земель, дает им директиву проводить линию на организацию хуторских и отрубных хозяйств. Такие хозяйства, по замыслу руководителей банка, должны были представлять «живые примеры, которые воочию убедили бы крестьян в пользе и преимуществе новых порядков землепользования»¹.

В феврале 1908 г. была выработана временная инструкция об основаниях и порядке ликвидации земель, принадлежащих банку; в инструкции целью ликвидации объявлялось насаждение «прочных и жизненных крестьянских хозяйств». Особые чиновники — «ликвидаторы» должны были вырабатывать планы разбивки имений на хуторские и отрубные участки и их распродажи. В 1909 г. «заботы» банка пошли дальше, распространившись и на те земли, которые крестьяне покупали непосредственно у помещиков. В начале 1909 г. банк выработал утвержденные затем Комитетом по землеустроительным делам правила «об оказании банком помощи частным владельцам при продаже ими с содействием банка участков в единоличное владение». По этим правилам банк предварительно вырабатывал предположения о наиболее целесообразной разбивке имений на отдельные участки и основания расценки каждого участка. По получении согласия от помещика земля разбивалась на участки, и по мере представления владельцами запродажных сделок банк назначал ссуды покупателям².

Хутора и отруба вместе составляли не менее $\frac{3}{4}$, а в отдельные годы (1909, 1912, 1913, 1915) превышали $\frac{4}{5}$ всей площади предназначенного к распродаже земельного запаса банка. Процент земельной площади, разбитой на хутора, в период с 1908 по 1915 г. шел на увеличение (за исключением 1913 и 1915 гг.), но преобладание оставалось за отрубями (за исключением 1912 и 1914 гг.). В целом за время с 1907 по 1916 г. хуторянам было продано 23,4% всех проданных банком земель, отрубникам — 54,5%, сельским обществам и товариществам — 17,8%, учреждениям и частным лицам за наличный расчет и др. — 4,2%.

Таким образом, 78% земель было продано хуторами и отрубями. Та же самая политика проводилась, как мы видели, и при покупке крестьянами земли у помещиков при содействии банка: банк вмешивался и здесь со своими землеустроителями, разбивая землю на хутора и отруба.

¹ Отчет Крестьянского банка за 1907 г., стр. 19.

² См. Отчет банка за 1909 г., стр. 119.

Землеустроительная политика банка ставила в крайне тяжелое положение массу крестьян, оставшихся в общине. Обычно помещичьи земли, переходившие банку, до этого арендовались крестьянами небольшими участками, по 1—2 десятины, и хотя и на кабальных условиях, но ими пользовались более или менее значительные группы крестьян, а выгоны и пастбища арендовались обычно целыми сельскими обществами. После покупки банком эти земли переходили к небольшой группе покупателей, масса же крестьян зачастую лишалась таких угодий, без которых совершенно нельзя было вести хозяйство (выгоны, луга и т. п.). Это, разумеется, усиливало разорение бедноты.

Если взять только ту часть купленной у банка земли, которая была разбита на хутора и отруба, то 70% ее площади падало на отруба и только 30% на хутора. И это несмотря на преимущества, предоставлявшиеся банком для хуторян, которые получали большие по сравнению с отрубниками ссуды (на 5% стоимости покупаемой земли). Большинство предпочитало доплачивать эти 5% наличными, но не переселяться на хутор и сохранять усадьбную оседлость в деревне, выделяя лишь свою землю к одному месту. Не желали переселяться бедняки, боясь, и не без основания, что не вытянут платежей банку. Но не желали переселяться иногда и те из кулаков, которые находили для себя выгодным жить в деревне и сохранять там землю, чтобы пользоваться общественными выгонами, пастбищами и т. д., а сверх того иметь участок земли в виде отруба. В результате, хотя мотивы нежелания переселяться были различными у разных слоев деревни, хутора не получили преобладания над отрубам, как добивался банк.

Банк не останавливался и перед насильственными средствами, чтобы заставить крестьян, купивших у него землю, вести хозяйство хуторами и отрубам. Корреспондент Вольно-экономического общества крестьянин Сергачского уезда Нижегородской губернии сообщал в анкете: «В нашей местности был такой случай. Выселялись крестьяне из разных деревень на поселок на банковскую землю, жили на ней лет 6 или 7, накопили долгу, но все-таки выплатили, потому что были под круговой порукой... а землю им все-таки не дают, изрезали ее на отруба: «берите отруба, а то очистите место...» Хлопотали, но их дело не выходит. Приезжал пристав со стражниками и нанимал в их счет ломать их постройки, и было сломано 9 домов со всеми постройками. Каково было зрелище: женщины и дети плачут. И что

же? Опять начинают, как муравьи, строить свои хаты. Что будет — неизвестно. Перед сломкой пристав троекратно допрашивал: — «Не хочешь брать отруб?» — «Нет», — получался ответ. И тут же был приказ ломать и т. д.»¹. Усиленно субсидируя кулаков, покупавших хуторами и отрубам помещичьи земли, банк всячески стремился разрушить товарищества по совместной покупке и владению землей, подбивая к разделу земли, принадлежащей товариществам, на отдельные участки; если это не удавалось, банк добивался выдела из товарищества части домохозяев. Так, за 1909 г. в отделения банка поступили приговоры от 245 товариществ о полном разделе принадлежащих им 58 269 десятин товарищеской земли и от 125 товариществ в составе 4 203 домохозяев о выделе из их состава 748 домохозяев. Однако от приговоров о разделе и выделе до осуществления их на деле было еще далеко. В действительности за 1909 г. был проведен раздел только 499 десятин земли, принадлежащей товариществам (меньше 1% всей земли товариществ, вынесших приговоры о разделе); выдел был произведен только из 9 товариществ, в которых было 105 членов с 869 десятинами земли. Руководители банка не могли не видеть мизерных результатов этой стороны банковской деятельности и все же с обычным казенным оптимизмом писали: «Приведенные данные невелики по итогам, но их надо учитывать, как первый деловой почин предстоящей широкой деятельности Крестьянского банка по упрочению землеустроительных начал в посреднической операции»².

Для проведения хуторского и отрубного землеустройства на банковских и купленных при содействии банка землях банк имел в своем распоряжении огромное количество землемеров. Частью это были штатные работники, но большая часть была командирована землеустроительными комиссиями; кроме того, привлекались и вольнонаемные землемеры. Наибольший размер землеустроительные операции банка получили в 1909 г., когда землеустроительными работами было охвачено 1 120 713 десятин банковской и купленной при содействии банка земли, причем в распоряжении банка находилось 1 007 землемеров и их помощников. С 1910 г. землеустроительные операции банка пошли на снижение.

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 72.

² Отчет банка за 1909 г., стр. 120 и 121.

ВЛИЯНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКА НА ДИФФЕРЕНЦИАЦИЮ ДЕРЕВНИ

Последним по счету, но одним из первых по важности является вопрос, какое влияние оказала деятельность банка на процесс дифференциации крестьянства. Деятельность банка, с одной стороны, способствовала усилению в деревне кулацкой верхушки, а с другой — разоряла не только бедняцкие, но также и середняцкие слои деревни. Нуждаясь в земле, отдельные середняки, а иногда и бедняки, тоже покупали землю у банка, надеясь, что длительная (на 55 лет) рассрочка даст им возможность выплатить долг. Однако скоро оказывалось, что ростовщические условия банка были непосильны для крестьянина-бедняка. Очень часто бедняки в течение нескольких лет ценой огромных лишений и жертв исправно выплачивали банку свой долг, но при первой же хозяйственной неудаче (неурожай, пожар, падеж скота и т. п.) попадали в число «неисправных» заемщиков, и за неплатеж, — а в огромном большинстве случаев даже только за опоздание с уплатой взноса в банк — у них отбиралась и продавалась с торгов земля и другое имущество.

Отобранные у бедняков участки тут же скупали кулаки. Так, в одном из районов Ливенского уезда из 14 участков, с которых согнали крестьян, 5 участков захватил кулак Колобашкин, который до этого имел уже 60 десятин собственной земли и около 15 наделов, скупленных у крестьян, вышедших из общины.

Так на крови и бедствиях крестьянской массы росли «новые помещики», как называли тогда кулаков-хуторян.

В результате ростовщической деятельности банка число продаж земли должников за неплатеж или опоздание с уплатой с каждым годом росло, что показывает следующая таблица:

Таблица 1

Годы	Число продаж	Площадь земли в десятинах	Годы	Число продаж	Площадь земли в десятинах
1908	189	2 472	1912	2 226	25 340
1909	313	4 165	1913	2 860	34 062
1910	620	6 914	1914	3 790	47 994
1911	1 385	15 294	1915	3 559	51 386

Банк разорял не только отдельных крестьян, но и крупные крестьянские товарищества. Корреспонденции с мест приводили множество фактов разорения товариществ банком.

В Сенгилеевском уезде Симбирской губернии, сообщал корреспондент Вольно-экономического общества, была отнята земля у товарищества, состоявшего из 131 домохозяина. За долг в 9 тыс. руб. было отнято 1 700 десятин земли, включая озимое на 400 десятинах¹.

Депутат Государственной думы Аникин в журнале «Вестник Европы» рассказал о своих беседах с знакомыми крестьянами:

«Во время беседы зашла речь о хуторах. «У вас там хутора были, они как, целы?» — «Это графские-то? — не понял меня мужик, — «культурные уголки»? Куда там, один мусор остался». — «Не «культурные уголки», — засмеялся я обогащению культуры народной речи думскими терминами, — а на купленной земле мужики заводили хутора: Ненароковский, Борисовский, Мордовский». — «Вона-а! Хватился! Там давно одна крапива растет. Смели натло дочиста... За неплатеж...»².

Таковы были две стороны в деятельности банка: росло и усиливалось кулачество, разорялась крестьянская беднота; увеличивались оба крайних полюса в деревне; «вымывание» середняка происходило быстрее, чем до столыпинщины.

Подведем итоги деятельности банка в целом. Политика банка проводилась в интересах помещиков и кулаков.

Во-первых, банк в интересах помещиков взвинчивал цены на землю; при посредстве банка огромные суммы из крестьянских карманов перекачивались в карманы дворян-помещиков, и это непроизводительное расходование народных средств самым отрицательным образом сказывалось на развитии сельского хозяйства, задерживая его. За 34 года существования банка через него прошло 17,7 млн. десятин земли, причем за последние 9 лет с 1907 по 1915 г. включительно было продано около 9 млн. десятин, т. е. больше половины всей площади, проданной банком за 34 года его существования.

Во-вторых, политика банка содействовала усилению кулацкой верхушки деревни. За те же годы (1907—1915)

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. II, стр. 91.

² Аникин, Чего просит деревня, «Вестник Европы» за 1909 г.; кн. 2, стр. 736.

более 4 млн. десятин перешло к зажиточной и кулацкой части деревни, покупавшей землю как отдельные домохозяева. На землях банка было создано приблизительно 280 тыс. хуторов и отрубов. На покупку земли и устройства хуторов банк за те же годы выдал кулакам в виде ссуд огромные суммы — более 480 млн. руб. За счет этих средств из кулаков вырастали «новые помещики» предпринимательского, капиталистического типа. С другой стороны, банк разорял крестьян-бедняков, усиливал пролетаризацию и обнищание крестьянской массы.

В-третьих, в результате этого наряду с обострением классовых противоречий между крестьянами и помещиками усиливалась и обострялась классовая борьба между деревенской беднотой и кулачеством.

ГЛАВА IV

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ЦАРИЗМА

ПОВОРОТ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Особенностью переселенческой политики царизма по сравнению с другими сторонами его аграрной политики было то, что поворот в этой области начался значительно раньше, чем в отношении общины и деятельности Крестьянского банка. Первым толчком, вызвавшим частичный сдвиг в вопросе о переселениях, было крестьянское движение весной и летом 1902 г. на Украине и в Поволжье. С разных сторон — и из правительственного центра и от помещиков тех губерний, где впервые началось крестьянское движение, — выдвигались требования изменить переселенческую политику. Осенью 1902 г. Вите после своей поездки на Дальний Восток представил царю доклад, в котором писал, что существовавший до сего времени размер переселенческого движения не соответствует ни «нужде в устройстве быта малоземельного крестьянства внутренних губерний, ни потребности необъятных областей Сибири в земледельческой колонизации»¹. По вопросу о необходимости увеличения затрат в связи с расширением переселенческого дела Вите заявлял: «Но такие жертвы государственного казначейства найдут себе оправдание, с одной стороны, в той культурной

¹ Цит. по книге А. А. Кауфмана «Переселение и колонизация», стр. 128.

роли, которую предназначено выполнить переселенцам в деле оживления необъятной Сибири и разработки природных богатств этого края, а с другой — *в уменьшении в Европейской России излишков населения*»¹. Итак, необходимо уменьшить «излишки» населения в Европейской России — выбросить в Сибирь малоземельных и безземельных крестьян, т. е. наиболее опасные для помещиков «беспокойные элементы» деревни, чтобы ослабить натиск крестьянства на помещичьи земли.

В том же направлении действовали и напуганные помещики тех губерний, в которых происходили крестьянские волнения. Одновременно с докладом Витте, осенью 1902 г., Полтавским губернским присутствием был разработан проект планомерного выселения из Полтавской губернии безземельных и малоземельных крестьян. В марте 1903 г. проект этот был подвергнут обсуждению особым совещанием при министерстве внутренних дел под председательством Стишинского. Совещание признало, что нельзя ограничивать рассмотрение возникшего вопроса рамками одной Полтавской губернии и что следует рассматривать этот вопрос, как имеющий общее значение для государства. Совещание признало необходимым допускать переселение на казенные земли только из таких малоземельных обществ, откуда это переселение представлялось, по соображениям экономическим и политическим, наиболее отвечающим правительственным задачам. Это был сдвиг в сторону *регулируемого* переселения с поощрением переселения из одних местностей и одних сельских обществ и с сохранением прежней политики препятствий переселению из других местностей, переселение из которых не соответствовало видам правительства.

Такой именно характер носил новый переселенческий закон 6 июня 1904 г. По этому закону различались два вида переселений: переселение *стесняемое* — без содействия правительства, и переселение *поощряемое* — с содействием правительства. Переселение без содействия правительства объявлялось свободным, никакого разрешения не требовалось, каждый имел право на свой счет и свой риск переселяться в избранную им местность.

Но фактически положение таких переселенцев было даже худшим, чем «самовольных» переселенцев по закону 15 апреля

¹ Цит. по книге А. А. Кауфмана «Переселение и колонизация», стр. 130. Курсив мой. — П. Е.

1896 г. Закон 1896 г. хотя и не обязывал, но уполномочивал администрацию мест переселения устраивать самовольных переселенцев во всех колонизационных районах, где только имелись свободные земли. Новый закон разрешал местным властям устраивать переселенцев, не попавших в категорию поощряемых, только в четырех сибирских губерниях — Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской и в Степном генерал-губернаторстве. Переселенцы без содействия правительства не могли быть устроены ни в Приамурье, ни в Тургайской области, ни в Закавказье. Записка переселенческого управления ставила целью обставить переселение, не вызываемое «видами правительства», такими условиями, которые сократили бы его размеры.

Второй вид переселения по закону 1904 г. — переселение поощряемое, переселение с содействием правительства. В этом случае правительство обеспечивало переселенцу (формально) получение земельного надела, давало льготный проезд по пониженному тарифу и ссуды на домообзаводство при водворении на новом месте.

Но для того чтобы получить возможность переселения с содействием правительства при переселении, необходимо было наличие одного из двух условий: либо проживание в таких местностях, добровольное выселение из которых признавалось правительством желательным вследствие особо неблагоприятных хозяйственных условий, либо выраженное желание переселиться именно в те местности, заселение которых вызывалось «видами правительства». Местности, откуда желательны переселения, а также «виды правительства» по части заселения тех или иных местностей намечались по соглашению министров: внутренних дел, финансов, земледелия и государственных имуществ и, кроме того, военного министра в отношении местностей, находящихся в его ведении.

При наличии у переселенца одного из указанных условий или обоих вместе требовалось еще получить разрешение от уездного съезда и послать ходока для выбора и зачисления земельного участка. Посылка ходоков без предварительного разрешения не допускалась, чем вводились новые ограничения по сравнению с законом 7 декабря 1896 г. В конечном итоге получение разрешения уездного съезда зависело от земского начальника.

В период подготовки закона 6 июня 1904 г. саратовское дворянство выдвинуло «оригинальный» проект организации переселений, связанный с именем дворянина Павлова.

Этот проект заключался в следующем: дворянин-землевладелец берет на себя хлопоты о приискании земли для подбранной им группы переселенцев из ближайших к его имени деревень, сопровождает переселенческую партию во время ее передвижения на выбранное ею место, «содействует» ее хозяйственному устройству и за это получает на льготных условиях участок земли, примерно в 2 тыс. десятин, по соседству с наделами опекаемых крестьян. Этот оригинальный проект перенесения в Сибирь крепостнических отношений — переброски вместе с крестьянами и помещиков-зубров, от которых крестьяне готовы были бежать на край света, — встретил полное сочувствие в саратовском дворянском собрании; только 5 голосов из всего собрания было против этого проекта. Проект нашел сочувствие и среди дворян других губерний; за проект Павлова было и министерство внутренних дел, которое предлагало дать таким дворянам-«благодетелям» должность «почетных переселенческих посредников». Правительство не решилось, однако, в обстановке нарастающей революции провести такой откровенно наглый план насаждения крепостников в новых местах поселения крестьян, и план саратовского дворянина был положен под сукно.

Новые планы регулируемого переселения по закону 6 июня 1904 г. оказались также неосуществимыми, как и прежняя запретительная политика: подавляющее большинство переселенцев двигалось за Урал без разрешения.

Окончательный поворот в переселенческой политике правительства произошел только во время революции 1905—1907 гг. В первой половине 1906 г., когда продолжался еще период наивысшего подъема революционного крестьянского движения, было издано Положение совета министров от 10 марта 1906 г. о порядке применения в 1906 г. закона 6 июня 1904 г. Это положение, действие которого было продолжено затем и на 1907 г., являлось по существу новым законом, отменявшим закон 6 июня 1904 г. и в корне изменившим переселенческую политику правительства. От политики запретений и всякого рода препятствий переселениям царское правительство перешло к политике форсирования и всяческого рекламирования переселений.

По Положению 10 марта 1906 г. разрешалась беспрепятственная посылка ходоков крестьянскими обществами, товариществами и отдельными крестьянскими семьями, а также семьями мещан-земледельцев во все районы переселения. Земские начальники обязывались беспрепятственно

выдавать ходокам соответствующие свидетельства, заменявшие вид на жительство, и удостоверения на льготный железнодорожный проезд.

В отношении земель, заселение которых вызывалось «видами правительства», для получения переселенческих льгот не требовалось и посылки ходоков. Выдача свидетельств на льготный проезд ходоков приостанавливалась распоряжением главноуправляющего землеустройством и земледелием в том случае и в те районы водворения, когда и где обнаруживался недостаток свободных переселенческих участков.

В статье члена Государственной думы кадета Виноградова¹ было приведено циркулярное письмо главноуправляющего землеустройством и земледелием князя Васильчикова от 25—28 декабря 1906 г. В этом письме главноуправляющий просит сибирских губернаторов «оказать возможно широкое содействие к успешному ходу переселенческого дела», так как «аграрное движение среди сельского населения Европейской России можно в значительной степени ослабить от выселения излишков населения в азиатские окраины Империи».

Таким образом, правительство не только сделало крутой поворот от стеснений и задержек переселений к полной свободе их, но и всячески стало форсировать и рекламировать переселения, давая соответствующие директивы местным властям и выпуская массовыми тиражами заманчивые плакаты с призывами к переселению. В результате количество переселенцев и ходоков резко возросло.

Таблица 2

Годы	Количество переселенцев	Количество ходоков	Всего переселенцев и ходоков
1905	38 760	5 269	44 029
1906	139 064	77 584	216 648
1907	427 339	149 640	576 979
1908	664 777	94 035	758 812

За одну неделю, с 11 по 18 марта 1907 г., через один Челябинский переселенческий пункт прошло 19 тыс. человек — почти половина числа переселенцев, проехавших в Сибирь через все переселенческие пункты за весь 1905 год.

¹ См. «Русскую мысль» за 1908 г., кн. VI.

Так форсировали крепостники-помещики всячески задерживаемое ими ранее переселение, так торопились они поскорее отправить на свободные земли, подальше от своих помещичьих гнезд, изголодавшихся малоземельных и безземельных крестьян!

В конце 1907 г. для помощи правительству в переселенческом деле была создана областная переселенческая организация из представителей земств тех южных губерний (Полтавской, Киевской, Екатеринославской, Харьковской, Херсонской и др.), откуда больше всего шло переселенцев. Эта помещичья организация, как и правительственные чиновники, задавалась одной целью: как можно больше отправить переселенцев из своих губерний. К переселенческому делу в 1908 г. были привлечены землеустроительные комиссии с целью «координировать» проведение аграрной политики правительства на местах: «сильных» устраивать на месте, помогая им грабить общинные земли и округлять свои хуторские хозяйства, превращаться в «новых помещиков», а «слабым» давать «путевки в Сибирь» в виде проходных и ходаческих свидетельств. Участие землеустроительных комиссий сказалось прежде всего в резком увеличении процента переселенцев, бравших ссуды, т. е. наиболее нуждавшихся. Тургайский губернатор в своем донесении Столыпину¹ сообщал, что раньше, когда переселение производилось без участия землеустроительных комиссий, процент переселенцев, бравших ссуды, не превышал 40, а средний размер ссуды не достигал 50 руб.; теперь же требования на ссуды, и притом в высшем, предельном размере (165 руб.), предъявляют почти все переселенцы. Чрезвычайное повышение требований на ссуды губернатор объяснял полной нищетой переселяющихся, в чем он убедился при поездке «на места», в Кустанайский уезд. Многие переселенцы, писал губернатор, смогут дотянуть до осени на выданные им ссуды, а дальнейшая их судьба совершенно гадательна.

Губернатор сообщал далее, что в местах выхода переселенцев местные учреждения своими разъяснениями и объяснениями возбуждали преувеличенные надежды переселенцев на льготы и пособия; что едва ли не большая часть переселенцев была обманута землеустроительными комиссиями, земскими начальниками и другими учреждениями

¹ Дело № 52 XI делопроизводства земского отдела, листы 1—8.

мест выхода. К донесению были приложены копии «документов», которые доказывали эти факты обмана: ложные объявления Каменецкой, Александровской и Елизаветградской уездных землеустроительных комиссий и образцы незаконных проходных свидетельств, выдававшихся земскими начальниками.

КАК ОСУЩЕСТВЛЯЛАСЬ НА ДЕЛЕ НОВАЯ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Подталкиваемые безысходной нуждой на родине, соблазненные заманчивыми обещаниями правительства, многие из крестьян двинулись искать счастья на новых местах за Уралом. Прежде чем добраться до новых мест, переселенцы немало лишений выносили в пути. Переселенцами разного пола и возраста битком набивались вагоны для перевозки скота, с печально-знаменитой надписью: «40 человек, 8 лошадей». Помногу недель, а иногда и месяцев переселенцы жили в этих вагонах, так как поезда с переселенцами шли во много раз медленнее, чем обычные товарные поезда; они подолгу простаивали чуть ли не на каждой станции, а иногда загонялись в тупики, чтобы очистить дорогу другим поездам. Лишенные долгое время горячей пищи, далеко не на каждой станции имея возможность запастись кипятком, переселенцы массами заболели; больные, часто заразные, оставались в тех же вагонах, среди здоровых, всячески скрывая свою болезнь, чтобы не быть изолированными от других и не отстать от своей партии.

Когда, наконец, после долгого пути, измученные дорожными передрыгами переселенцы добирались до места назначения, то очень многих ожидало горькое разочарование: обещанных им «свободных земель» не было! Всячески форсируя переселения, правительство не подготовило в необходимом количестве годных по качеству земельных участков, чем ставило переселенцев в отчаянное положение.

Вот что писали об этом правительственные чиновники, земцы-помещики и другие, отнюдь не революционно настроенные люди. Одним из таких людей являлся А. И. Комаров, который 27 лет служил чиновником лесного ведомства и детально ознакомился с переселенческим делом в Сибири. Комаров сначала тайно от начальства (под псевдонимом) написал ряд фельетонов о переселенческих делах правительства в газете «Новая Русь», а затем, оставив службу, опубликовал эти материалы в брошюре.

Вот какие выводы делал этот благонамеренный чиновник:

1) Полная неподготовленность Главного переселенческого управления к постановке землеотводных работ в широких размерах. 2) Полное отсутствие планомерности в работах и плохое качество работ. 3) Отвод участков с непригодной для сельского хозяйства почвой, с отсутствием воды или водой, не пригодной для питья ¹.

Когда масса переселенцев нахлынула в районы, назначенные для их водворения, оказалось, что участки не готовы, что дороги к ним не проведены, что переселенческие пункты еще только строятся. И вот началось то, что благонамеренный чиновник называл «переселенческой сутолокой», но что в действительности представляло тяжелое преступление перед народом.

Чтобы устроить переселенцев, писал Комаров, землю «брали по кусочкам, брали то, что в первую голову попадало на глаза, — лишь бы поместить, лишь бы отвязаться от тех десятков изнуренных, истомленных лиц, которые торчат на переселенческом пункте, стоят часами в прихожей переселенческого управления, неизвестно зачем целой гурьбой лезут в губернское управление и не оставляют в покое ни одного присутственного места. Но, однако, в общем делу это помогало мало. Как ни рвались по кусочкам устроенные чуть не вчера казенные лесные дачи, на что также в свое время был израсходован не один десяток тысяч рублей, как ни было уступчиво, быть может, и не без давления свыше, местное лесное управление... все же часть участков в конце концов пришлось отводить в тех местах, куда не особенно часто залетает с костями и ворон» ².

В своей брошюре Комаров приводил много примеров такого отвода переселенцам непригодных участков. Вот переселенческий участок «Выездной», в верховьях реки Маны, на котором в первый же год оказалось около 30 домов. Переселенцы рассчитывали на привольное и сытое житье: река с большим количеством рыбы, тайга, полная птиц и зверья, недурные сенокосы и достаточное количество полян для того, чтобы немедленно взяться за распашку целины. Но получилось не то. Оказалось, что участок, расположенный в верховьях такой быстрой горной речки, как Мана, находился на очень большой высоте над уровнем моря, и потому хлеб на участке не вызревал. Пробившись семь

¹ См. *Комаров*, Правда о переселенческом деле, П. 1913, стр. 137.

² Там же, стр. 11 и 12.

тяжелых лет, новоселы разошлись почти все; осталось всего несколько семейств, бросивших опыты с земледелием и занявшихся исключительно добычей зверя и рыбы¹.

Вот другой переселенческий участок в Минусинском уезде, где поселившиеся и уже застроившиеся новоселы вдруг начали ходатайствовать, чтобы им позволили перейти на другой участок, мотивируя это тем, что «скотина воды не пьет, сами они мучаются животом, а ребяташки от той же причины помирают ранней смертью»². При расследовании изложенное в прошении подтвердилось полностью.

Переселенческими чиновниками на участках Чуно-Ангарского края были намечены сотни душевых долей: 900 долей, 460 долей, 205 долей и т. д. Но переселенцев на этих участках не было, и осматривавшие участки ходоки отказались от их зачисления, так как жить здесь было нельзя: сплошные хребты, болота и болотная, не пригодная для питья вода. Подобных примеров автор брошюры приводит немало.

Наряду с отводом не пригодных для заселения участков с течением времени все в большей степени начало применяться отобрание земель у русских крестьян-старожилов и у трудящихся других национальностей. Прочно осевшее на земле старожильческое население Сибири с наплывом переселенческой волны оказалось в неопределенном положении, так как старожилы не имели никаких планов и документов на землю и их пользование землей носило фактический характер. В поисках удобных земель для переселенцев правительство все больше и больше стало сокращать размеры наделов старожильцев и отдавать под переселенческие участки их заимки.

Вот деревня Кулакова Казачинской волости Енисейского уезда, где производитель работ отрезал у крестьян-старожилов 7 заимок из 9 да пашен с покосами десятин 500, оставив деревне менее 300 десятин; или соседняя деревня Кондаковка, где из 7 заимок было отрезано переселенцам 5, из коих две с ригами и гумнами³.

В селении Барга, рассказывал автору один старожил, «довольно просто вышло: взял этот самый топограф да и провел линию, грань-то, т. е. переселенческую, через самые, стало быть, риги ихние, баргинские... Да еще что!

¹ Комаров, Правда о переселенческом деле, стр. 26 и 27.

² Там же, стр. 87.

³ Там же, стр. 58 и 59.

Берег речной с версту отмахнул, и выходит, что баргинцы-то и без рыбы и без водопоя. Вот какое дело вышло»¹.

Результатом такой политики было разорение крестьян-старожилов. Десятки тысяч десятин лучшей земли были изъяты из пользования старожилов. В одном Минусинском уезде, который назывался «сибирской Италией». «За последнее время эта Италия, — писал Комаров, — благодаря общей постановке государственного хозяйства весьма аккуратно посещается, выражаясь официальным языком, «недородом»². Если «недород», а попросту говоря, голод в результате грабежа земель старожилов коснулся и сибирской Италии, то легко представить, что делалось в других районах, находившихся в менее благоприятных по сравнению с Минусинским уездом условиях.

Кроме грабежа земель старожилов-русских правительство все в большей степени грабило земли трудящихся нерусских национальностей: киргизов, казахов, народов Кавказа. Вся переселенческая политика царизма носила ярко выраженный националистический характер, преследуя цель «руссификации окраин», разжигания шовинизма и национальной вражды. Вот статья 5 «Временных правил» закона 6 июня 1904 г. В ней говорилось, что разрешения на переселение с содействием правительства в области Сыр-Дарьинскую, Ферганскую и Самаркандскую и в Кавказский край должны выдаваться только лицам коренного русского происхождения, православного вероисповедания.

Несмотря на наличие в районах переселения огромного количества безземельных и малоземельных из местных жителей, правительство под видом «излишков» отнимало у них огромные пространства лучшей земли и отдавало эти земли переселенцам. Как и в Сибири, ко всем действующим в Степном крае, Средней Азии и на Кавказе землеотводным партиям предъявлялось правительством одно требование: поскорее, подешевле и побольше дать переселенческих участков. Царское правительство совершенно не считалось с тем, что, по официальным данным, только в районах Иртыша и Алтайского горного округа жило 92 тыс. безземельных; что, по тем же данным, в Кутаисской губернии количество крестьян, испытывавших острую нужду в земле, доходило до 70%. Стремясь всячески форсировать переселения, правительство и его агенты на местах сгоняли с насиженных

¹ Комаров, Правда о переселенческом деле, стр. 39.

² Там же, стр. 88.

мест целые селения; подстраивались целые судебные процессы, чтобы оправдать грабеж земель у горцев.

В III Думе один из депутатов-трудовиков, пользуясь официальными отчетами по переселенческому делу в Туркестане и материалами сенаторской ревизии графа Палена, привел огромное количество случаев, когда у киргизов и казахов отнимались участки орошенной, с высшей культурой, земли, которой они пользовались много лет. «Например, участок Чамалганский: предполагается снести 656 киргизских хозяйств; вот участок Маловодненский: предположены к изъятию 1 370 десятин пашни; участок Подгорный: предположены к изъятию арык и 6 десятин люцерны; участок Кара-хо: на участке отнимается сеть арыков; участок Байтыковский: отнимаются клеверники, древесные насаждения и даже мечеть; Кары-тюбо — клеверники, древесные насаждения и искусственные сооружения... Вот Саты-булак: сносятся 8 жилых домов, 33 сада; участок Каратума — 26 десятин люцерны. Чинами переселенческой партии, — писалось в материалах сенаторской ревизии, — предположено было разрушить 5 100 очагов оседлости, по расчету 6 душ на каждое семейство, более 30 тыс. человек»¹.

К 1913 г. в одной Семиреченской области было захвачено 4 193 520 гектаров удобной земли. Такой же беззастенчивый грабеж земель трудящихся происходил и в Киргизии. «Выгоняя киргизскую бедноту из плодородных долин, царская администрация предоставляла в ее распоряжение бесплодные склоны каменистых хребтов, вечные снега и ледники. В одном только бывшем Пишпекском (Фрунзенском) уезде таким образом было отобрано у киргизов 712 089 гектаров земли. В южной Киргизии, в районах Ферганской долины, на лучших, насильственно изъятых у киргизов 90 тыс. гектаров земли было расселено 50 русских селений»².

В результате такой зверской, «волчьей политики», как назвал ее товарищ Сталин, создавались крайне враждебные отношения между переселенцами и местными жителями, приводившие иногда к очень серьезным столкновениям между ними. В донесении тургайского губернатора Столыпину, о котором мы уже упоминали, губернатор писал, что ввиду столкновений между переселенцами и киргизами им

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, сессия четвертая, ч. I, стр. 2590.

² Одиннадцать Союзных Советских Социалистических Республик, Госполитиздат, 1938, стр. 118—119.

была вызвана из Перми в Кустанай полусотня казаков, которых губернатор не может отправить обратно, так как с уходом казаков столкновения начнутся снова. Вот другой пример из области отношений между переселенцами и местными жителями на Кавказе, о котором сообщал сенатор Кузьминский. После того как местное аларское общество было прогнано с его земель, выброшено на произвол судьбы, уездным начальником было предложено «озаботиться снабжением крестьян вновь возникших селений на Мухане... оружием — берданками по 10 ружей на 100 дворов». Интересная иллюстрация, — писал об этом Ленин, — для характеристики «националистического курса» современной политики»¹.

Всячески разжигая национальную вражду, царизм стремился путем переселения на окраины кулацких элементов из русских крестьян и казаков создать себе опору для угнетения трудящихся других национальностей. Наместник Кавказа Воронцов-Дашков в своем отчете царю Николаю II так объяснял политику колонизации Кавказа кулацкими элементами:

«...Можно выделить значительное число наиболее обеспеченных и предприимчивых семей, на которые, как доказал опыт, смело может быть возложена великая задача водворения в крае русской государственности и внесения в него культурных начал»².

Товарищ Сталин в своих тезисах к X партийному съезду «Об очередных задачах партии в национальном вопросе» так характеризовал националистическую политику царизма:

«Политика царизма, политика помещиков и буржуазии состояла в том, чтобы насадить в этих районах побольше кулацких элементов из русских крестьян и казаков, превратив этих последних в надежную опору великодержавных стремлений. Результаты этой политики — постепенное вымирание вытесняемых в дебри туземцев (киргизы, башкиры)»³.

В 1916 г., после подавления царизмом восстания казахов и киргизов, около 300 тыс. казахов и десятки тысяч киргизских семей были загнаны в Китай, селения их уничтожены, а имущество разграблено.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 528.

² Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 140.

³ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, 1939, стр. 94.

ПОЛОЖЕНИЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ И ОБРАТНЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ. ОБЩИЙ ИТОГ ПЕРЕСЕЛЕНИЙ

Ни разорение старожилов, ни грабеж киргизских, казахских и других земель при той преступной постановке переселенческого дела, какая практиковалась правительством и его агентами на местах, не могли все же дать необходимое количество участков для переселения. Сотни тысяч переселенцев оставались неустроенными и годами вынуждены были ждать отвода им земли.

Куда девались и что делали эти обманутые правительством люди? Часть из них приписывалась к селениям старожилов и подвергалась самой жестокой эксплуатации со стороны кулацкой части последних. Уплатив большие деньги за приписку к старожильческому селению, приписавшийся переселенец попадал в невыносимые условия. «Приходится изумляться, — писал Комаров, — до чего доходит изощрение старожилов в эксплуатации переселенцев. Старожилы закабаляют целые семьи в работники на самых тяжелых условиях, берут с них до 15 руб. за аренду пахотной десятины, берут за выпас на общественном поле: за коров и лошадей 3—5 руб., за птиц по 50 коп. с каждой; берут за питье воды, за хождение по улице по 5 руб. с семьи; берут даже за «дым», идущий из дымоходов трубы, тоже по 5 руб. в год от избы; штрафуют немилосердно за скот и птицу, зашедшие в поля и огороды старожилов; помимо крупной платы за приписку еще в обычае здесь всяческие поборы, угощения и взятки. Понятно, что на почве такой эксплуатации переселенцев старожильческим населением, доводящим эксплуатируемых до полного разорения, до нищеты, взаимные их отношения резко обостряются и нередко доходят даже до кровавого столкновения между переселенцами и старожилами»¹.

О беззастенчивой эксплуатации «самовольных» переселенцев со стороны устроившихся уже на новых местах русских кулаков сообщалось и в донесении тургайского губернатора: число таких переселенцев в одном только Кустанайском уезде превышало 30 тыс., и вся эта масса крестьян находилась накануне полного разорения.

Об ужасном положении переселенцев свидетельствуют и официальные донесения чиновников переселенческого управления и сообщения таких отнюдь не революционно настроенных людей, как князь Львов, уполномоченный общеземской

¹ Комаров, Правда о переселенческом деле, стр. 77.

организации, посетивший Дальний Восток. Львов так характеризовал переселение в Приамурский край:

«Отрезанность от мира, как на необитаемом острове, среди болотных кочек глухой тайги, заболоченных долин и заболоченных гор, совершенно дикие условия жизни, труда и пропитания естественно подавляют слабого духом и нищего переселенца. Он впадает в апатию, истощив свой небольшой запас энергии в самом начале борьбы с суровой природой, устраивая себе убогое жилище. Цынга и тиф захватывают истощенный организм и уносят его на кладбище. Во многих поселках 1907 года прямо невероятная смертность, в 25 и 30 процентов. В них сколько дворов, столько и крестов, и не мало поселков обречено на сплошное переводворение на новые участки или на кладбище. Сколько горьких слез несчастных семей, какие дорогие похороны на государственный счет на далекой окраине, вместо колонизации! Не скоро станут на ноги разбитые тайгой остатки прошлогодней усиленной волны переселенцев. Многие еще вымрут, многие убегут, вернуться в Россию, обесславят край рассказами о своих бедствиях, запугают и задержат дальнейшее переселение. Недаром нынешний год происходит небывалых размеров обратное движение из Приморской области и в пять раз меньший прилив в нее переселенцев»¹.
 X Процент обратных переселенцев все увеличивался с 1908 г. и в 1911 г. превысил 60. Вот данные, взятые из официальных источников²:

Таблица 3

Годы	Общее количество переселений	Количество обратных переселений	% обратных переселений
1906	139 064	13 659	9,8
1907	427 339	27 195	6,4
1908	664 777	45 102	6,8
1909	619 320	82 287	13,3
1910	316 163	114 893	36,3
1911	189 791	116 308	61,3
1912	201 027	57 319	28,5
1913	240 978	45 478	18,9
1914	241 874	27 594	11,4
1915	27 651	10 089	36,5
Итого . . .	3 067 884	539 924	17,6

¹ Цит. по Ленину, Соч., т. XV, стр. 531.

² «Итоги переселенческого дела за Уралом с 1906 по 1915 г.» — издание Переселенческого управления министерства земледелия.

Мы видим из таблицы, как переселенческая волна, поднятая рекламными обещаниями правительства, пошла вверх начиная с 1907 г., достигла наибольшей высоты в 1908 и в 1909 гг. и упала в 1910 и 1911 гг., когда массы крестьянства убедились на собственном горьком опыте и из рассказов других, что переселения оказались новым обманом крестьян помещиками, что ничего хорошего от помещичьего правительства ожидать не приходится. Волна обратных переселений как раз в эти годы (1910—1911) достигла наибольшей высоты. В 1915 г., в период империалистической войны, переселенческое движение вообще сошло на-нет.

Каково было положение обратных переселенцев? Оно было ужасным: вернувшись на родину, переселенцы находили пустое место — ни земли, ни двора уже не было.

Если до указа 9 ноября переселенцы имели возможность вернуться на свои старые наделы, то после указа, уходя на переселение, крестьяне продавали землю обычно за бесценок, и возвращаться им уже было некуда. «В Валуйском уезде, — писал корреспондент Вольно-экономического общества, — из 100 ушедших вернулось 42 двора, из них 15 дворов, сдавших землю в аренду, а остальные продали. Последние находятся в самом отчаянном положении»¹. Вернувшиеся попадали в положение батраков, ютились у своих родственников, а иные, как сообщали корреспонденты, «вешали сумки на обе стороны и шли по миру»².

Но не всем переселенцам удавалось вернуться на родину: десятки и сотни тысяч погибали по дороге. Депутат III Государственной думы социал-демократ Войлошников так говорил 2 мая 1912 г. о губительных последствиях для крестьян столыпинской переселенческой политики:

«В результате такой политики получилось следующее: прошли за Урал с 1906 по 1911 г. 2 737 425 душ обоего пола, возвратилось обратно в этот же промежуток времени 763 721 человек, осталось в Сибири 1 365 724 человека, и только половина из оставшихся сумела с невероятными усилиями сносно устроиться. Но где же еще 807 875 человек? Правда, как нам известно из объяснительной записки двух министров, в 1910 г. 700 тысяч переселенцев были совершенно не устроены в Сибири, т. е. нищими бродили по всему лицу Сибири. Но ведь еще неизвестно о 108 тысячах человек? А эти 108 тысяч умерли от голодной смерти в Сибири и

¹ Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г., ч. I, стр. 28.

² Там же, стр. XXVII.

таким образом усеяли сибирские степи и тайгу своими трупами. Для создания спокойствия господ помещиков потребовалось схоронить 108 тысяч крестьян»¹.

Бегство новоселов из районов переселения отмечали депутаты социал-демократы и в отношении Закавказья и Черноморского побережья.

Осенью 1910 г., когда ужасы переселенческих дел стали все больше раскрываться и проникать в печать, два царских министра — «сам» Столыпин и главноуправляющий землеустройством и земледелием Кривошеин предприняли совместную поездку в Сибирь, в районы переселения, и в Поволжье, в районы землеустроительных работ.

«Буффонадная поездка» по Сибири, как назвал ее Комаров, сравнивший эту поездку с путешествием императрицы Екатерины по Новороссии, преследовала цель замазать переселенческие преступления, заявив, когда это окажется нужным: «Мы сами были на месте, сами все видели».

Попытка явно не удалась. Министрам пришлось отметить в отчете, представленном ими царю, ряд неприятных для них фактов. В этом отчете, который был опубликован в 1911 г. под названием «Поездка в Сибирь и в Поволжье», царские министры вынуждены были признать, что за Уралом около 700 тыс. переселенцев, не получивших участков, жили в качестве арендаторов и батраков на землях старожилов и переселенцев, получивших участки, и что «многие, потеряв надежду когда-либо устроиться в Сибири в качестве самостоятельных хозяев, вынуждены возвращаться на родину». Отчет говорил о жестокой эксплуатации неустроенных переселенцев со стороны старожилов.

Какие же меры предлагали министры для упорядочения переселенческого дела? Такие, от которых нельзя было ожидать ни улучшения переселенческого дела, ни улучшения положения переселенцев. Министры предлагали: 1) земли переселенцам не отводить бесплатно, а продавать (указ 27 августа 1906 г. о порядке продажи крестьянам казенных земель не коснулся Азиатской России); 2) перейти и в Сибири к личной собственности на землю, к насаждению хуторов и отрубов («единая политика до Урала и за Уралом»); 3) насадить в Сибири помещиков, так как без них якобы невозможно было правильно поставить земское и городское хозяйство; 4) под видом «изъятия излишков» продолжать даль-

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, сессия пятая, ч. IV, стр. 277.

нейший грабеж земель трудящихся угнетенных национальностей. Министры «подсчитали», что в Поволжье и на Урале (в Уфимской, Оренбургской, Самарской и Пермской губерниях) имеется еще до 3½ миллионов десятин пригодной для колонизации земли, которая является «излишней» для башкир и которую поэтому необходимо изъять.

Столыпинские землеустроители, осуществляя в дальнейшем эти планы, к концу 1915 г. устроили в Сибири 71 725 хуторских и отрубных хозяйств.

Подведем итоги переселенческой политики царизма в целом. Ее непосредственными результатами были:

1. Массовое разорение и гибель сотен тысяч крестьян-переселенцев.

2. Земельный грабеж трудящихся крестьян-старожилов в Сибири — наряду с эксплуатацией переселенцев кулацкой частью старожилов — и антагонизм на аграрной почве между старожилами и переселенцами.

3. Грабеж земель, принадлежащих трудящимся нерусских национальностей: киргизам, казахам, башкирам и другим народам, лишение их основных источников существования, разорение их хозяйств.

4. Разжигание шовинизма и национальной вражды между трудящимися разных национальностей.

Цели этой политики достигнуты не были: остроту крестьянского малоземелья в центре России путем переселений ослабить не удалось, так же как не удалось остановить борьбу крестьян против гнета царизма и помещиков.

Г Л А В А V

ОТНОШЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ К СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКЕ

Как различные политические партии относились к столыпинской аграрной политике, можно видеть из прений по аграрному вопросу во II и III Государственных думах. Несмотря на большие изменения в распределении мест между различными партиями в результате третьеиюньского переворота как во II, так и в III Думе имелись следующие пять основных партийных группировок: правые, октябристы, кадеты, трудовики и социал-демократы. В среде последних коренные различия во взглядах были между большевиками и меньшевиками.

Правые представляли злейших врагов рабочих и крестьян — черносотенных помещиков-крепостников. Это была партия Совета объединенного дворянства — вдохновителя разгона I и II Думы и третьеиюньского переворота. В статье «Третья дума» Ленин так характеризовал правых, их цели и стремления: «Сохранение крепостнического хозяйства, дворянских привилегий и самодержавно-дворянского режима — вопрос жизни и смерти для этих мастодонтов и ихтиозавров, ибо „зубры“ — для них слишком почетное название»¹.

Октябристы представляли интересы крупного промышленного капитала и крупных помещиков, хозяйничавших по-капиталистически. «...Кроме помещика, — писал Ленин, — эта партия обслуживает еще крупного капиталиста, старозаветного купца, буржуазию, которая так перепугалась пробуждения рабочих, а за ними и крестьян, к самостоятельной жизни, что целиком повернула к защите старых порядков»².

Октябристы, указывал Ленин, являлись главной контрреволюционной партией помещиков и капиталистов, руководящей партией III Думы. Позиции октябристов и родственных им групп ничем существенным не отличались от позиций правых. Вся разница заключалась в том, что октябристы (или иначе «Союз 17 октября») признавали на словах царский манифест 17 октября 1905 г., тогда как правые стояли за неограниченную царскую власть, против манифеста 17 октября. Октябристы полностью поддерживали внутреннюю и внешнюю политику царского правительства; полностью поддерживали они и столыпинскую аграрную политику.

О позиции правых в отношении столыпинских указов мы можем судить по выступлениям во II Думе двух крупнейших помещиков — князя Святополк-Мирского и графа Бобринского. Святополк-Мирский корень зла видел в общине и выступал за насильственное ее разрушение. Он должен был признать, что распадение общины ранее искусственно задерживалось правительством, которое от охранения общины сделало крутой поворот к насильственному ее разрушению. Святополк-Мирский доказывал, что никакого увеличения крестьянского землевладения не требуется, следует только расселить крестьян на хутора, и тогда не нужно будет трогать помещичьего землевладения. Помещиков, до-

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 95.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 483.

казывал он, следует ценить на вес золота, ибо без помещиков крестьяне останутся как «стадо без пастыря».

Наиболее ярко позицию правых во II Думе выразил граф Бобринский, который самым решительным образом выступил за столыпинскую аграрную политику. Основой для улучшения материального положения крестьян, доказывал Бобринский, является насаждение частной личной собственности. «Каких-нибудь 100—150 лет тому назад в Западной Европе почти повсюду крестьяне жили так же бедно, так же приниженно и невежественно, как у нас теперь. Была та же община, как и у нас в России с переделом по душам, этот типичный пережиток феодального строя. Теперь крестьяне в Западной Европе живут в достатке... Чудо это совершила крестьянская личная наследственная собственность»¹. Граф Бобринский ясно показал также, почему помещики так ретиво выступали за частную *крестьянскую* собственность. Причина была та, что крестьянин-собственник в Западной Европе, по словам графа, представлял «твердый оплот против разрушительных тенденций всякого рода»². Как и Святополк-Мирский, Бобринский восхвалял преимущества хуторов.

«Это — правительственная программа, — писал Ленин о речи графа Бобринского. — Ее именно осуществляет Столыпин своим знаменитым законодательством по 87 статье...

В программе черносотенцев и октябристов, — продолжает далее Ленин, — нет и намек на защиту докапиталистических форм хозяйства, например, на прославление патриархальности земледелия и т. п. Защита общины, имевшей весьма еще недавно горячих сторонников среди высшей бюрократии и помещиков, окончательно сменилась яркой враждой к общине. Черносотенцы становятся вполне на почву капиталистического развития, рисуют безусловно программу экономически-прогрессивную, европейскую... Реакционность черносотенной программы состоит не в закреплении каких-либо докапиталистических отношений или порядков (в этом отношении все партии в эпоху второй Думы стоят уже, в сущности, на почве признания капитализма, как данного), а в развитии капитализма по юнкерскому типу для усиления власти и доходов помещика, для подведения

¹ Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 1293 и 1294.

² Там же, стр. 1294.

нового, более прочного, фундамента под здание самодержавия»¹.

Во II Думе правые и октябристы были в незначительном меньшинстве (54 из 478 депутатов); большинство же Думы выявило свое отрицательное отношение к столыпинским указам. Иное положение сложилось в III Думе, где правые и октябристы вместе составляли большинство. Докладчиком аграрной комиссии на пленарном заседании Думы выступил октябрист Шидловский. Он заявил, что большинство аграрной комиссии отнеслось «благоприятно» к указу 9 ноября, «ибо это есть указ, который имеет целью способствовать насаждению личного землевладения, а личное землевладение есть несомненно необходимое условие улучшения культуры... а улучшение культуры есть не что иное, как разрешение аграрного вопроса»².

Правые и октябристы энергично поддерживали своего докладчика, несмотря на то, что утверждение столыпинских указов III Думой было безусловно обеспечено. Граф Бобринский, тот, что выступал и во II Думе, заявлял, что «не было закона более важного, более спешного, чем указ 9 ноября»³. За решительную защиту помещичьих интересов он готов был простить Гурко, как одному из инициаторов столыпинских указов, его бесцеремонное обращение с государственной казной во время продовольственной кампании. «И если действительно товарищ министра внутренних дел Гурко играл такую роль в издании этого закона, — заявил Бобринский с думской трибуны под рукоплескания справа, — то я смело скажу, что он искупил свою ошибку в продовольственном деле, стократ искупил ее и заслужил благодарность русского народа»(!). Лейтмотив выступления Бобринского был тот же, что и у октябриста Шидловского: «Пока нет частной собственности у крестьян, никакая культура невозможна»⁴. То же самое доказывал и князь Голицын: «Все авторитеты в один голос утверждают, что развитие и подъем культуры возможны лишь при насаждении личной частной собственности»⁵.

Фальшь этих помещичьих рассуждений о «культуре» была в глаза. Их действительный смысл заключался в стремлении оградить неприкосновенность помещичьих хозяйств, в боль-

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 452.

² Стенографический отчет III Государственной думы, ч. I, стр. 170.

³ Там же, стр. 506.

⁴ Там же, стр. 512.

⁵ Там же, стр. 805.

шинстве которых и не пахло высокой агрономической культурой. Не мог похвастать «культурой» и российский кулак, который и со времени столыпинских мероприятий оставался все тем же заскорузлым и невежественным «мироедом». Крупнейший помещик Саратовской губернии Львов 1-й (5 тыс. десятин земли), который называл себя мирнообновленцем (т. е. левым октябристом), а на деле, как указывал Ленин, представлял из себя настоящего черносотенца с аллюрами в духе г. Струве, более откровенно заявлял, что цель указа 9 ноября «внушить крестьянству твердые основы частной собственности, заставить его уважать и *свое* и *свое право*»¹.

Ленин в статье «Аграрные прения в III Думе» указывал, что защита частной собственности крестьян проходила красной нитью через все речи правых и октябристов. Почему, ставил он вопрос, класс помещиков и класс капиталистов так энергично защищает и во II и в III Думах частную собственность *крестьян* на землю? И Ленин давал такой ответ на этот вопрос: «Помещики и капиталисты превосходно знают того врага, с которым приходится им бороться, превосходно чувствуют, что *революция связала* победу помещичьих интересов с победой частной собственности на землю вообще, победу крестьянских интересов с уничтожением частной собственности на землю вообще, и помещичьей и крестьянской... Борьба идет из-за того, помещики ли будут строить новую Россию (это невозможно иначе, как на основе частной собственности на все роды земель), или крестьянские массы (это невозможно в полукрепостнической стране без разрушения частной собственности и *на помещичьи и на* наделные земли)»².

Укрепляя наделы в собственность крестьян, Столыпин и помещики, конечно, вовсе не думали о превращении массы крестьян в «класс мелких собственников», «благоденствующих» на «собственной» земле, развивающих «культуру» и т. п., — речи правых и октябристов на эту тему были реакционной демагогией. «Крестьянская частная собственность» на землю нужна была царизму и помещикам для того, чтобы облегчить кулакам возможность скупать и отнимать у крестьянской массы ее наделы, укрепленные «в собственность». Помещики рассчитывали, что те из крестьян, кто

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, сессия II, ч. I, стр. 817.

² Ленин, Соч., т. XII, стр. 403—406.

лишится надела, уйдут в батраки или городские рабочие и распростятся с мыслью о захвате помещичьей земли, а кулак, разжившись за счет земельного ограбления крестьянских масс, превратится в «нового помещика» — прочную опору царизма в деревне — и обеспечит благоденствие своему союзнику — «старому» помещику. Тех же из крестьян, которые сохраняют за собой нищее мелкое хозяйство, помещики рассчитывали эксплуатировать попрежнему крепостническим способом.

Страх перед революцией, которая, как чувствовали помещики, «далеко еще не закончилась»¹, сквозил во всех речах правых и октябристов. Тот же Львов 1-й яснее других выразил этот страх перед революцией. «В крестьянской среде, — говорил он, — сложились два начала: бесправная личность и самоуправная толпа (*рукоплескания справа и в центре*), те два начала, которые угрожают прежде всего гражданскому строю... Состояние масс в таком виде есть угроза для правового государства (*рукоплескания справа и в центре*)... Вспомним, что здесь говорилось; мне тяжело об этом вспоминать, но я скажу, я не могу не сказать, что говорилось в комиссии аграрной. Ведь позвольте, когда даже вопрос о том, чтобы оставить неприкосновенными хотя бы огороды, хотя бы сады, встречал сильнейшее возражение, сильнейший отпор и проходил самым небольшим числом голосов; когда поднимался вопрос о том, чтобы всякие сделки на землю были прекращены, не только залог в Дворянском банке, не только продажа Крестьянскому банку, но и купля-продажа, даже дарение, наследование, все сделки прекращены, то очевидно становится страшно, страшно, господа, не за помещичьи интересы, а страшно за состояние и судьбу государства (*голоса в центре*: «Браво», *рукоплескания в центре и справа*). На таком фундаменте построить капиталистическое, несомненно капиталистическое, современное государство невозможно»².

«Помещичьему государству, — писал Ленин, — стало „страшно“ за свое существование, „страшно“ перед „голосом“ (и движением) крестьянских масс. Иного капитализма, как на основе сохранения помещичьего, т.е. крепостнического землевладения, эти господа не могут себе и представить!..

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, сессия II, ч. I, стр. 1007, выступление Балаклеева.

² Там же, стр. 813—815.

Неудержимое бешенство, с которым правые нападают на революцию, на конец 1905 года, на восстания, на обе первые Думы, показывает лучше всяких длинных рассуждений, что хранители самодержавия видят перед собой *живого* врага, что борьбу с революцией они не считают конченной, что возрождение революции стоит перед ними ежеминутно, как самая реальная и непосредственная угроза»¹.

КАДЕТЫ

Третью группировку составляли кадеты с близкими к ним группами прогрессистов и буржуазными национальными группами (польское коло, мусульманская группа и др.).

В III Думе кадеты имели меньше мест, чем в I и во II Думах. Это объяснялось тем, что часть помещичьих голосов от кадетов перешла к октябристам.

Кадеты были партией либерально-монархической буржуазии, которая боялась народного движения больше, чем реакции, и стремилась к соглашению с царизмом, к дележу власти с крепостниками-помещиками. Это была партия контрреволюционного либерализма. Контрреволюционность кадетов все больше проявлялась и в ходе революции 1905 года и особенно после ее поражения. Кадеты все больше сбрасывали с себя маску «демократизма» и выступали как открытые монархисты, защитники царизма.

Ленин так вскрывал корни контрреволюционности русской буржуазии: «Российская буржуазия тысячами экономических нитей связана и с старым поместным землевладением, и с старой бюрократией. Кроме того, рабочий класс России показал себя достаточно самостоятельным и способным постоять за себя, — мало того: способным руководить демократией вопреки либерализму. Вот отчего буржуазия наша стала либерально-монархической и анти-демократической, противонародной. Вот отчего она больше боится демократии, чем реакции. Вот отчего она постоянно колеблется, лавирует, изменяет первой в пользу второй. Вот отчего она стала контр-революционной после пятого года и получила „местечко“ в третьеиюньской системе. Если октябристы стали партией правительственной (с разрешения и под надзором Пуришкевичей), то кадеты стали *терпимой* оппозицией»².

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 404—405.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 436.

«У нас в России, в 1905 г., — говорит товарищ Сталин, — революция шла против буржуазии, против либеральной буржуазии, несмотря на то, что революция была буржуазно-демократической. Почему? Потому, что либеральная буржуазия империалистической страны не может не быть контрреволюционной»¹.

Позиция кадетов в отношении столыпинской аграрной политики наиболее полно характеризовалась выступлениями Кутлера во II Думе и Шингарева в III Думе. Кутлер, бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием в кабинете Витте, выступил в конце 1905 г. с проектом о частичном принудительном отчуждении помещичьих земель с уплатой по «справедливой» оценке. Либеральные помещики говорили тогда: «Надо прирезать землю крестьянам, иначе они нас прирежут». Но после подавления декабрьского вооруженного восстания помещики стали оправляться от первого испуга перед революцией, и Кутлер получил отставку. Кадеты провели его депутатом во II Думу.

Выступая во II Думе², Кутлер, с одной стороны, доказывал, что невозможно удовлетворить крестьян, так как для этого в стране нехватит удобной земли; с другой стороны, имеющиеся помещичьи земли Кутлер считал невозможным передать крестьянам, так как «уничтожение частной земельной собственности явилось бы величайшей несправедливостью, покуда существуют остальные виды собственности». Выход из этого противоречия он намечал следующий: дать крестьянам земли, сколько возможно будет, из государственных и помещичьих земель за выкуп, в «окончательное владение», ограничив крестьян только в праве отчуждения земли и в праве ее залога.

Ленин очень ярко показал, что значит «принудительное отчуждение» земли по кадетской программе. Все дело, указывал Ленин, зависело бы от состава местных земельных комитетов. В противоположность трудовикам, которые выдвигали требование избрания земельных комитетов всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, кадеты, оперируя фразами о «равномерном представительстве сталкивающихся интересов» и о нежелательности «одностороннего насилия», требовали равного количества голосов в комитетах крестьянам и помещикам, причем участие в этих же

¹ Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, стр. 225.

² См. Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 730—736.

комитетах правительственных чиновников обеспечивало помещикам безусловный перевес. «Приняв эту *основную идею* превосходного либерального проекта, правительство и помещики ничем не рискуют, ибо *подобные* комитеты, при благосклонном содействии Гос. Совета, Столыпина и К^о, безусловно и всенепременно сделают из „принудительного отчуждения“ помещичьей земли принудительное закабаление мужика новым разорительным выкупом за отводимые ему песочки, болотца и пни»¹.

Таким образом, основу кадетской аграрной программы составляли: выкуп, сохранение помещичьего землевладения и сохранение помещичьих привилегий при проведении реформы. «Только политические младенцы могли бы обольщать себя звуком кадетского лозунга: „принудительное отчуждение“. Вопрос о том, кто кого принудит: помещики крестьян (платить втридорога за песочки) или крестьяне помещиков... В кадетском принудительном отчуждении помещики принуждают крестьян!

Кадетская аграрная программа идет по линии Столыпинского, т. е. помещичьего буржуазного прогресса. Это факт»².

Позиции правых и октябристов, открыто поддерживающих столыпинскую программу, и позиции кадетов в существе сходились: и те и другие стремились к тому, чтобы направить развитие капитализма по прусскому пути, который означал сохранение помещичьего землевладения, усиление кулачества и мучительное разорение массы крестьянства. В чем, однако, была разница между теми и другими? Эту разницу мы можем уяснить себе из выступления кадета Шингарева во время аграрных прений в III Думе. «Я лично думаю, что в этих взглядах (о преимуществе частной собственности крестьян) есть много справедливого, глубокого, — говорил Шингарев, — что в этих взглядах отражается течение общечеловеческой мысли и деятельности; с ними надо считаться, их надо признать в значительной степени верными (*голоса: «Браво». Рукоплескания справа*)»³. Рукоплескания справа в особенности подчеркивали, что взгляды правых и кадетов тут сходились. Однако будучи по существу за столыпинскую политику, кадеты выступали против грубой ломки, против поспешности; они хотели провести ту же политику, но только более осторожно и медленно. «На-

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 138.

² Там же, стр. 353.

³ Стенографический отчет III Государственной думы, ч. I, стр. 239.

саждение личной собственности и блага культуры и порядка — настолько ценное сокровище, — говорил Шингарев, — что чрезвычайно рискованно подвергать их неумелым экспериментам. Я думаю, что чрезвычайно рискованно делать их наспех, кое-как, впопыхах. Поспешность в серьезном громадном вопросе вредит самому существу дела, разрушает те разумные принципы, которые в нем содержатся¹.

Итак, делайте, но делайте осторожно. Не годятся полицейские держиморды вроде Гурко, возьмите нас, кадетов, мы проведем то же самое, но путем не одного только насилия, а также и путем обмана крестьян — таков был смысл кадетских призывов к осторожности. «Буржуазный переворот, — писал Ленин, — в целях сохранения помещичьего землевладения проводят и Столыпин и либералы (партия к.-д.). Столыпин — в самых грубых и азиатских формах, способных разжечь борьбу в деревне и усилить революцию. Либералы боятся этого, не желая рисковать всем, стоят за уступки, но такие уступки, которые все же *сохранят* помещичье землевладение: достаточно вспомнить выкуп и — самое главное — составление местных земельных комитетов из представителей помещиков и крестьян *поровну* с председательством *агентов правительства!* Такой состав местных земельных комитетов есть сохранение *преобладания* помещиков. Выкуп есть укрепление крестьянской буржуазии и закабаление крестьянского пролетариата. Вот этой основной, *экономической*, солидарности Столыпинской и кадетской аграрной реформы меньшевики не понимают»².

И Ленин делал такой вывод: «Столыпинская военно-полевая репрессия и кадетские „реформы“, это — две руки одного угнетателя»³. К этим словам добавлять больше нечего.

ТРУДОВИКИ И БЕСПАРТИЙНЫЕ КРЕСТЬЯНСКИЕ ДЕПУТАТЫ

Четвертую группировку — группировку мелкобуржуазной демократии — составляли трудовики, или «трудовая группа», «трудовая народно-социалистическая партия», социалисты-революционеры. Эти народнические группы стремились объединить все «трудящиеся классы народа: крестьянство, фабрично-заводских рабочих и интеллигентных тру-

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, ч. I, стр. 262 и 263.

² Ленин, Соч., т. XI, стр. 84.

³ Ленин, Соч., т. X, стр. 393.

жеников», на основе сохранения капитализма. Трудовики, не будучи оформленной политической партией, объединяя в своих рядах социально и политически пестрые элементы, выражали тем не менее интересы широких слоев крестьянства. Говоря о трудовиках в I и II Думах, Ленин писал: «У представителей крестьянства, т.-е. у трудовиков, социал-народников и частью у эс-эров, мы видим в обеих Думах, несмотря на многочисленные колебания и шатания, совершенно ясную линию защиты интересов крестьянства против помещиков»¹.

В I и во II Думах трудовики имели больше чем по 100 депутатов; в III Думе в результате изменения избирательного закона было всего 13 трудовиков. Ленин указывал, что хотя «трудовики страшно слабы в III Думе, но представляют они массы. Колебания трудовиков между кадетами и рабочей демократией неизбежно вытекают из классового положения мелких хозяев»². И Ленин выдвигал задачу перед депутатами-большевиками, перед рабочей демократией — «помочь слабым мелкобуржуазным демократам, вырвать их из-под влияния либералов, сплотить лагерь демократии против контр-революционных кадетов, а не только против правых...»³.

Общим в позиции трудовиков и беспартийных крестьянских депутатов и во II и в III Думах было их резко отрицательное отношение к столыпинскому законодательству.

Вот коротенькая речь беспартийного крестьянина Мороза (Подольская губерния): «Много здесь говорили о том, что собственность неприкосновенна, но почему эта неприкосновенность касается только помещиков?.. Нужно земли отобрать от священников и помещиков»⁴. Вот беспартийный крестьянин Афанасьев (Донская область), который резко выступал против столыпинских указов: «Правительство нам открыло широкие двери через Крестьянский банк приобретать земли, это тот хомут, что в 1861 г. был надет. Оно нас хочет переселить в сибирские пределы... Не лучше ли сделать так: вывезти туда этого человека, который имеет тысячи десятин, от которого останется земля, и на это сколько будут сыты... одного вывезти туда скорей и дешевле — не надо тратить».

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 354.

² Ленин, Соч., т. XV, стр. 486.

³ Там же.

⁴ Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 1954—1965.

и приятнее...»¹ Выражая глубокую уверенность крестьянской массы, что земля неминуемо перейдет к крестьянам, этот беспартийный депутат говорил, обращаясь к правым: «Если вы не поступитесь священной собственностью, то никто не может поручиться за целость ее»². Уничтожение всех сословных ограничений, ликвидация всех старых форм землевладения и равное право трудящихся на землю — вот программа этого беспартийного крестьянина, ничем по существу не отличавшаяся от программы трудовиков: «Во всех тех правах, которые в нашей России существуют — начиная от князей и идя по дворянам, казакам, мещанам и не упоминая слово «крестьянин» — все должны быть русскими гражданами и пользоваться землей, все те, кто на ней трудится, прикладывает к ней свой труд, лелеет и любит ее. Но если не хочешь на ней жить, не хочешь на ней трудиться, не хочешь прикладывать к ней свой труд, то не имеешь права ею и пользоваться (*Аплодисменты слева*)»³.

В отношении трудовиков Ленин проводил резкую грань между народниками-интеллигентами и народниками-крестьянами. В статье «Что делается в народничестве и что делается в деревне?» Ленин, анализируя впоследствии материалы прений в I и II Думах, делал вывод, что «...интеллигенты-трудовики (включая сюда и интеллигентов-эс-эров) и крестьяне-трудовики представляют существенно различные политические течения.

Интеллигенты-народники тяготеют к примирительной или „общечеловеческой“ фразе. В них всегда чувствуется либерал. Точка зрения классовой борьбы им органически чужда. Они — резонеры. Они тянут демократическое крестьянство назад, от живой и непосредственной борьбы с его классовым врагом к туманной, вымученной, бессильной якобы-социалистической фразе.

Крестьяне-народники в обеих первых Думах — огонь, страсть. Они полны стремления к непосредственному и решительному действию. Они темны, необразованны, наивны, но против своего классового врага они поднимаются с такой прямоотой, непримиримостью, ненавистью, что вы *ощущаете* серьезнейшую общественную силу»⁴.

И Ленин, разоблачая якобы социалистическую фразео-

¹ Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 1970—1971

² Там же, стр. 1974.

³ Там же.

⁴ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 308.

логию интеллигентов-народников, их пошлый, мещанский «социализм», показывает в то же время слабость их, как демократов. В противоположность интеллигентам-народникам «крестьяне-трудовики вовсе не играют в социализм, который им абсолютно чужд, но они „нутряные“, искренние, горячие и сильные демократы»¹. Народнический «социализм» умер, это гнилая и смердящая мертвечина; крестьянская демократия жива и представляет серьезную общественную силу — такой окончательный вывод был сделан Лениным.

Из выступлений крестьян-трудовиков необходимо отметить, как одно из лучших, речь крестьянина Тамбовской губернии Киселева, который резко выступил против столыпинских указов и дал достойную отповедь правым и кадетам. «Столыпинские мероприятия, — говорил этот депутат, — не могут удовлетворить нужды крестьянства в земле». Крестьянский банк — «это благотворительное учреждение не для нас, крестьян; все его благодеяния направлены исключительно для пользы помещиков. Для нас эти покупки через Крестьянский банк составляют только новый хомут на шее... Можно ли серьезно думать, что с проведением этих самых мероприятий правительства у нас в самом деле устроятся голодовки, не будет хронического недоедания, вымирания, измельчания населения?.. Нет, эти мероприятия не землю и не хлеб сулят нам, а пыль, гнилую пыль архивных канцелярий министерства. Эта пыль нас не накормит, даже глаз нам не засорит, и мы сумеем разглядеть их истинные цели и намерения»².

Трудовик Киселев прекрасно ответил князю Святополк-Мирскому, который заявил, что «крестьяне без помещиков — это стадо без пастыря». «Они до сих пор, — говорил Киселев, — тоскуют и вздыхают о крепостном праве... Довольно нам нужны не пастыри, а вожди, которых мы сумеем найти и помимо вас, а с ними мы найдем дорогу и к свету и к правде...»³ Киселев разоблачил и политику кадетов в аграрном вопросе, показав тождество по существу этой политики с политикой правых: «Партия народной свободы предлагает произвести принудительно отчуждение не всей частновладельческой земли, а только части ее. Получается что-то такое непонятное: с одной стороны, она говорит, что если всю землю разделить между крестьянами, то земли достанется понемногу, а то вдруг предлагает отчудить не всю

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 308.

² Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 1945.

³ Там же, стр. 1946—1947.

землю, а только часть. Как это согласовать, я понять решительно отказываюсь. Затем, во имя практических соображений партия народной свободы предлагает произвести принудительное отчуждение частновладельческих земель и передать их крестьянам за выкуп, и притом часть этого выкупа, примерно половину, как сказал депутат Кутлер, взять прямо в виде выкупа, а другую часть косвенно, в виде государственного налога. Другими словами, партия народной свободы предлагает нам купить землю, значит она предлагает в сущности то же самое, что предлагают правительство и правые»¹.

Крестьянин-трудовик Васютин (Харьковская губерния) в своей речи показал классовую сущность царского правительства, как правительства крепостников-помещиков, и классовое направление столыпинской аграрной политики: «Нам господин председатель совета министров говорит, что принудительное отчуждение частновладельческих земель недопустимо. Он указывает на то, что это повлечет разорение культурных хозяйств. Он говорит: если отобрать землю, то этим будут обездолжены 130 тысяч владельцев, и не только обездолжены, но и оторваны от привычного труда. Мы видели здесь в лице председателя совета министров не министра всей страны, а министра 130 тысяч помещиков. 90 миллионов крестьян для него ничего не составляют... Знайте, что народ, если правительство не удовлетворит его нужды, тоже не спросит вашего согласия, он возьмет землю... Правительство действительно сделало много для народа, оно сделало много зла, оно устроило крестьянские банки. Для удовлетворения народа? Нет, господа, не для удовлетворения народа; оно старалось пособить помещикам продать землю по дорогой цене, а народ оно совершенно разорило. Раньше земля продавалась за 25—50 руб. за десятину, а теперь арендная плата 15—30 руб. за десятину, а сенокос от 35 до 50 руб. за десятину... Я называю это сдиранием последней шкуры с крестьян... Председатель совета министров сказал: «нас не запугаете», но мы тоже скажем ему — нас не запугаете, мы будем настаивать на том, чтобы эту нужду удовлетворили, и мы никогда не уступим»².

Несмотря на такие решительные выступления трудовиков, у них были колебания, связанные с их мелкобуржуазной

¹ Стенографический отчет II Государственной думы, т. I, стр. 1949.

² Стенографический отчет II Государственной думы, т. II, стр. 641—643.

природой. Эти колебания выразились в частности в допущении ими выкупа за принудительно отчуждаемые в пользу крестьян помещичьи земли.

В отношении крестьян-трудовиков к столыпинскому законодательству необходимо отметить еще одно важное обстоятельство: крестьяне почти совершенно не говорили об общине. Мы приводили уже в главе II нашей работы, что передовая часть крестьянства и на съезде Всероссийского крестьянского союза и в проекте «трудовой группы» ясно и решительно высказалась против общины, за вольные товарищества и землепользование отдельных лиц. То же самое можно сказать и о выступлениях крестьянских депутатов во II Думе. В роли защитников общины выступили эсеры. Эсеровская фракция во II Думе, состоявшая на две трети из интеллигентов (22 интеллигента из 37 депутатов фракции), выдвинула ряд ораторов, отстаивавших общину и эсеровскую программу «социализации» земли.

Эта программа «социализации» земли, базировавшаяся на поддержке старой, прогнившей общины и уравнилельной дележке земли, являлась прямым обманом крестьянства, так как она сеяла иллюзии, что будто бы без революционной борьбы, без пролетарской революции возможно притти к социализму. В действительности это была кулацкая программа сохранения и «улучшения» капитализма. Выступая против столыпинских законов и требуя их отмены, эсеры одновременно в противовес им защищали и восхваляли общину, а один из них, Сагателян (представитель армянской партии дашнакцутюн, очень близкой к эсерам), договорился до того, что община «может развернуться в мировое движение, способное указать решение всех экономических вопросов». Эсеры пытались отстаивать самые реакционные предрассудки старого народничества, что община якобы является зародышем и базой социализма. Агитация эсеров за общину не находила отклика среди крестьянских депутатов, из которых только один крестьянин, эсер Афанасьев (Курская губерния), высказался за сохранение общины.

Из выступлений трудовиков в III Думе следует отметить главным образом те, в которых отражался протест крестьянства против насильственного проведения столыпинских указов, против столыпинской аграрной политики в действии. К концу 1908 г., когда в III Думе проходили аграрные прения, крестьянская масса уже на собственной спине познавала сущность столыпинской политики и насильственные методы ее проведения.

Вот выступление трудовика-крестьянина Кропотова (Вятская губерния): «Мои избиратели задавали такие вопросы: «Отчего это делается насильственно, почему это делается без согласия общества, зачем наши земли отданы в распоряжение земских начальников, почему не слушают нашего голоса, а запрещают нам говорить под страхом высылки за пределы губернии о том, что этот закон нехорош...» И дальше: «Мои избиратели мне говорили о том, что закон 9 ноября — это помещичий закон, который делает из крестьян деревенских кулаков — помещиков, а из бедняков — батраков, вечно голодных работников... Этот закон восстанавливает нас друг против друга, заставляет душить друг друга, а усиленные охраны способствуют этому душиению»¹.

Крестьянин-трудовик Рожков (Ставропольская губерния), разоблачая лживость утверждений правительства о мотивах издания указа 9 ноября, заявлял: «Нам говорят: выкупные платежи кончились, земля теперь уже ваша, вы ее хозяева, вы что захотите с ней, то и сделаете. И вот, господа, так ли это на самом деле? Нет, это совсем не так. Ее хозяевами являются земские начальники... Вот эти-то господа и являются хозяевами той земли, за которую мы платили в течение 47 лет. Эти-то власть имущие и устраивают переделы и выходы из общины; настоящий хозяин этой земли связан усиленными охранами, он не имеет права ничего говорить, как бы законно, как бы справедливо оно ни было... Крестьянство ждало от Государственной думы не закона 9 ноября, не того закона, который делит между нами ту землю, которой у нас нет, — крестьянство ждало от Государственной думы того закона, на основании которого увеличился бы сначала загон, а потом уже начинали делить (*рукоплескания слева*), того закона, основные положения которого внесены в Государственную думу за подписью 47 крестьян 20 февраля, но до сих пор еще не получили никакого движения (*рукоплескания слева*)»².

«Указ 9 ноября, — говорил крестьянин Мерзляков (Вятская губерния), — предоставляет право каждому старшему члену в семье укрепить землю в личную собственность и продать ее, а семью послать бродяжить»³.

Наиболее резким было выступление трудовика Петрова 3-го (Пермская губерния), который так клеймил указ от 9

¹ Стенографический отчет III Государственной думы, сессия II, ч. I, стр. 205 и 206.

² Там же, стр. 217 и 218.

³ Там же, стр. 574 и 575.

ноября: «Указ, от которого пахнет кровью... указ о грабеже общинной земли... Правительство обратилось к «людям смелого почина» из среды крестьянства и сказало: «грабьте... только не помещиков, а своих же общинников...» Указ 9 ноября дает возможность не только грабить однообщинников, но и сродственников, даже детей, но не грабить только помещиков. Указ 9 ноября — не обыкновенный закон. Это удар, занесенный над народом контрреволюцией... Этот указ контрреволюционный».

Несмотря на колебания трудовиков, они и в III Думе продолжали отстаивать крестьянские интересы, выдвигая одно и то же требование национализации земли. В различных формах выражалось это требование крестьянами-трудовиками: «вся земля трудящимся на ней», «земля тому, кто ее обрабатывает» и т. д., но это требование фигурировало во всех выступлениях крестьян-трудовиков. «Все трудовики-крестьяне во всех трех Думах, — писал Ленин, — высказались за национализацию всей земли...»¹

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ

В отношении социал-демократов к столыпинской аграрной политике необходимо четко различать позицию мелкобуржуазных оппортунистов — меньшевиков, и позицию пролетарских революционеров — большевиков.

Меньшевики уже в период революции 1905 года «скатились в болото соглашательства, став проводниками буржуазного влияния на рабочий класс, став на деле агентами буржуазии в рабочем классе»². В период столыпинской реакции предательство меньшевиков идет еще дальше. Подавляющее большинство меньшевиков в этот период становится ликвидаторами. Они все более открыто отказываются от программы партии, от ее революционных задач и лозунгов и пытаются ликвидировать нелегальную революционную партию пролетариата, заменив ее реформистской партией, которая могла бы существовать легально в условиях столыпинского режима. Рабочие называли такую партию «столыпинской рабочей партией». На Пражской партийной конференции 1912 г. меньшевики, как изменники и предатели интересов рабочего класса, как враги революции, были изгнаны из партии. В аграрном вопросе меньшевики в Думах отстаивали

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 412.

² Краткий курс истории ВКП(б), стр. 90.

«ошибочную и вредную», по оценке Ленина, программу муниципализации земли, принятую на IV (Объединительном) съезде РСДРП, где меньшевики оказались в большинстве.

«В чем состоит сущность „муниципализации“? — писал Ленин в своем письме-докладе об Объединительном съезде. — В передаче помещичьих земель (или точнее: всех земель крупного частновладения) в руки земств или вообще органов местного самоуправления. Крестьянские наделные земли и земли мелких собственников должны остаться в их собственности. Крупные имения „отчуждаются“ и поступают во владение демократически организованных органов местного самоуправления. Попросту можно это выразить так: крестьянские земли пусть будут крестьянской собственностью, а помещичьи земли пусть крестьяне снимают в аренду у земств, только демократических земств»¹.

Это была реформистская, реакционная программа, рассчитанная на половинчатый исход революции, которая должна была, по взглядам меньшевиков, закончиться сделкой буржуазии с царизмом. Это была «программа кадетской или полу-кадетской аграрной реформы, а не крестьянской революции»². Меньшевистская программа муниципализации не поднимала крестьян на революционную борьбу и ничего по существу не давала крестьянам. Ленин указывал, что крестьяне не пойдут на муниципализацию. «Если революция победит, — тогда она ни в каком случае не может остановиться на муниципализации. Если революция не победит, тогда из „муниципализации“ выйдет лишь новое обьегоривание крестьян по типу реформы 1861-го года»³. Меньшевистская программа, как и программа кадетов, шла по линии прусского пути развития капитализма.

Отношение меньшевиков к столыпинской аграрной политике вытекало из их ликвидаторских взглядов на перспективы революции. «О крепостничестве в России нечего и говорить, — писал в 1910 г. меньшевик-ликвидатор Ларин, — власть уже буржуазна»; правительство Столыпина — это «не власть крепостников-помещиков, а власть помещиков-предпринимателей, организующих на своей земле капиталистическое хозяйство; в основе линии этого правительства лежит тот же принцип, что и у торгово-промышленной буржуазии». Эта оценка столыпинского периода в истории самодержавия наиболее характерна для ликвидаторов.

¹ Ленин, Соч., т. IX, стр. 185.

² Там же, стр. 186.

³ Там же.

Столыпинская «конституция» и столыпинская аграрная политика представляли, по взглядам меньшевиков, не «шаг по пути превращения в буржуазную монархию», а превращение самодержавия в буржуазную монархию и конец буржуазно-демократической революции в России. Меньшевики считали, что прусский путь уже победил и поэтому нового революционного кризиса не может быть. Столыпинское законодательство тот же меньшевик Ларин объявлял «реализацией нашей социальной победы».

Таково было отношение меньшевиков к столыпинской аграрной политике. Совершенно противоположным было отношение к ней большевиков. Программой большевиков в аграрном вопросе была национализация земли. Для своего осуществления эта программа требовала полной победы буржуазно-демократической революции: свержения царизма и установления демократической республики, конфискации всей помещичьей земли в пользу крестьян. Проводя максимум осуществимого в условиях буржуазного строя, эта программа вместе с тем облегчала пролетариату в союзе с деревенской беднотой переход к социалистической революции.

Позицию большевиков очень ярко характеризует, кроме всех тех высказываний Ленина и Сталина, которые нами уже приводились, ленинский проект речи по аграрному вопросу, написанный для ее произнесения одним из депутатов-большевиков во II Думе. В этом проекте речи Ленин, во-первых, показал сущность отработочного помещичьего хозяйства как прямого пережитка крепостничества и указал на преобладание отработков в 17 губерниях среднечерноземной полосы. Ленин далее выяснил суть аграрного вопроса как «объективной основы» буржуазно-демократической революции в России. Приведя цифры распределения земли между помещиками и основной массой крестьянства, Ленин очень ярко и выпукло показал, что кучка помещиков держит в своих руках столько же земли, сколько находится у миллионов крестьян, что «крестьянское малоземелье» — это значит помещичье многоземелье, и для того, чтобы уничтожить крестьянское малоземелье, необходимо уничтожить помещичье землевладение.

Ленин затем разоблачил позицию кадетов в аграрном вопросе, показав, что кадетское принудительное отчуждение при том составе земельных комиссий, который предлагали кадеты (помещиков и крестьян поровну, а сверх того царские чиновники), явится на самом деле принудительным от-

чуждением помещиками крестьянских денег и крестьянского труда, так же как и при реформе 1861 г.

Ленин показал и несостоятельность иллюзий трудовиков о равном праве всех на землю, об уравнительном землепользовании, показал, что при господстве товарного хозяйства и власти капитала невозможно уравнивать мелких хозяев и добиться освобождения трудящихся от угнетения и эксплуатации.

Разбивая доводы кадета Кутлера, который во время прений в Думе заявил, что было бы «величайшей несправедливостью» уничтожение частной земельной собственности, покуда существуют остальные виды собственности, Ленин в этом проекте речи дал очень яркую, образную картину перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

«Представьте себе... — писал Ленин, — что мне надо вывезти со двора две кучи сора. А телега у меня одна. И на одной телеге больше одной кучи вывезти нельзя. Как мне быть? Отказаться ли мне вовсе от очистки своего двора на том основании, что было бы величайшей несправедливостью вывозить одну кучу сора, раз нельзя сразу вывезти обе кучи?

Я позволяю себе думать, что тот, кто действительно хочет полной очистки двора, кто искренно стремится к чистоте, а не к грязи, к свету, а не ко тьме, будет рассуждать иначе. Если действительно нельзя сразу вывезти обе кучи, тогда вывезем сначала первую кучу, которую можно сразу достать и взвалить на телегу, — потом опростаем телегу и вернемся домой, чтобы приняться за вторую кучу...

Сначала русскому народу надо вывезти вон на своей телеге весь тот сор, который называется крепостнической, помещичьей, собственностью, а потом с опростанной телегой вернуться на более чистый двор и начать укладывать на воз вторую кучу, начать убирать сор капиталистической эксплуатации¹.

Товарищ Сталин в ряде статей, помещенных в газете «Эльва» в марте 1906 г., обосновал большевистскую программу аграрного вопроса, решительно отстаивая лозунг конфискации земли:

«Только это (конфискация) может довести до конца крестьянское движение, только это может усилить энергию народа, только это может развеять застарелые остатки крепостничества...

¹ Ленин, Соч., т. XI, стр. 106—107.

Сегодняшнее движение деревни — это движение освобождения крестьян.

... Для освобождения крестьян необходимо уничтожение остатков *крепостничества*, для уничтожения же этих остатков необходима конфискация всей земли помещиков и правительства»¹.

На партийных конференциях того периода большевики дали единственно верную, теоретически глубоко обоснованную и политически острую оценку как столыпинского режима в целом, так и столыпинской аграрной политики в частности. V (общероссийская) конференция РСДРП, происходившая в Париже в декабре 1908 г., в резолюции о современном моменте и задачах партии, проект которой написан Лениным, давала такую оценку столыпинщине:

«Старое крепостническое самодержавие разлагается, делая еще шаг по пути превращения в буржуазную монархию, прикрывающую абсолютизм лжеконституционными формами. Открыто закрепен и признан государственным переворотом 3 июня и учреждением III Думы союз царизма с черносотенными помещиками и верхами торгово-промышленной буржуазии. Став по необходимости окончательно на путь капиталистического развития России и стремясь отстоять именно такой путь, который сохранял бы за крепостниками-земле-владельцами их власть и их доходы, самодержавие лавирует между этим классом и представителями капитала...

Таким же буржуазным характером отличается аграрная политика современного царизма. Он потерял всякую веру в наивную преданность крестьянской массы монархии. Он ищет союза с богатыми крестьянами, отдавая им деревню на разграбление... Такая политика обостряет во сто крат все противоречия капитализма в деревне...»²

И большевики на основании такого анализа делали вывод о неизбежности новой революции. VI (Пражская) общепартийная конференция, происходившая в январе 1912 г., подтвердила резолюцию декабрьской конференции 1908 г. и указала на особо важное значение этой резолюции, все положения которой в полном объеме подтвердились событиями истекших трех лет. Конференция отметила начало краха столыпинской аграрной политики, с которой «связали свои контрреволюционные интересы как правительствен-

¹ Цит. по книге Л. Берия «К вопросу об истории большевистских организаций в Закавказье», стр. 112.

² ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. 1, 1940, стр. 125.

ные партии помещиков и крупной буржуазии, так, на деле, и контрреволюционный либерализм...»¹ Эта политика, как отмечалось в резолюции, «не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухудшение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны»².

Такова была позиция большевиков по аграрному вопросу и их отношение к столыпинской аграрной политике.

ГЛАВА VI

РЕЗУЛЬТАТЫ

СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

ЦИФРОВЫЕ ИТОГИ УКРЕПЛЕНИЯ ЗЕМЛИ В ЛИЧНУЮ СОБСТВЕННОСТЬ

Выходы из общин с укреплением наделной земли в личную собственность по указу 9 ноября 1906 г. были только первой ступенью в осуществлении столыпинской аграрной политики. К достижению этой цели царское правительство, как мы уже видели, приложило все усилия.

Результаты, однако, были не так велики, как ожидало правительство. За 9 лет (1907—1915) выделилось немного более 2 млн. домохозяев (2 008 432), т. е. приблизительно одна пятая всех крестьян-общинников, которых к концу 1910 г. насчитывалось (по исчислениям Лосицкого) 10 893 тыс. дворов. Таким образом, и после десятка лет столыпинской политики в деревне оставалась и преобладала община.

Следующая таблица показывает, как шло по годам выделение из общины (см. стр. 99).

Большая часть выходов из общины падает на 1908 и 1909 гг. (1 087 753 домохозяина, или 64 % общего числа выходов); начиная с 1910 г. число выходов из общины снижается и в 1915 г. сходит на-нет.

Необходимо отметить связь и взаимозависимость между выделением на хутора и отруба и размерами крестьян-

¹ ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 181.

² Там же.

Таблица 4

Годы	Заявили требование об укреплении земли в личную собственность	Окончательно вышли из общины	Годы	Заявили требование об укреплении земли в личную собственность	Окончательно вышли из общины
1907	211 922	48 271	1912	152 397	122 314
1908	840 059	508 344	1913	160 304	134 554
1909	649 921	579 409	1914	120 321	97 877
1910	341 884	342 245	1915	36 497	29 851
1911	242 328	145 567			
			Итого	2 755 633	2 008 432

ского движения. 1908 и 1909 годы были годами наибольшего количества выходов из общины, и в то же время это были годы, когда крестьянское движение шло на убыль; в 1910 г. число выходов из общины снижается, а число крестьянских выступлений резко увеличивается: массы крестьянства уже успели на собственном опыте убедиться, что означает для них столыпинская политика.

Кто выделялся из общины? Выделялись, с одной стороны, кулаки, которые захватывали при этом лучшие участки из общинной земли, притом с «надбавкой», а затем скупали за бесценок наделы бедноты, покупали землю в банке и таким образом создавали крупные хозяйства. С другой стороны, выделялись бедняки, которые затем продавали свою землю. Из двух с лишним миллионов выделившихся из общины 1200 тыс., т. е. 60% выделившихся, продали после выдела свои участки. В результате, как указывал Ленин, уменьшилось число пролетариев, связанных наделом, и увеличилось число чистых пролетариев, наделом не связанных.

Таковы были первые итоги столыпинской политики.

СТОЛЫПИНСКИЕ ХУТОРА И ОТРУБА

Выходы из общины должны были подготовить почву для столыпинского землеустройства — для перехода выделившихся к хуторскому и отрубному хозяйству. Но и с хуторами не вышло, как рассчитывало правительство.

Землеустроительные операции получили значительный размах (общее число столыпинских землеустроителей превысило 6 тыс.). Количество же хуторских и отрубных

хозяйств к 1 января 1916 г., по отчетам землеустроительных комиссий, составило лишь 1 221 509 с общей площадью земли 11 992 486 десятин.

Сводка данных за 1916 г. была сделана Першиным на основании неопубликованных местных отчетов¹. Дополнив этими данными официальные данные землеустроительных комиссий, получим следующую таблицу.

Таблица 5

Годы	Число созданных за год хуторских и отрубных хозяйств	Площадь их земли в десятинах	Годы	Число созданных за год хуторских и отрубных хозяйств	Площадь их земли в десятинах
1907	8 315	88 358	1913	192 988	1 833 556
1908	42 350	434 624	1914	203 915	1 980 273
1909	119 380	1 215 729	1915	173 502	1 666 875
1910	151 814	1 447 125	1916	93 578	896 997
1911	206 723	2 031 507	Итого	1 315 087	12 889 483
1912	122 522	1 294 439			

К этим числам необходимо добавить 15 505 хуторских и отрубных хозяйств, созданных на казенных землях, и приблизительно 280 тыс., созданных на землях Крестьянского банка. Площадь земли под хуторами на банковских и казенных землях равнялась 3 243 809 десятинам.

Общее число хуторских и отрубных хозяйств составило, следовательно, около 1 610 тыс. на площади свыше 16 млн. десятин. Число же всех крестьянских хозяйств, по переписи 1916 г., равнялось 15 026 785. Таким образом, к 1 января 1917 г., т. е. накануне Второй русской революции, хуторские и отрубные хозяйства составляли всего 10,6% всех крестьянских хозяйств.

Хуторские и отрубные хозяйства были расположены очень неравномерно по отдельным районам. Наибольшее развитие они получили в следующих губерниях, главным образом белорусско-литовских, украинских и поволжских, составлявших два обособленных друг от друга района Европейской России:

¹ См. Першин, Участковое землепользование в России, изд. Наркомзема, «Новая деревня», Москва 1922, стр. 7.

а) Северо-западный район, в который входили губернии Петербургская (28,7% хозяйств хуторских и отрубных), Псковская (17,6%), Ковенская (18,6%), Витебская (28,7%), Смоленская (15,9%) и Могилевская (14,6%). В четырех из этих губерний — Ковенской, Витебской, Могилевской и Смоленской — хутора были распространены и до революции 1905 года.

б) Южные и юго-восточные губернии: Полтавская (12,9% хозяйств хуторских и отрубных), Харьковская (22,5%), Херсонская (22,6%), Екатеринославская (20,9%), Таврическая (20,6%), Саратовская (16,4%), Самарская (19%) и Ставропольская (24,9%).

Важнейшая часть хуторов была основана на общинных землях: насаждение «мелкой земельной собственности» было связано в первую очередь с экспроприацией крестьянских наделных земель. Четыре пятых всей площади, занятой отрубам и хуторами, приходилось на хутора и отруба, образованные на землях сельских обществ, и только одна пятая — на хутора, образованные на землях, купленных у Крестьянского банка, или на казенных землях.

Вопрос о хуторах не сводился, однако, к вопросу об их количестве. Основное заключалось в том, что же представляли собой хутора, для создания которых царское правительство сделало все, что оно вообще могло сделать? Правительство, отмечал Ленин, всеми силами прятало правду о хуторах, преследуя и высылая из деревни честных, независимых наблюдателей крестьянской жизни, подвергая невиданным даже в России полицейским притеснениям и преследованиям крестьян, посылавших корреспонденции в газеты. Одновременно в официальных изданиях оно всячески замазывало истинное положение вещей, восхваляя прелести жизни крестьян на хуторах и их растущее со дня на день материальное благополучие. Несмотря на это, даже официальные материалы дают возможность выявить действительное состояние хуторских хозяйств.

Из таких материалов наиболее важным является «Обследование землеустроенных хозяйств, произведенное в 1913 г. в 12 уездах Европейской России», изданное Комитетом по землеустроительным делам в 1915 г. Обследование охватило 5 уездов в Северном и Северо-западном районах (в Ярославской, Смоленской, Виленской, Псковской и Тверской губерниях), 2 уезда в Центральном районе (в Орловской и Тульской губерниях), 3 уезда в Южном районе (в Полтавской, Харьковской и Таврической губерниях) и 2 уезда

в Восточном районе (в Пермской и Самарской губерниях).

Выбор губерний и уездов для обследования был сделан тенденциозно.

Например, 15 губерний были отброшены потому, что в них землеустройство замедлялось и нельзя было «блеснуть» его результатами; 5 губерний были исключены на том основании, что в них община оказалась особенно устойчивой; Астраханская и Минская губернии и Область войска Донского были исключены потому, что в них землеустройство получило развитие лишь после 1911 г. и «благотворные» результаты столыпинской политики не могли еще сказаться, и т. д. Всего, таким образом, исключено было 27 губерний. В оставшихся губерниях Европейской России, где действовали землеустроительные комиссии, исключались уезды, где было мало хуторских и отрубных хозяйств, а также и уезды, где таких хозяйств было много. Например, был исключен из обследования такой уезд, как Новоузенский Самарской губернии, так как в этом уезде количество устроенных до 1911 г. хуторских и отрубных хозяйств было очень велико, что якобы могло затруднить получение правильных средних выводов из общей сводки по всем уездам. В действительности причины исключения Новоузенского уезда заключались в том, что здесь при очень большом количестве хуторских и отрубных хозяйств наиболее ярко выявилась несостоятельность столыпинской политики¹.

В общем уезды для обследования были подобраны так, чтобы по возможности скрыть от общества разорительные последствия столыпинской аграрной политики. Но все же результаты обследования выявляют с достаточной ясностью и несомненностью многие стороны этой политики.

Всего в 12 уездах было обследовано 22 399 хозяйств, из них 17 567 хозяйств, образованных на наделных землях, 4 603 — на банковских и 229 — на казенных.

Хозяйства распределены материалами обследования на три основные группы, но распределение это сделано, к со-

¹ Ленин в статье «Некоторые итоги „землеустройства“» (Соч., т. XVI, стр. 330) очень ярко показал результаты столыпинского землеустройства в Новоузенском уезде. Эти результаты сводились к скупке кулаками за бесценок у выделявшихся бедняков наделных земель и к возрастанию арендных цен при совершенно ничтожной разнице в технике хозяйства между хуторскими и общинными землями.

жалению, не по признакам хозяйственным, а по признакам землеустроительного порядка, что затрудняет анализ материалов обследования.

ХУТОРА И ОТРУБА НА НАДЕЛЬНЫХ ЗЕМЛЯХ

Хутора и отруба на наделных землях были в 11 уездах из 12. В Епифанском уезде Тульской губернии были хутора и отруба только на банковских землях. Средние размеры обследованных хуторских и отрубных хозяйств почти во всех уездах значительно превышали средние размеры крестьянского хозяйства по уезду раза в полтора, два и более. Так, по Богодуховскому уезду Харьковской губернии средний размер обследованного хозяйства равнялся 7,6 десятины, средний размер хозяйства по уезду — 5,3 десятины; в Сычевском уезде Смоленской губернии — 11 и 7,6 десятины; в Мологском уезде Ярославской губернии — 10,7 и 5,6 десятины; в Николаевском уезде Самарской губернии — 47,2 десятины против 21,8 десятины в среднем по уезду и т. д.

Данные о земельном обеспечении выделявшихся на хутора и отруба показывают с несомненностью наличие среди выделявшихся значительной доли зажиточных, кулацких элементов. Об этом говорит и большой процент хозяйств, применявших наемный труд до выхода на хутора и отруба. Число таких хозяйств было 4 622, т. е. свыше 30% всех обследованных хозяйств. С другой стороны, 1 292 хозяйства (7,4%) продали свои участки — 1 284 после землеустройства и 8 после раздела, а 1 121 хозяйство (6,4%) продали свою землю частично. Итого продали землю 14% выделившихся. Процент этот значительно ниже всероссийского, что приходится отнести в первую голову за счет тенденциозного подбора уездов для обследования. Кроме того, следует учесть, что продажа участков, очевидно, продолжалась и в 1913—1917 гг.

Причины продажи земли, указанные в материалах обследования, можно разделить на три группы:

1. Переселения за Урал и покупка земли в Европейской России. Из этих причин только вторая — покупка земли — означала обычно замену хозяйства в одном месте хозяйством в другом месте. Переселение за Урал в действительности очень часто, как мы уже видели, заканчивалось полным разорением переселенца.

2. «Обеспеченность службой и промыслами». Эта рубрика для подавляющего большинства случаев означала фактиче-

ски разрыв с землей и окончательный уход на заработки в город, т. е. превращение в безнадельного пролетария.

3. Наконец, третья группа причин явно указывала на разорение: недостаток рабочих рук, болезнь, неурожай и т. п.

Около 14% обследованных хозяйств ликвидировались полностью или частично тотчас после «землеустройства»; частичная продажа земли обычно являлась только ступенью к полной ликвидации хозяйства.

По отношению к земельной площади всех обследованных хозяйств, полученной ими при землеустройстве (201 154 десятины), площадь проданной земли (18 766 десятин) составляла 9,3% всей площади. В отдельных уездах этот процент был значительно выше: так, в Островском уезде площадь проданной земли составляла 13,1%, в Орловском — 14, а в Николаевском уезде — 17,8%, т. е. больше одной шестой всей земельной площади обследованных хозяйств. Процесс пролетаризации продолжался и после землеустройства, показателем чего может служить увеличение числа хозяйств без рабочего скота. Процент таких хозяйств при землеустройстве составлял 17,1 (2 488 хозяйств на общее число 14 506), в момент обследования — 18,8 (2 804 на 14 927 хозяйств). Увеличился и процент бескоровных хозяйств.

Наряду с ликвидацией слабых хозяйств шло дальнейшее усиление зажиточных и кулацких хозяйств. Это выражалось, во-первых, в покупке новых участков земли хуторянами и отрубниками. По всем уездам обследованными хозяйствами было вновь прикуплено 22 022 десятины, или 12,1% земельной площади, оставшейся после продаж. По отдельным уездам этот процент достигал: 34,6 в Кременчугском уезде, 41,3 в Островском уезде и 48,3 в Бердянском уезде. Во-вторых, дальнейшее укрепление кулацкой верхушки показывали данные об увеличении числа хозяйств с применением наемного труда. Число таких хозяйств возросло с 4 622 до 5 823 (на 26%), составив по отношению к общему числу хозяйств в момент обследования 39%.

Материалы обследования тенденциозно восхваляли огромные выгоды и преимущества, полученные крестьянами в результате землеустройства. В числе «плюсов» фигурировали сокращение чересполосицы, приближение посевной земли к усадьбе и как результат этого — экономия рабочей силы; внедрение в хуторские и отрубные хозяйства новой техники, новых сельскохозяйственных машин и орудий; улучшение полеводства и введение многопольных, травопольных и вообще улучшенных севооборотов и постепенная

ликвидация трехполюя; повышение урожайности, превышающей будто бы не только урожай на землях крестьян, не воспользовавшихся благами столыпинского землеустройства, но иногда и урожай на помещичьих землях; развитие мелиорации и улучшение качества построек; развитие среди хуторян и отрубников кооперации и т. д.

Рассмотрим каждый из этих вопросов в отдельности.

Сокращение чересполосицы в обследованных хуторских и отрубных хозяйствах действительно имело место, что показывает следующая таблица.

Таблица 6

Имели землю до землеустройства						После землеустройства		
В	1	куске	3,9%	всех	хозяйств	26,4%	всех	хозяйств
»	2	»	2,1%	»	»	48,9%	»	»
»	3	»	3,8%	»	»	17,7%	»	»
»	4—5	»	14,5%	»	»	6,4%	»	»
»	6—10	»	26,9%	»	»	0,6%	»	»
»	11—20	»	20,2%	»	»	—		
»	21—40	»	16,4%	»	»	—		
»	41—50	»	6,6%	»	»	—		
»	61—100	»	4,4%	»	»	—		
Свыше	100		1,5%	»	»	—		

До землеустройства свыше $\frac{9}{10}$ всех крестьянских хозяйств имели землю каждое в четырех и более кусках. Цифры начиная с 20 кусков и выше, в особенности же свыше 100, просто поражают глаз читателя! Однако свести землю в один участок столыпинские землеустроители сумели только для четвертой с небольшим части «устроенных» хозяйств; почти половина их получила землю в 2 кусках и почти четверть в 3 и выше (до 10!) кусках. Нельзя сказать, чтобы достигнутые результаты были блестящи: столыпинцы не сумели как следует ликвидировать даже чересполосицу!

Еще хуже обстояло дело с уничтожением дальнотельных земель: и после землеустройства 12,1% всех хозяйств имели землю на расстоянии от 3 до 5 километров от усадьбы (до землеустройства процент таких хозяйств равнялся 12,6); 17% хозяйств после землеустройства имели землю на расстоянии свыше 5 километров от усадьбы.

Несомненным фактом было известное улучшение сельскохозяйственной техники, но улучшение это относилось только к зажиточным и кулацким хозяйствам. Такие сельскохозяйст-

венные машины, как сеялки, жатки, сенокосилки, веялки, сортировки, молотилки, число которых ко времени обследования увеличилось, оставались принадлежностью немногочисленных крупных хозяйств. Количество таких хозяйств можно примерно (хотя и не точно) установить, судя по обеспеченности земель. Свыше чем по 15 десятинам на двор имели 3 635 хозяйств, из них 1 472 хозяйства — свыше чем по 25 десятинам на двор. Количество сложных машин по каждому их виду в отдельности не превышает числа наиболее крупных хозяйств, а по сеялкам и молотилкам сильно отстает даже от числа дворов с наивысшим земельным обеспечением.

Таблица 7

Название сельскохозяйственных машин	Было до землеустройства		Было при обследовании	
	количество машин	% хозяйств, имеющих машины	количество машин	% хозяйств, имеющих машины
Сеялки	242	1,7	479	3,4
Жатки и сенокосилки	1 182	8,3	1 688	11,9
Веялки и сортировки	2 813	19,8	3 719	26,2
Молотилки	441	3,4	727	5,1

Подавляющее большинство выделившихся попрежнему не пользовалось сельскохозяйственной машиной. Уменьшилось число сох и деревянных борон, увеличилось число плугов и железных борон. Однако далеко не все «устроенные» хозяйства имели даже плуг. Плугов стало 11 861 на 14 927 хозяйств, т. е. около пятой части «устроенных» хозяйств (3 066 хозяйств, или 20,5%) продолжали ковырять землю сохой. На деле бесплужных хозяйств было более 20,5%, так как имелись хозяйства с несколькими плугами.

Материалы обследования показывали значительное уменьшение числа хозяйств с трехпольным севооборотом и соответственное увеличение числа хозяйств с многопольными севооборотами. Однако, во-первых, число хозяйств с многопольным севооборотом, увеличившись с 141 до 592, все-таки составляло очень незначительный процент всех обследованных хозяйств (4%); во-вторых, в числе севооборотов фигурировала такая рубрика, как «пестрополье и прочие севообороты», причем таблица показывала рост таких севооборотов больше чем в полтора раза (с 4 052 хозяйств до 6 266).

Что должно было подразумеваться под «прочими» севооборотами, это, повидимому, было неясно и для самих исследователей. Но на примере Бердянского уезда секрет «пестрополя и прочих севооборотов» раскрыт во вступительном очерке к материалам обследования. Очерк отмечал в этом уезде понижение урожайности как результат «бессменной и однообразной культуры хлебов»¹. Повидимому, посеы «хлеб по хлебу» и занесены в рубрику «пестрополя и прочих севооборотов». Нечего и говорить, что с сельскохозяйственной культурой такие севообороты не имели ничего общего. И сами исследователи вынуждены были констатировать, что «в массе хозяйств... переустройство хозяйства не вылилось в определенную форму систематического перехода к правильному севообороту»².

Сравнить урожайность на хуторских и отрубных землях с урожайностью общинных и помещичьих земель вообще нет возможности, так как сведения об урожае хлебов на различных разрядах земель брались из разных источников: для сельских обществ и частных владельцев они брались по материалам уездных комитетов, а в отношении обследованных хуторских и отрубных хозяйств сведения записывались счетчиками по показаниям самих хозяев, вследствие чего достоверными эти сведения считать нельзя.

Что касается мелиорации, материалы обследования показали значительное количество хозяев, которые рыли осушительные каналы, колодцы, пруды и мочила, расчищали болота и заросли и прочие неудобные земли. Большая часть этих работ носила вынужденный и непроизводительный характер, так как выделившимся из общества ничего другого не оставалось, как заново рыть колодцы, устраивать пруды и мочила. Хуторянам и отрубникам на наделных землях все это приходилось выполнять исключительно своими силами или за свой счет; на банковских землях часть таких работ (значительно меньшая) выполнялась банком. Только часть мелиоративных работ носила производительный характер (рытье осушительных каналов и расчистка неудобных земель). Все эти работы требовали огромной затраты трудовой энергии, отвлекая хуторян от сезонного сельскохозяйственного труда.

Материалы обследования доказывали улучшение качества и повышение стоимости построек у хуторян и отрубников,

¹ «Землеустроенные хозяйства». Вступительный очерк, стр. 31.

² Там же, стр. 30.

однако недостоверность этих материалов изобличается не только наблюдениями на местах, но и таким источником, как «Поездка в Сибирь и Поволжье» Столыпина и Кривошеина. Вот что писали насчет построек хуторян и отрубников в Поволжье царские министры: «Какого-либо улучшения обычных в деревне типов жилищ, за единичными исключениями, незаметно. Каждый хутор с его постройками, крытыми сплошь соломой, со сложенными кругом скирдами и стогами, производит впечатление материала, как нарочно собранного для гигантского костра. Все преимущество по сравнению с такими же усадьбами-кострами в деревне сводится к тому, что на хуторах каждый «может гореть порознь, не угрожая другим»¹.

Несомненным фактом являлся рост кооперирования в среде обследованных хозяйств. Так, число членов кредитных товариществ возросло с 2 520 до 6 023, число членов сельскохозяйственных обществ — с 95 до 464. Но это увеличение имело общий характер, относясь не только к хуторянам и отрубникам. Вот данные о кредитных товариществах и сельскохозяйственных обществах по всей стране в то время. Число кредитных товариществ с 2 012 в 1908 г. возросло до 4 050 к июлю 1910 г., а число членов в них — с 838,7 тыс. до 1 600 тыс. Число сельскохозяйственных обществ за время с 1898 по 1909 г. возросло с 269 до 1 020.

Кооперация охватывала преимущественно зажиточные и кулацкие, но частично также и середняцкие слои крестьянства. Это видно из того, что общее число членов кооперативов в обследованных хозяйствах (6 291) превышало число зажиточных и кулацких хозяйств, имевших земли от 15 до 25 десятин и свыше (число таких хозяйств, как мы уже видели, равнялось 3 635). Наибольшее развитие среди различных видов кооперации получили кредитные товарищества, в которых участвовало 96% всех членов кооперативов.

Гораздо большее значение для характеристики экономического состояния обследованных хозяйств имели данные о количестве скота до землеустройства и во время обследования. Эти данные показывали уменьшение по основным видам скота, за исключением молодняка и свиней, несмотря на то, что количество хозяйств увеличилось (14 927 хозяйств против 14 506 хозяйств до землеустройства). Особенно резко упало количество овец (более чем в полтора раза — с 46,7 тыс. до 30,9 тыс.).

¹ «Поездка в Сибирь и Поволжье», П. 1911, стр. 149.

Вот эти данные.

Таблица 8

Время учета	Количество хозяйств	Лошадей рабочих	Жеребят	Коров	Быков и волов	Нетелей, бычков и телят	Овец	Свиней
До землеустройства	14 506	24 507	2 605	21 845	4 413	10 045	46 720	23 987
При обследовании	14 927	23 589	3 583	21 607	3 564	14 327	30 884	26 728

Одной из важнейших причин уменьшения скота было уничтожение общих выгонов и выпасов с выходом на хутора и отруба. Это обстоятельство признали и руководители обследования.

Иные результаты получаются, если данные о количестве скота рассмотреть по отдельным группам хозяйств.

Наиболее экономически мощной являлась первая группа («хутора с переселением»), в которой было 3 580 хозяйств (24% всех хозяйств). Процент хозяйств, имевших до 10 десятин на двор, т. е. бедняцких и маломощно-средняцких, в этой группе равнялся 46,7 против 50 в среднем по всем группам, а процент зажиточных и кулацких хозяйств (от 15 до 25 десятин и выше) равнялся 26 против 24 в среднем по всем группам. Количество скота в хозяйствах этой группы увеличилось, за исключением овец, что видно из следующей таблицы.

Таблица 9

Время учета	Количество лошадей	Жеребят	Коров	Быков и волов	Нетелей, бычков и телят	Овец	Свиней
До землеустройства . .	5 804	563	6 902	538	2 473	14 912	9 794
При обследовании . . .	5 987	1 088	7 456	616	4 988	11 918	11 367

В отрубных хозяйствах (наиболее многочисленная группа — 9 358 хозяйств, или 62,7% всех хозяйств) и в разделившихся после землеустройства процент зажиточных и кулацких хозяйств был ниже среднего, а процент бедняков и маломощных середняков (до 10 десятин на двор) — выше (58,6% —

5 922 хозяйства из 10 102). В этой группе количество скота значительно уменьшилось (за исключением свиней и молодняка); особенно резкое уменьшение наблюдалось в отношении овец (с 28,4 тыс. до 16 тыс.).

Группа хуторов без переселения (1 245 хозяйств, или 8,3% общего числа их) занимала промежуточное положение по экономической мощности. В ней наблюдались незначительные изменения в сторону уменьшения по одним видам скота (лошади, овцы) и в сторону увеличения по другим его видам.

Таким образом, данные о количестве скота давали ту же общую картину расслоения крестьянства. Одни хуторяне после землеустройства прикупали значительные площади земли, увеличивали количество скота, покупали машины и все в большей степени эксплуатировали чужой труд. Другие либо продавали сразу после землеустройства свою землю и ликвидировали хозяйство, либо разорялись постепенно, по частям продавая землю, теряя скот и т. д.

В заключение необходимо сделать еще одно замечание. Некоторые исследователи, как, например, Чернышев¹ делали вывод, что «болеют» только хозяйства на юге, большей частью отрубные, в то время как хуторские хозяйства на севере приспособились к новым условиям и идут вверх. Производственно-экономическая точка зрения у этих исследователей подменялась географической. Нечего и говорить, что их вывод являлся неправильным. Тот факт, что скотоводство в единоличных хозяйствах юга переживало тяжелый кризис, признавали и официальные источники. Но и в северных уездах, например в Сычевском, количество скота уменьшилось, в Островском уезде произошло лишь незначительное увеличение, хотя земельное обеспечение обследованных хозяйств здесь было значительно выше, чем среднее по всем уездам (13,9 десятины против 8,3 десятины), и, кроме того, очень большое количество земли было прикуплено хуторянами и отрубниками после землеустройства.

ХУТОРА И ОТРУБА НА БАНКОВСКИХ И КАЗЕННЫХ ЗЕМЛЯХ

Хутора и отруба на банковских и казенных землях имелись только в 9 уездах из обследованных 12 (не было их в Сычевском, Ржевском и Трокском уездах). Всего таких хозяйств обследовано было 4 832, из них 4 603 хозяйства на банков-

¹ См. Чернышев, Община после 9 ноября 1906 г. Предисловие, стр. XVIII и XX.

ских и 229 — на казенных землях. Наибольшее количество хуторов и отрубов на банковских землях было в Епифанском уезде Тульской губернии (свыше 30% всех хозяйств). Земельное обеспечение хозяйств на банковских и казенных землях оказалось много выше, чем «устроенных» хозяйств на наделных землях, не говоря уже о хозяйствах в общине. Это видно из следующей таблицы.

Таблица 10

Название уездов	Средние размеры хозяйства (в десятинах)		
	по уезду	хутора и отруба на наделных землях	хутора и отруба на банковских и казенных землях
Мологский	5,6	10,7	20,0
Островский	8,3	13,9	22,4
Орловский	5,9	8,4	15,7
Кременчугский	3,8	5,9	12,3
Богодуховский	5,3	7,6	11,3
Бердянский	16,5	16,4	20,9
Красноуфимский	17,2	22,6	31,1
Николаевский	21,8	47,2	38,2

Таким образом, хуторские и отрубные хозяйства на банковских и казенных землях не только значительно превышали средние размеры хозяйств по уезду (в отдельных уездах больше чем в 2—3 раза), но и были значительно крупнее хуторских и отрубных хозяйств на наделных землях (исключение составлял один только Николаевский уезд). Распределение хозяйств на банковских и казенных землях на группы по хозяйственным признакам было совершенно иное, чем в хозяйствах на наделных землях. Возьмем такой признак, как размеры земельных участков. Следующая таблица показывает, как распределялись хозяйства по размерам земельных участков на наделных и на банковских и казенных землях (в процентах). (См. стр. 112).

Таким образом, процент маломощных хозяйств (до 10 десятин) на банковских и казенных землях (11,4%) был низок ¹, а процент зажиточных и кулацких хозяйств (от 15 до 25 десятин и больше на двор) был очень высок — 60,6, в том числе 26,2% хозяйств, имевших по 25 десятин и больше. Такой большой процент зажиточных и кулацких хозяйств не являлся случайным. Мы видели уже, какова была политика

¹ В числе хозяйств, имевших земли до 10 десятин, кроме бедняцких, была небольшая часть и середняцких.

Таблица 11

Категории хозяйств	До 5 десятин	От 5 до 10 десятин	От 10 до 15 десятин	От 15 до 25 десятин	Свыше 25 десятин	Всего
Хозяйства на наделных землях . . .	24,9	31,2	19,5	14,5	9,9	100
Хозяйства на банковских и казенных землях . . .	0,5	10,9	28,0	34,4	26,2	100

Крестьянского банка и кому попадали земли, которые он продавал.

Точно так же и процент хозяйств, применявших наемный труд на банковских и казенных землях, был гораздо выше, чем в хозяйствах на наделных землях, — 58,6% всех хозяйств против 39% на наделных землях.

Характерно, что процент хозяйств, применявших наемный труд, и процент хозяйств с площадью от 15 до 25 десятин и выше почти совпадали; такое совпадение показывало, что как раз последние хозяйства эксплуатировали чужой труд.

Что касается всякого рода «прогрессов», то материалы обследования по этой части еще более щедры в отношении хозяйств на банковских и казенных землях, чем в отношении хозяйств на землях наделных. Диаграммы «землеустроенных хозяйств» показывали значительное увеличение сельскохозяйственных машин, но соха, однако, не вывелась и в этих хозяйствах и, что характерно, число сох в переселившихся хозяйствах первой и второй групп (хутора и отруба с переселением) даже увеличилось.

Полеводство в обследованных хозяйствах, как и в хозяйствах на наделных землях, характеризовалось в сущности преобладанием трехполья (2058 хозяйств из 4832, т. е. более 40%); хозяйств с многопольными севооборотами было всего 372 (7,7%), с переходными севооборотами — 597; 1508 хозяйств, т. е. более 30%, исследователи отнесли к рубрике «пестрополье и прочие севообороты». О том, что представляли собой эти «прочие» севообороты, мы уже говорили.

В отношении повышения урожайности, мелиорации, улучшения качества построек и развития кооперации к хозяйствам на банковских и казенных землях применимы те же

выводы, какие уже были сделаны в отношении хозяйств на наделных землях.

Что касается количества скота, то необходимо отметить, что ввиду преобладания среди хозяйств на банковских и казенных землях зажиточных и кулацких хозяйств данные обследования показывали здесь увеличение количества скота не только во всех группах вместе, но и в каждой группе хозяйств в отдельности. Тем не менее и среди хозяйств на банковских и казенных землях были различия между отдельными группами по количеству скота в соответствии с размерами земли в хозяйстве. Эти различия заключались в том, что в хозяйствах первой и второй групп (хутора и отруба с переселением) проценты увеличения скота по отдельным его видам были значительно выше, чем в группе хуторов и отрубов без переселения. Наряду с общим увеличением скота во всех группах оставались еще на банковских и казенных землях хозяйства без скота. Таких хозяйств было: без рабочего скота — 241, без коров — 239, а без всякого скота — 90.

Таким образом, и в отношении хозяйств на банковских и казенных землях мы видим ясно два вида хуторян — богатейших кулаков и с трудом перебивающихся на своих участках бедняков и середняков. Разница заключалась в том, что на наделных землях бедняки и середняки среди хуторян и отрубников составляли подавляющее большинство, на банковских же землях и казенных благодаря известной политике банка очень значительный процент (больше половины) составляли зажиточные и кулацкие хозяйства. Но хозяйства на банковских и казенных землях составляли меньше одной четвертой части числа всех обследованных хозяйств, среди же всех хуторских и отрубных хозяйств и того меньше — около одной пятой. Таким образом, богатейшие кулацкие хозяйства составляли лишь незначительное меньшинство среди хуторян и отрубников, не будучи в состоянии сделаться прочной классовой опорой для самодержавия. «Хуторяне, — писал Ленин, — имеются двух, совершенно различных разрядов. Правительство, смешивая эти разряды, приводя огульные данные, только обманывает народ.

Один разряд хуторян, ничтожное меньшинство, это — зажиточные мужики, кулаки, которые и до нового землеустройства жили отлично. Такие крестьяне, выделяясь и скупая наделы бедноты, несомненно, обогащаются на чужой счет, еще больше разоряя и закабалая массу населения. Но таких хуторян, повторяю, совсем немного.

Преобладает, и преобладает в громадных размерах, другой разряд хуторян — нищие, разоренные крестьяне, которые пошли на хутора от нужды, ибо им некуда деться. „Некуда, так хоть на хутора“ — вот как говорят эти крестьяне. Голодая и мучаясь на нищенском хозяйстве, они уцепились за последнюю соломинку, ради пособия на переселение, ради ссуды на устройство. Они бьются на хуторах, как рыба об лед; они продают весь хлеб на то, чтобы собрать взнос в банк; они вечно в долгу; бедствуют отчаянно; живут как нищие; их прогоняют с хуторов за невзнос платы, и они превращаются окончательно в бездомных бродяг»¹.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

В результате проведения столыпинской аграрной политики произошел значительный рост кулачества, масса же крестьянства разорялась и беднела. В связи с ростом кулацких хозяйств сельское хозяйство в России несколько поднялось. Посевная площадь увеличилась с 85 538,1 тыс. десятин в 1901—1905 гг. до 93 498,3 тыс. десятин в 1909—1913 гг., т. е. почти на 10%. Повысилась и урожайность всех хлебов — с 39 пудов в среднем с десятины в десятилетие 1891—1900 гг. до 43 пудов в десятилетие 1901—1910 гг. В результате роста посевной площади и небольшого повышения урожайности валовой сбор хлебов возрос на 24%; увеличился и вывоз хлеба за границу. Значительно возросло потребление сельскохозяйственных машин как за счет внутреннего производства, так и за счет ввоза из-за границы. Потребление сельскохозяйственных машин в России показывает таблица 12.

Усиление классового расслоения крестьянства в результате столыпинской политики приводило к расширению внутреннего рынка. Крестьянин-бедняк не мог удовлетворить свои потребности из своего хозяйства и должен был нести «на рынок» свою рабочую силу. Кулаки покупали железо, сельскохозяйственные машины, предметы широкого потребления. Все это содействовало оживлению в промышленности, начавшемуся с 1910 г. Развитие промышленности, в свою очередь стимулируя рост денежных отношений в стране, увеличивая спрос на рабочую силу и т. д., содействовало развитию капиталистических отношений в деревне.

¹ Ленин, Соч., т. XVI, стр. 455.

Таблица 12¹

Годы	Общее потребление сельскохозяйственных машин (в тыс. руб.)	Внутреннее производство	% к общему потреблению	Ввоз из-за границы	% к общему потреблению
1906	39 650	20 000	50,5	19 650	49,5
1907	46 296	24 000	51,9	22 296	48,1
1908	61 340	33 000	52,0	28 340	48,0
1909	78 276	35 000	44,8	43 276	55,2
1910	86 075	44 000	51,5	42 075	48,5
1911	108 187	50 317	46,6	57 870	53,4
1912	116 173	52 628	45,4	63 545	54,6
1913	109 186	60 508	55,4	48 678	44,6

Таким образом, столыпинская политика способствовала развитию капитализма в России. Но развитие производительных сил шло очень медленно. Наряду с ростом кулацких хозяйств и пролетаризацией бедноты происходила пауперизация, мучительное обнищание основных масс крестьянства, и это не могло не оказывать сильного сдерживающего влияния на развитие производительных сил страны. Резолюция Пражской конференции РСДРП (январь 1912 г.) отмечала, что «экономический подъем в громадной степени парализуется полным расстройством экономического положения крестьянства»². Это расстройство экономического положения крестьянства в 1911 г. выразилось в сильнейшем неурожае и голоде, охватившем, даже по правительственным подсчетам, 20 млн. (а на деле до 30 млн.) крестьян. Резолюция Пражской конференции указывала: «Настоящая голодовка лишний раз подтверждает неуспех правительственной аграрной политики и невозможность обеспечить сколько-нибудь нормальное буржуазное развитие России при направлении ее политики вообще и земельной политики в частности классом крепостников-помещиков»³.

В связи с дальнейшим развитием капитализма очень важным являлся вопрос о пережитках крепостничества в деревне. Бывший когда-то большевиком, а впоследствии ставший ликвидатором, Н. А. Рожков в 1916 г. писал, что пережитки крепостничества в деревне если не ликвидиро-

¹ Е. И. Измайловская, Русское сельскохозяйственное машиностроение, М. 1920, стр. 13.

² ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 181.

³ Там же, стр. 185.

ваны полностью, то сведены будто бы к такому минимуму, который можно найти в сельском хозяйстве любой капиталистически развитой страны. Эти выводы делались им на основании сложных расчетов с данными об аренде из известных уже нам материалов обследования «землеустроенных хозяйств». Данные эти, показывавшие уменьшение аренды земли обследованными хозяйствами, являлись такими, которых и можно было ожидать: хуторские и отрубные хозяйства, имея значительно больше земли, чем остальные крестьянские хозяйства, не нуждались или гораздо меньше нуждались в дополнительной аренде земли, в основном довольствуясь своими участками. Ошибка Рожкова заключалась в том, что он распространил выводы, относящиеся к обследованным хозяйствам, составлявшим незначительную часть всех крестьянских хозяйств, на все крестьянские хозяйства. Политически же выводы, которые делал Рожков, должны были обосновать его ликвидаторские взгляды по вопросу о перспективах буржуазно-демократической революции, доказать, что никакого нового «революционного кризиса» в России не предвидится.

Как же в действительности обстояло дело после столыпинской реформы? Ответ на этот вопрос дает статья Ленина «Крепостное хозяйство в деревне». «Наши либералы, — писал Ленин в этой статье, — никак не хотят признать того, что в русской деревне до сих пор необъятно широко еще применяется крепостное хозяйство. Крепостничество еще живо. Ибо, когда полунищий крестьянин работает на помещика своим убогим скотом и орудиями, будучи закабален выдачей денег займа или арендой земли, то это и есть экономическая сущность крепостного хозяйства»¹.

И дальше Ленин приводил многочисленные примеры пережитков крепостничества в деревне. Ленин указывал, что, например, в Черниговской губернии весной 1913 г. количество подрядившихся зимой на летние работы крестьян достигло 56%, т. е. почти $\frac{3}{5}$ всего числа крестьянских дворов. «А при зимней наемке крестьянин получает за работу *вдвое и втрое* дешевле, чем при летнем найме»². Ленин указывал далее на очень распространенную обработку земли «исполу» — с части урожая: «Исполщина, обработка земли из половины урожая или уборка сенокосов из третьей копы („на третьяк“) представляет собой тоже прямое пережи-

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 337.

² Там же.

вание крепостничества... „В некоторых случаях... кроме оплаты земли половиною урожая, а сенокоса двумя третями, испольщик обязывается 1—2 неделями бесплатной работы в экономии, чаще всего с лошадьёю или подростком“»¹. Приведя такие примеры, Ленин делал вывод: «Чем же это отличается от крепостного права? Крестьянин бесплатно работает на помещика, получая землю от него исполну!»²

Подведем итоги. Десять лет столыпинской политики не дали тех результатов, на которые рассчитывало царское правительство вместе с помещиками и буржуазией.

Была бита, во-первых, столыпинская «ставка на сильных». Кулачество усилилось и окрепло, но не в такой степени, чтобы стать прочной опорой царизма в деревне. Не удалось Столыпину и превратить русского кулака-миroeда в «культурного деятеля». Небольшая кучка кулаков обогащалась за счет грабежа общинных земель и значительных ссуд от Крестьянского банка; масса крестьян беднела и разорялась — как в результате столыпинского «землеустройства» и банковской деятельности, так и в результате переселенческой политики царизма. Большинство выделившихся на хутора крестьян бедствовало на хуторах не меньше, чем до этого бедствовало в общине. Трудности переселения, невыгоды и серьезные минусы хуторской жизни на отшибе «от мира», непосильные платежи банку и постоянный страх потерять землю за неплатеж или несвоевременный платеж банку — таковы были результаты столыпинской политики для подавляющего большинства хуторян и отрубников.

Во-вторых, в деревне попрежнему оставались многочисленные пережитки крепостничества, связанные с преобладанием помещиков, в виде отработков, испольщины и т. п. Эти пережитки крепостничества тормозили дальнейшее развитие сельского хозяйства и крайне ухудшали положение крестьянской массы. Даже общину, разрушение которой прямо ставил себе целью Столыпин, ему разрушить не удалось, — она попрежнему преобладала в центральных губерниях. Крепостническая система оставалась по существу нетронутой. «Аграрная политика царизма... — говорилось в резолюции Пражской конференции, — не только не привела к созданию сколько-нибудь устойчивых буржуазных отношений в деревне, но не избавила крестьянство от массовых голодовок, обозначающих крайнее ухуд-

¹ Ленин, Соч., т. XVII, стр. 338.

² Там же.

шение в положении населения и громадную растрату производительных сил страны»¹. Пережитки крепостничества продолжали тормозить и развитие промышленности.

✓ В-третьих, в результате столыпинской политики обострились классовые противоречия в деревне. Царизму не удалось достичь главной цели своего маневра — задушить революционное движение крестьянства. Крестьянские массы, которые сначала надеялись получить землю через Думу, все больше убеждались в тщетности своих надежд. В результате этого обострялась борьба крестьян против помещиков. Крестьянское движение после нескольких лет затишья (1907—1909) вновь усилилось с 1910 г. Крестьянство попрежнему оставалось революционной силой, союзником пролетариата в борьбе за свержение царизма. Одновременно обострились и классовые противоречия между крестьянской беднотой и кулачеством. Крестьяне жгли не только усадьбы помещиков, но и дома и риги хуторян-кулаков. Из двух социальных войн, которые происходили в деревне, в годы реакции продолжалась первая война — против помещиков, но значительно усилилась также и вторая — между крестьянской беднотой и кулаками.

✓ В-четвертых, в результате столыпинской аграрной политики происходил более усиленный процесс обезземеливания крестьянства и быстрый рост городского, а также и сельского пролетариата. Разоряемая беднота продавала свои клочки земли и шла в город на фабрики и заводы или в батраки к помещикам и кулакам. Численность городского пролетариата за время после революции до мировой войны увеличилась минимум процентов на 20. Выросла концентрация пролетариата на крупных и крупнейших предприятиях. Меньше стало рабочих, связанных с землей, в результате чего чисто пролетарская, основная опора рабочего движения усилилась. Выросли сознательность и политический опыт рабочих, их решительность и воля к борьбе. Все это приводило к тому, что поле деятельности для большевистской партии расширилось.

Так господствующий класс крепостников-помещиков, пытаясь спасти свое положение, сам рыл себе могилу: политика столыпинщины еще более углубляла назревавший революционный кризис, неизбежно шла к своему краху и тем самым — к краху царизма.

¹ ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 181.

Предвидя это, большевики еще на V конференции РСДРП в декабре 1908 г. указывали, что политика столыпинщины «неизбежно ведет к углублению политической борьбы различных классов»¹, что «основные факторы экономической и политической жизни, вызвавшие революцию 1905 года, продолжают действовать, и новый революционный кризис назревает при таком экономическом и политическом положении неизбежно»².

Торжество столыпинской реакции оказалось недолговечным. С 1911 г. в рабочем движении началось оживление, которое после ленского расстрела рабочих в апреле 1912 г. перешло в общий революционный подъем в стране. Пролетариат, выдерживавший самые сильные удары и со стороны самодержавия и со стороны наступающего капитала, вновь поднимался под руководством большевиков на решительную борьбу с царизмом, ведя за собой крестьянство.

ГЛАВА VII

ПРИЧИНЫ КРАХА СТОЛЫПИНСКОЙ АГРАРНОЙ ПОЛИТИКИ

Новому маневру царизма, выразившемуся в столыпинской аграрной политике, Ленин придавал очень большое значение. «Судьбы буржуазной революции в России,—писал Ленин,— не только настоящей революции, но и возможных в дальнейшем демократических революций,— зависят *больше всего* от успеха или неуспеха этой политики»³. Опасность для демократической революции нового крупного маневра царизма заключалась прежде всего в том, что этот маневр не был беспочвенным. «Насильственное раздробление общины законами 22 (9) ноября 1906 г. и т. п., насаждение хуторов и субсидирование отрубного хозяйства,— это вовсе не мираж, как иногда говорят легкомысленные болтуны демократической журналистики»⁴.

В статье «По торной дорожке», написанной в апреле 1908 г., Ленин писал: «В истории бывали примеры успеха подобной политики. Было бы пустой и глупой демократиче-

¹ ВКП(б) в резолюциях, ч. I, стр. 126.

² Там же.

³ Ленин, Соч., т. XII, стр. 134—135.

⁴ Ленин, Соч., т. XI, стр. 387.

ской фразеологией, если бы мы сказали, что в России успех такой политики „невозможен“! Возможен!»¹

Россия в то время стояла перед двумя объективно возможными решениями аграрного вопроса, перед двумя путями развития капитализма в сельском хозяйстве — прусским и американским. История не сделала окончательного выбора между ними. И тот и другой путь означал неизбежную ломку старых земельных порядков.~

Какие классовые силы боролись за победу прусского пути? Все помещики, вся буржуазия, начиная от Столыпина и Пуришкевича и кончая кадетами. Разделительная линия в этой области, указывал Ленин, идет не между октябристами и кадетами, а между кадетами и трудовиками. «Гг. Столыпина, с одной стороны, либералы, с другой (и вовсе не одни только кадеты à la Струве, а все кадеты вообще), работают систематически, упорно и последовательно над завершением революции по первому образцу»² (т. е. по образцу прусского пути), — писал Ленин в предисловии ко 2-му изданию своей книги «Развитие капитализма в России». Разница в этом вопросе между черносотенными помещиками и либералами заключалась только в способах осуществления своих целей. «Буржуазный переворот в целях сохранения помещичьего землевладения проводят и Столыпин и либералы (партия к.-д.). Столыпин — в самых грубых и азиатских формах, способных разжечь борьбу в деревне и усилить революцию. Либералы боятся этого, не желая рисковать всем, стоят за уступки, но такие уступки, которые все же *сохранят* помещичье землевладение»³.

Крестьянские массы боролись за уничтожение помещичьего землевладения, за победу американского пути развития. Рабочий класс, поддерживая крестьянство и руководя его борьбой, не ограничивал, однако, задач своей борьбы победой буржуазно-демократической революции, а ставил своей целью бороться за дальнейшее развитие революции, за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

При каких условиях возможен был успех столыпинской политики? «Для успеха Столыпинской политики, — писал Ленин, — нужны долгие годы насильственного подавления и истребления массы крестьян, не желающих умирать с голоду

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 193.

² Ленин, Соч., т. III, стр. 13.

³ Ленин, Соч., т. XI, стр. 84.

и быть выселяемыми из своих деревень»¹. Столыпинская ломка могла быть осуществлена только «ценою безграничного разорения крестьянской массы, насильственного изгнания ее из деревень, выселения, голодной смерти, истребления тюрьмой, ссылкой, расстрелами и пытками всего цвета крестьянской молодежи»². И далее: «Такую политику провести меньшинству над большинством нелегко, но она экономически не невозможна. Мы должны помочь народу ясно сознать это»³. Для успеха столыпинской политики требовалось, как заявлял сам Столыпин, «20 лет покоя» — покоя кладбища, массовое вымирание и истребление крестьян.

Недаром депутат социал-демократ Войлошников в своем выступлении в III Государственной думе сравнивал столыпинские переселения с массовым выселением, ссылкой в Сибирь, обрекающей сотни тысяч крестьян на смерть.

✓ Ленин в своей работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов», написанной в конце 1907 г., и в ряде статей, относящихся к 1908 и 1909 гг., постоянно подчеркивал, что в России возможны и тот и другой пути развития капитализма в земледелии, что «еще идет борьба», что не победил еще окончательно один из этих путей. ✓ «Наша эпоха, 1905—19?? годы, — писал Ленин в письме к Скворцову-Степанову в декабре 1909 г., — есть эпоха революционной и контр-революционной борьбы *этих* путей»⁴. «Все зависит от обстоятельств, — писал Ленин в другом письме в том же месяце, — от нищей массы крестьян (коих Столыпин придавил, но не удовлетворил), от силы рабочей партии, от условий, трений и конфликтов между Гучковым и „сферами“ и т. д., и т. д.»⁵.

✓ Но столыпинская политика действовала, и все больше выяснялась неизбежность ее краха. ✓ Уже в марте 1911 г. Ленин писал: «Прошло почти 4½ года со времени издания указа 9-го ноября 1906 года, прошло свыше 3½ лет с 3-го июня 1907 года, и теперь уже не только кадетская, но в значительной степени и октябристская буржуазия убеждается в „неудаче“ 3-ье-июньской „конституции“ и 3-ье-июньской аграрной политики»⁶. «Неурожай нынешнего года, — писал Ленин в 1911 г., — является новым напоминанием о смерти

¹ Ленин, Соч., т. XII, стр. 193.

² Там же, стр. 124.

³ Там же, стр. 124—125.

⁴ Ленин, Соч., т. XIV, стр. 215.

⁵ Там же, стр. 193—194.

⁶ Ленин, Соч., т. XV, стр. 146.

для всего нынешнего строя, для всей третьеиюньской монархии»¹.

В чем заключались причины краха столыпинской политики? Первая основная причина заключалась в том, что буржуазная по своему характеру столыпинская политика проводилась крепостниками-помещиками. «К этому и сводится, — писал Ленин, — сумма противоречий современной русской деревни: ведение буржуазной аграрной политики старыми крепостниками при полном сохранении их земли и их власти. В аграрной области это — тоже „шаг по пути превращения в буржуазную монархию“»².

В чем конкретно выражались эти противоречия, на которые указывал Ленин? В экономической области это было противоречие между развивающимися в деревне капиталистическими отношениями и преобладанием полукрепостнических форм хозяйства, т. е. кабалы и отработков. Проведение буржуазной аграрной политики требовало не связанного с наделом рабочего и интенсификации хозяйства, ведения его на капиталистический лад: применения наемного труда, усовершенствованных машин, правильных севооборотов и т. д. А хозяйство крепостников-помещиков покоилось на экономической зависимости крестьянина, как мелкого хозяйчика, от соседнего помещика, на эксплуатации этого крестьянина, на обработке помещичьей земли крестьянским скотом и инвентарем. «Кроме этих капиталистических отношений, — писал Ленин, — и отесняя их во всех коренных русских губерниях Европейской России на задний план, существует обработка помещичьей земли крестьянским инвентарем, т. е. отработки, продолжение вчерашней барщины, — существует „использование“ безысходной нужды мелкого земледельца (именно, как земледельца, как мелкого хозяйчика) для „обслуживания“ соседней помещичьей „экономии“, т. е. кабала. И ссуда денег под работу, и ссуда хлеба, и зимняя наемка и сдача в аренду земли, и предоставление пользования дорогой, водопоем, лугами, выпасом, лесом, и ссуда инвентаря и т. д. и т. п. — составляют бесконечно разнообразные формы современной кабалы»³. Пока будут существовать помещичьи латифундии, указывал Ленин, крестьяне с их клочками земли останутся неизбежно закабаленными нищими.

¹ Ленин, Соч., т. XV, стр. 369.

² Ленин, Соч., т. XVI, стр. 90.

³ Там же, стр. 88.

В политической области это было противоречие между всевластием и произволом крепостника-помещика и бесправием крестьянина, который к тому же подвергался всякого рода сословным ограничениям. Используя свою власть, крепостники-помещики проводили новую аграрную политику такими дикими, насильственными, азиатскими способами, которые не могли не вызывать глубокого возмущения и все большей ненависти к царизму в массах. Столыпинская реформа дала только отсрочку гибнущему крепостничеству. Был открыт еще один, и притом последний, клапан, который можно было открыть, не экспроприируя помещичьего землевладения. Результаты оказались ничтожными: масса крестьян, за исключением вполне освободившихся от земли пролетариев и ничтожного меньшинства кулаков, осталась в прежнем и даже худшем положении.

Такова была первая основная причина краха столыпинской политики.

Второй основной причиной краха столыпинской политики была революционная борьба масс. Старый кризис, писал Ленин, нарастает на иной, более высокой ступени капиталистического развития. Поднималось и росло рабочее движение. Число стачечников, которое в 1910 г. упало до 47 тыс., в 1911 г. превысило 100 тыс., а в 1912 г. бастовало уже более миллиона рабочих — из них 850 тыс. участвовало в политических стачках.

Подъем рабочего движения и массовые стачки будили и втягивали в борьбу также и крестьянские массы. Мы уже говорили, что за 1910—1914 гг. произошло свыше 13 тыс. крестьянских выступлений. В деревне попрежнему, несмотря на более усиленное расслоение крестьянства, на первом плане стояла борьба всего крестьянства против всего класса помещиков; но и вторая социальная война — борьба деревенских пролетариев и полупролетариев против деревенской буржуазии, кулачества, усилилась за годы столыпинской реакции (почти 7 тыс. случаев поджогов кулацких хозяйств с 1907 по 1913 г.). Усиление классовой борьбы внутри крестьянства создавало более благоприятные условия для предстоящей в дальнейшем борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Революционная борьба рабочего класса и крестьянства была второй причиной краха столыпинской политики. Революция, указывал Ленин, является единственным возможным средством помешать столыпинскому методу «обновления» России. Но революционную борьбу масс необходимо было

возглавить и организовать. Здесь выступает во всем величии роль большевистской партии и ее вождей—Ленина и Сталина: под руководством большевистской партии рабочий класс и крестьянство свергли царскую монархию; под руководством большевистской партии рабочий класс и беднейшее крестьянство победили в Великой Октябрьской социалистической революции.

«20 лет покоя», которые Столыпин требовал для успеха своей аграрной политики, история не предоставила русскому царизму. Мало того: уже в первое десятилетие проведения этой политики выявился ее очевидный крах. Противоречия, порожденные эпохой империализма, нарастали быстрым темпом; особенно обострила их мировая война 1914—1918 гг. Империалистическая Россия рухнула; навсегда уничтожен у нас капиталистический строй, навсегда ликвидировано и кулачество.

№ 1. Из донесения саратовского губернатора П. Столыпина министру внутренних дел 11 января 1906 г.

Ввиду телеграфного предложения от 7 сего января имею честь донести вашему высокопревосходительству, что аграрные беспорядки составляют давнишнее зло Саратовской губернии. Сдерживались они исключительно мерами строгости, стихали и вспыхивали с новой силой под влиянием внешних обстоятельств, которые, конечно, и вызвали ближайшим образом ураган погромов, пронесшийся над губернией минувшей осенью. Длительность эта уже указывает на то, что причина его не поверхностная, а глубоко вкоренилась в недрах народа. Главной, ближайшей причиной беспорядков является, несомненно, революционная пропаганда...

Благодарной почвой для пропаганды я считаю не столько малоземелье, сколько бедность народную: полуголодный, не имеющий сбережений, безграмотный крестьянин охотно слушал посулы агитаторов и являлся благоприятным элементом для диких разрушительных выходов...

Бедность крестьянина часто зависит от малоземелья, но я не думаю, чтобы дорезка земли или широкая деятельность Крестьянского банка в том направлении, в котором он действует теперь, могли бы разрешить вопрос. Это необходимый паллиатив, который даст только передышку. Не могу при этом не отметить, что во многих местах громадами явились крестьяне с полным наделом, тогда как малоземельные не нарушали порядка.

Коренное разрешение вопроса заключается в создании класса мелких собственников, этой основной ячейки государства, являющихся по природе своей органическими противниками всяких разрушительных теорий. Не уничтожая насильно общины, с которой сжился народ, надлежало бы всячески способствовать единичным сделкам с помощью Крестьянского банка, разрешить для этого продажу и залог надельной земли, помогать таким мелким владельцам кредитом. Тогда из кулаков и мироедов способнейшие из крестьян превратились бы в культурных деятелей. Община теперь развращена, терроризируется испорченной молодежью, и едва ли такая община разбогатеет от дешевого приобретения лишней земли.

Таким образом, по моему мнению, аграрные беспорядки созданы революционной пропагандой, имевшей успех в атмосфере крестьянского разорения. Что же касается власти, то бездействие ее, конечно, не могло быть причиной беспорядков, но она, несомненно, во многих случаях не дала им отпора.

Причина этому — неожиданность движения и еще то обстоятельство, что низшие агенты власти были сбиты с толку новыми политическими формами.

Манифест 17 октября появился неожиданно, из тюрем были выпущены недавно в них посаженные политические агитаторы, пресса заговорила неслыханным тоном. Немудрено, что во многих случаях не только

приставы и земские начальники решили, что все дозволено и власть фактически упразднена, тем более, что войск вначале не было и не на что было опереться. Но, повторяю, проявленная кое-где слабость и растерянность власти только способствовали движению, но не создали его. Доказательство тому, что и в прежнее время, когда было построже, было и потише, но движение никогда не замирало. Во всяком случае, без укрепления власти — фактора первостепенной важности — невозможно водворение порядка.

Между тем повальное почти бегство земских начальников, предъявление требований чиновниками во всех почти учреждениях, чуть ли не забастовки их — являются тревожными признаками расшатанности власти. В настоящее время в этом отношении дело улучшается — революционной пропаганде тоже дается отпор, но бедность народная, на почве которой всегда создается новая пропаганда, и плохое земельное устройство (а не исключительно малоземелье) остаются налицо и являются главной угрозой общественному спокойствию.

Губернатор — П. Столыпин.

Управляющий канцелярией — Сортон.

(Дело № 123 канцелярии Земского отдела министерства внутренних дел за 1906 г., донесения губернаторов о причинах аграрных беспорядков, листы 61—63).

№ 2. Из записки о преобразованиях в крестьянском устройстве и об аграрных мероприятиях

Сведения, поступающие о крестьянских беспорядках и о тех лицах, которые в них участвуют, не оставляют сомнения в том, что беспорядки эти порождены главным образом революционной пропагандой. Агитаторы... убеждают крестьян, что вся земля должна принадлежать исключительно земледельцам, а что лучшим средством для достижения этого является уничтожение помещичьих хозяйств. Владельцы разгромленных усадеб, по убеждению агитаторов, бросят принадлежащие им земли, которые таким путем сами собой перейдут в пользование крестьян...

При таких условиях ясно, что остановить сельские беспорядки иначе, как посредством суровой их репрессии, нет возможности. Наряду с этим необходимо, однако, разъяснить крестьянам всю ложность распускаемых революционерами слухов о предоставлении крестьянству всей земли и торжественно провозгласить с высоты престола неприкосновенность частной собственности. Если бы одновременно было объявлено, что крестьяне, участвующие в грабежах, лишаются права на содействие Крестьянского банка в деле покупки ими частновладельческих земель, то можно с уверенностью сказать, что сельские беспорядки если и не прекратятся совершенно, то ограничатся отдельными незначительными вспышками. Торжественно объявленная по сему предмету царская воля, притом широко и по возможности одновременно обнародованная во всех сельских местностях, возымела бы громадное действие. Она предотвратила бы как дальнейшую гибель сельской культуры, так и напрасное пролитие крови, неизбежное при подавлении крестьянских беспорядков, коль скоро они достигают сколько-нибудь значительных размеров.

Само собой разумеется, что этим нельзя ограничиться. Отрицать крайнее бедственное положение некоторой части крестьянства невозможно.

Следует, однако, иметь в виду, что повышение благосостояния сельских обывателей, составляющих около 80% всего населения империи, в короткий срок никакими мерами недостижимо...

Нет сомнения, что путем применения всей крестьянской рабочей силы исключительно к обработке земли крестьяне ни при каких условиях безбедно просуществовать не могут. Непреложно это хотя бы в виде того, что наш крестьянин может прилагать свою рабочую силу к земле в значительной части России не более шести месяцев в году. Исползовать зимний досуг крестьянства — вот едва ли не главный способ прочного подъема его благосостояния. В этих целях надлежит всемерно содействовать развитию побочных заработков у крестьянства, как в производствах, перерабатывающих сельскохозяйственные продукты, так и в иных, преимущественно кустарного типа.

Для выяснения мер... надо приблизиться к самой жизни крестьянства. Никакие центральные органы достигнуть этого не в состоянии. Дело это должно быть всецело возложено на действующие на местах коллегияльные учреждения. Подобные учреждения или, вернее, комиссии следовало бы образовать как из местных общественных деятелей, так и правительственных чиновников — представителей тех ведомств, которые имеют ближайшее соприкосновение с сельской жизнью: главного управления землеустройства и земледелия и министерств внутренних дел и финансов. Первой их (комиссий) задачей было бы, разумеется, выяснение причин, обуславливающих резкий упадок благосостояния крестьян данного селения. При этом, несомненно, выяснится, что причины эти в каждом отдельном случае свои, особенные, причем едва ли малоземелье является преобладающей. В одних случаях улучшение хозяйственного быта крестьян окажется возможным достигнуть посредством уничтожения тех препятствий, которые крестьяне испытывают к более плодотворному использованию природных сил состоящей в их владении земли. Подобными препятствиями являются неправильное очертание крестьянского надела, его чересполосность с землями других владельцев, отдаленность пахотных полей от усадебной оседлости, недостаток в водопоях. Для устранения всего этого местные комиссии могли бы действовать как в качестве полюбовных посредников между сторонами (для устранения чересполосности), так и оказанием материальной помощи для расселения крупных сел, образования выселков и выхода на отрубные участки.

В других случаях обеспечить крестьян необходимыми средствами существования окажется возможным посредством развития в данной местности мелкого кредита для расширения существующего кустарного производства, а также и выдачей безвозвратных пособий на приобретение улучшенных орудий производства. Наконец, не подлежит сомнению, что в некоторых случаях крестьянское малоземелье столь резко выражено, что никакими побочными мерами без увеличения площади землепользования поставить добываемые крестьянами средства в уровень с их потребностями нельзя. В таких случаях комиссии входили бы в соглашение с окрестными землевладельцами о продаже ими крестьянам части или даже всей площади принадлежащих им имений и облегчили бы установление безобидных для обеих сторон покупных цен на землю, а также принимали бы все меры к скорейшему переходу земли в собственность крестьян при посредстве Крестьянского банка. В случаях же отсутствия в данной местности частновладельческих земель или нежелания их собственников продать таковые, комиссия должна принять меры для облегчения крестьянам переселиться на свободные казенные земли как в пределах Европейской России, так и в азиатских владениях империи.

Необходимым условием плодотворной деятельности комиссии является, однако, предоставление им возможности без замедления приводить в исполнение предначертанные ими для улучшения хозяйственного быта крестьян мероприятия...

Важно приступить к делу, важно начать его, а затем оно само укажет способы лучшего его осуществления, само выяснит те пути, по которым оно должно развиваться. Опасно лишь принятие таких радикальных мер, которые одним взмахом переворачивают весь экономический уклад страны. Осуществление же ряда частных мероприятий без предварительного систематического и длительного их обсуждения ни малейшей опасности не представляет. Нет сомнения, что не все предположенные и осуществленные местными комиссиями мероприятия окажутся полезными, но столь же несомненно, что весьма многие из них окажут крайне благотворное действие. Вместе с тем крестьянство воочию убедится в заботах о нем верховной власти, что уже само по себе внесет в его среду значительное успокоение.

Существует и другая область, в которой правительство может ныне же принять ряд крайне важных решений. Область эта — наше законодательство, определяющее порядок землепользования крестьян на их наделных, в особенности общинных, землях. Укрепление в сознании крестьян понятия о неприкосновенности частной собственности здесь может быть достигнуто сравнительно в короткий срок посредством облегчения каждому члену общины выделиться из ее состава с соответственным участком наделной земли. Достаточно сделать крестьянина собственником, чтобы он сознал всю чудовищность экспроприации собственности, сознал бы всю преступность насильственного похищения на чужую собственность. Манифест 3 ноября 1905 г., установивший сложение всех выкупных платежей с 1 января 1907 г., чрезвычайно облегчает эту задачу. В сущности, с изданием указанного манифеста вопрос этот надлежит признать predetermined, а, следовательно, соответствующие правила могут быть изданы даже до созыва Государственной думы.

В заключение надо указать на безусловную необходимость ныне же приступить к пересмотру всех указаний, касающихся переселенческого дела, мелиоративного кредита, кустарного дела и, наконец, урегулирования арендных отношений. Еще большее значение имеет пересмотр уставов Государственного дворянского земельного и Крестьянского поземельного банков... Еще более настоятельным, и притом легко осуществимым представляется введение этих банков в состав главного управления землеустройства и земледелия. Ныне на ведомство это возложена обширная задача, но средств для ее осуществления оно безусловно лишено. Учреждение местных комиссий по обследованию хозяйственного быта крестьян создаст этому ведомству могущественные местные органы, а подчинение ему государственных земельных банков волеет в его состав множество новых местных агентов и вместе объединит в его руках всю земельную политику государства.

Совокупность изложенного приводит к убеждению, что ныне надлежало бы:

1) Издать высочайший манифест, торжественно подтверждающий неприкосновенность права частной собственности и устанавливающий, что крестьяне, участвовавшие в грабежах частновладельческих усадеб, лишаются помощи Крестьянского банка в приобретении ими частновладельческих земель.

II) Учредить высочайшим указом правительствующему сенату местные уездные и губернские землеустроительные комиссии с целью обследования хозяйственного быта крестьян в тех местностях, где прояв-

ляется с наибольшей силой крестьянское оскудение, с тем чтобы порядок действия этих комиссий и круг подлежащих им дел, а равно пределы их власти были в кратчайший срок разработаны главным управлением землеустройства и земледелия и представлены на утверждение высочайшей власти через совет министров.

III) Присоединить к главному управлению землеустройства и земледелия Дворянский земельный и Крестьянский поземельный банки, с наименованием их Государственным земельным банком.

IV) Поручить главному управляющему землеустройством и земледелием выработать и представить на законодательное утверждение в установленном порядке проекты указаний по переселенческому мелиоративному и кустарному делу, с тем чтобы узаконения эти открывали возможность широкого развития правительственной деятельности в этих областях. Тому же главному управляющему надлежит поручить разработать порядок использования государственного земельного фонда и проект закона об арендовании земельных имуществ.

(Материалы по истории крестьянских движений в России, выпуск 4. Аграрный вопрос в совете министров, Гиз, 1924, стр. 105—110).

№ 3. Указ 9 ноября 1906 г.

О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающихся крестьянского землевладения и землепользования

Манифестом нашим от 3 ноября 1905 г. взимание с крестьян выкупных платежей за надельные земли отменяется с 1 января 1907 г. С этого срока означенные земли освобождаются от лежавших на них, в силу выкупного долга, ограничений, и крестьяне приобретают право свободного выхода из общины, с укреплением в собственность отдельных домохозяев, переходящих к личному владению, участков из мирского надела.

Однако действительное осуществление сего признанного законом права в большинстве сельских обществ встретит практические затруднения в невозможности определить размер и произвести выдел участков, причитающихся выходящим из общин домохозяевам.

С другой стороны, в законе не установлено порядка совершения сделок об отчуждении состоящих в подворном владении участков надельной земли, на которые у собственников их не имеется отдельных крепостных актов владения.

Признав, вследствие сего, необходимым ныне же устранить имеющиеся в действующих узаконениях препятствия к действительному осуществлению крестьянами принадлежащих им прав на надельные земли и одоблив состоявшийся по сему предмету особый журнал совета министров, мы, на основании ст. 87 свода основных государственных законов издания 1906 г., повелеваем:

1. В дополнение ст. 12 общего положения о крестьянах и примечания к ней (свод закон. особ. прил. к т. IX, изд. 1902 г.) постановить нижеследующие правила:

1. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления за собой в личную собственность причитающейся ему части из означенной земли.

2. В обществах, в коих не было общих переделов в течение 24 лет, предшествующих заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, за каждым таким домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все

участки общинной земли, состоящие в его постоянном (не арендном) пользовании.

3. В обществах, в коих в течение 24 лет, предшествовавших заявлению отдельных домохозяев о желании перейти от общинного владения к личному, были общие переделы, за каждым сделавшим такое заявление домохозяином укрепляются в личную собственность, сверх усадебного участка, все те участки общинной земли, которые предоставлены ему обществом в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование. Но если в постоянном пользовании желающего перейти к личному владению домохозяина состоит земли больше, нежели причиталось бы на его долю, на основании последней разверстки, по числу разверсточных единиц в его семье ко времени упомянутого заявления, то за ним укрепляется в личную собственность то количество земли, какое причитается ему по указанному расчету. За сим оказавшийся излишек укрепляется в личную собственность только под условием уплаты обществу его стоимости, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагающихся выкупными платежами. В противном случае весь означенный излишек поступает в распоряжение общества.

4. Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли, состоящей в постоянном пользовании (ст. 1—3), сохраняют за собой права пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделаются на особых основаниях (например, по произведениям почвы, или отдельно от угодий, переделаемых при общих переделах и на иных основаниях и т. п.), а также право участия в пользовании, на принятых в обществе основаниях, непеределаемыми угодьями, как то: мирскою усадебною землей, выгонами, пастбищами, оброчными статьями и др.

5. Постоянные доли в угодьях, переделаемых на особых основаниях (ст. 4), определяются в том размере, в каком домохозяева, заявившие желание перейти от общинного владения к личному, пользуются означенными угодьями ко времени подачи такого заявления.

6. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли (ст. 1) предъявляются через сельского старосту обществу, которое по приговору, поставленному большинством голосов, обязано в месячный со дня подачи заявления срок указать участки, поступающие на основании статей 2 и 3 в собственность переходящего к личному владению домохозяина, а в подлежащих случаях определить также размер причитающейся с него доплаты (ст. 3) и постоянную его долю участия в угодьях, переделаемых на особых основаниях (ст. 4 и 5). Если в течение указанного срока общество такого приговора не постановит, то, по ходатайству подавшего упомянутое заявление домохозяина, все означенные действия исполняются на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и объявляет свое по сему предмету постановление.

7. В упомянутых в статье 6 приговорах и постановлениях земских начальников должны быть точно указаны: а) число укрепленных в личную собственность домохозяина отдельных участков, а также размер и род угодий каждого из них; б) количество и описание состоящих в наделе общества угодий, переделаемых на особых основаниях (ст. 4), и постоянная доля участия в сих угодьях домохозяина, переходящего к личному владению, и в) состоящие в общем пользовании всех членов общества непеределаемые угодья (ст. 4).

8. Стороны и заинтересованные лица могут приносить уездному съезду жалобы на общественные приговоры и постановления земского на-

альника (ст. 6) в тридцатидневный срок со времени их объявления. Жалобы на общественные приговоры подаются через земского начальника и представляются им, с его заключением, в уездный съезд, по производстве на месте предварительного расследования. Как обжалованные, так и необжалованные общественные приговоры и постановления земского начальника представляются на утверждение уездного съезда.

9. Постановления уездного съезда, последовавшие по жалобам на общественные приговоры и постановления земского начальника, равно как об утверждении сих приговоров и постановлений (ст. 6), почитаются окончательными и приводятся в исполнение сельским старостой или волостным старшиной. На постановления уездного съезда могут быть приносимы жалобы губернскому присутствию лишь в случаях превышения пределов ведомства или же явного нарушения закона.

10. В местностях, в коих не введено в действие положение 12 июля 1889 г., обязанности, возлагаемые настоящими правилами на земских начальников, уездные съезды и губернские присутствия, исполняются соответствующими им должностными лицами и учреждениями.

11. В тех случаях, когда домохозяева, в личную собственность коих укреплены участки наделной земли, или общество пожелают отграничить эти участки в натуре и нанести их на план, межевые работы и составление планов могут быть исполняемы как правительственными, так и частными землемерами за счет той из сторон, которая признала необходимым произвести отграничение.

12. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки наделной земли в порядке, установленном в статьях 1—11 настоящих правил, имеет право во всякое время требовать, чтобы общество выделило ему взамен сих участков соответственный участок, по возможности, к одному месту.

13. В тех случаях, когда требование о выделе к одному месту не совпадает с общим переделом, выдел же оказывается неудобным или невозможным, обществу предоставляется удовлетворить желающего выделиться хозяина деньгами по взаимному с ним соглашению — по оценке, устанавливаемой волостным судом.

Со своей стороны, желающий выделиться домохозяин, если найдет определенную судом оценку для себя невыгодной, может отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственности участками в прежних границах.

14. При общих переделах выдел к одним местам участков домохозяевам, заявившим желание о переходе к личному владению до вступления в законную силу приговора о переделе или ранее укрепившим за собою участки наделной земли в порядке, установленном статьями 1—11 настоящих правил, обязателен по требованию как этих домохозяев, так и общества, без права сего последнего удовлетворять выделяющихся деньгами.

15. Споры, возникающие при выделе участков к одним местам, разрешаются на основаниях, установленных в примечании к статье 12 общего положения о крестьянах изд. 1902 г.

16. Домохозяева, перешедшие от общинного владения к личному, а также их правопреемники пользуются укрепленными в их личную собственность, на основании настоящих правил, участками до выдела их к одному месту, на одинаковых правах с владельцами подворных участков. За правопреемниками сохраняется также право на участие в пользовании как переделываемыми на особых основаниях угодьями в той мере, в какой это право было предоставлено первоначальным собственникам участков, так и непеределываемыми угодьями, на принятых в обществе основаниях.

17. В порядке и на основаниях, установленных статьями 4—16 настоящих правил, производится укрепление в личную собственность и выдел участков, досрочно выкупленных на основании статьи 165 положения о выкупе, изд. 1876 г., и не выделенных к одному месту.

18. Действие настоящих правил (ст. 1—16) распространяется на крестьян всех наименований, причем укрепление в личную собственность отдельных домохозяев участков из общинной земли до освобождения ее от выкупного долга допускается при условии погашения части этого долга, падающей на укрепленные участки.

11. В дополнение действующих узаконений о порядке отчуждения наделных земель, состоящих в подворном владении, постановить:

1. Отчуждение участков наделной земли, состоящих в подворном владении, совершается общим крепостным порядком (пол. нотар. изд. 1892 г., ст. 66).

2. Принадлежность упомянутых в статье 1 участков лицам, их отчуждающим, может быть удостоверяема в нотариальных учреждениях одним из следующих документов: а) крепостными актами; б) владенными записями и иными землеустроительными актами, выданными крестьянскими учреждениями; в) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение решениями судебных установлений, а равно волостных судов и уездных съездов по делам о праве собственности на недвижимое имущество, входящее в состав надела, и о наследовании в этом имуществе (общ. пол. крест., ст. 125, п. 1 и 4 и ст. 142, 159 и 161); г) сделками об отчуждении, совершенными до 25 января 1883 г. в волостных правлениях (общ. пол. крест., ст. 110, п. 1 и прим. 1); д) утвержденными уездным съездом общественными приговорами или постановлениями земских начальников об укреплении в личную собственность отдельных домохозяев участков из наделной земли, состоящей в общинном пользовании (отд. 1 настоящего указа, ст. 6, 7 и 9); е) вошедшими в законную силу и приведенными в исполнение приговорами сельских и селенных сходов о предоставлении участков из общинной земли в подворное владение отдельных домохозяев, равно как о замене общинного пользования земель подворным и о разделе мирских земель на постоянные наследственные участки и на хутора, а также приговорами о переходе целых обществ с подворным землепользованием к владению в отрубных участках (общ. пол. крест, ст. 62, п. 8, ст. 66, п. 1 и 2; пол. выкуп., ст. III; пол. крест. влад., ст. 20 и 21 и пол. крест. казен., ст. 32—34) и ж) в обществах с подворным землепользованием, а в отношении усадебных участков и в обществах с общинным землепользованием — утвержденными земским начальником или соответствующим должностным лицом приговорами сельских и селенных сходов о том, что отчуждаемый участок действительно принадлежит отчуждающему его лицу на праве собственности.

3. Приговоры сельских и селенных сходов, упомянутые в пункте «ю» статьи 2 настоящего (II) отдела, постановляются по ходатайствам владельцев подворных и усадебных участков и утверждаются с соблюдением следующих правил: а) означенные приговоры постановляются простым большинством голосов в удостоверение принадлежности отдельным домохозяевам не только полных, значащихся по землеустроительным актам подворных участков, но и частей их, состоящих в бесспорном владении отдельных лиц; б) в приговор обязательно включаются сведения о размере участка, числе отдельных отрубов, из коих он состоит, размере каждого отруба и роде угодий, а также подробное описание местоположения участка и его границ; в) в тех случаях, когда точное описание границ представляется невозможным, к приговору должен быть приложен план участка, составленный за счет владельца; г) приговор

обязательно записывается в установленную для записи приговоров сельского схода книгу (общ. пол. крест. изд. 1902 г., ст. 69), а копия с него вывешивается для общего сведения в волостном правлении в том селении, где находится участок, относительно которого состоялся приговор; д) волостной старшина обязан, в недельный срок по составлении приговора, проверить на месте содержание его по существу и в присутствии трех понятых и немедленно представить приговор с своим заключением на утверждение земского начальника; е) в месячный, со дня проверки волостным старшиной, срок приговор может быть обжалован заинтересованными лицами земскому начальнику и ж) приговор не подлежит утверждению, если окажется неправильным с формальной стороны или если при составлении его не соблюдены требования, изложенные в настоящей статье, или если будет возбужден спор о праве гражданском, подлежащий разрешению суда.

4. Выписи нотариальных актов, касающихся надельных земель и подлежащих утверждению старших нотариусов, могут быть пересылаемы нотариусами старшему нотариусу по почте.

III. В дополнение действующих узаконений, определяющих права крестьян на участки надельной земли, состоящие в подворном владении, постановить:

1. Подворные участки, как предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею, так и укрепленные впоследствии в личную собственность отдельных крестьян из общинных земель, а также усадебные участки при общинном землепользовании составляют личную собственность домохозяев, за коими эти участки значатся по землеустроительным актам, общественным приговорам, постановлениям крестьянских учреждений, актам об отчуждении и решениям судебных мест. Таковым же правом на упомянутые участки пользуются и правопреемники сих домохозяев.

2. В тех случаях, когда указанные в предшествующей (1) статье участки находятся в нераздельном владении нескольких лиц, не состоящих между собой в родстве по прямой нисходящей линии, они составляют общую их собственность.

IV. В дополнение статей 62 и 66 общего положения о крестьянах и статьи 15 положения о поземельном устройстве крестьян и поселян разных наименований, водворенных на владельческих землях (свод. зак. особ. прил. к т. IX изд. 1902 г.), постановить:

Переход целых обществ как с общинным, так и с подворным землепользованием к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановленным большинством двух третей крестьян, имеющих право голоса на сходе.

Правительствующий сенат к исполнению сего не оставит учинить надлежащее распоряжение.

(Полное собрание законов Российской империи, собрание третье, т. XXVI, № 28528).

№ 4. Из закона 14 июня 1910 г.

(Об изменении и дополнении некоторых постановлений о крестьянском землевладении)

1. В изменение, дополнение и отмену подлежащих узаконений постановить нижеследующие правила:

О правах крестьян на укрепление и выдел участков общинной земли

А. В обществах и селениях, не производящих общих переделов.

1. Общества и имеющие отдельные владения селения, в коих не было общих переделов со времени наделения их землей, признаются перешедшими к наследственному (участковому или подворному) владению.

2. В упомянутых в статье I обществах и селениях участки, состоящие ко времени обнародования настоящего закона в бесспорном постоянном (не арендном) пользовании отдельных домохозяев, признаются лично их или, в подлежащих случаях (ст. 48), общею с другими членами семьи собственностью.

3. Право на участие в пользовании общественными угодьями, передаваемыми на особых основаниях (ст. 17), сохраняется в неизменной доле за отдельными домохозяевами (ст. 2) в размере действительного их пользования к указанному в предшествующей (2) статье сроку. Право участия в пользовании непередаваемыми угодьями сохраняется за означенными лицами на основаниях, указанных в статье 19.

4. Сельские и селенные сходы имеют право требовать составления общих на все общество или селение актов, удостоверяющих право собственности отдельных домохозяев на упомянутые в статье 2 участки. Таким же правом пользуются и отдельные домохозяева по отношению к составляющим их собственность участкам.

5. Означенные в статье 4 акты составляются земским начальником с выполнением требований, изложенных в статье 23, и объявляются на сельском или селенном сходе. Заинтересованные лица могут приносить жалобы на означенные акты в уездный съезд в тридцатидневный срок со дня объявления актов на сходе.

6. Акты, составленные земскими начальниками, подлежат утверждению уездного съезда.

8. В обществах и селениях, упомянутых в статье 1, выдел к одному месту участков отдельных домохозяев обязателен в случаях, указанных в пункте 2 ст. 34.

В. В обществах и селениях, производящих общие переделы.

9. Каждый домохозяин, владеющий надельной землей на общинном праве, может во всякое время требовать укрепления в личную его или в подлежащих случаях (ст. 48) в общую с другими членами семьи собственность причитающейся выходящим из общины части означенной земли. При отсутствии родоначальника в семье, ведущей одно хозяйство, споры о том, кто из членов семьи является домохозяином, разрешаются волостным судом.

10. Владельцы укрепленных участков и не отделенные ко времени укрепления члены их семейств лишаются права участия в оставшейся в общинном владении надельной землей, которая к означенному времени переделывалась на общих основаниях, сохраняя за собой право участия в пользовании угодьями, передаваемыми на особых основаниях или вовсе непередаваемыми, согласно статьям 17 и 19.

11. В обществах и селениях, в коих пользование землею основано на приговорах об общих переделах, состоявшихся в порядке закона 8 июня 1893 г., за каждым домохозяином, у которого количество разверстных единиц в семье не уменьшилось, укрепляются все участки общинной земли, предоставленные ему в постоянное, впредь до следующего общего передела, пользование.

12. В случае уменьшения количества разверсточных единиц находящийся в пользовании домохозяина излишек земли укрепляется за ним лишь при условии уплаты обществу стоимости этого излишка, определяемой по первоначальной средней выкупной цене за десятину предоставленных в надел данному обществу угодий, облагавшихся выкупными платежами.

14. Если выходящий из общины домохозяин отказывается от оплаты излишка на приведенных в статье 12 основаниях, то такой излишек поступает в распоряжение общества.

15. В остальных кроме указанных в статье 11 обществах за каждым домохозяином укрепляются все участки общинной земли, состоящие в его беспорном, постоянном (не арендном) пользовании ко времени подачи заявления об укреплении в личную собственность.

16. Заявления об укреплении в собственность земли, сделанные до дня, когда состоялся сельский или селенный сход, которым постановлен приговор о новом переделе, удовлетворяются на основании прежней разверстки.

17. Домохозяева, за коими укреплены в личную собственность участки общинной земли (ст. 11—16), сохраняют за собой право пользования в неизменной доле теми сенокосами, лесными и другими угодьями, которые переделаются на особых основаниях, например, по произведении почвы и т. п.

18. Изменные доли в угодьях, упомянутых в статье 17, определяются в размере действительного пользования ко времени подачи заявления об укреплении.

19. Право участия в пользовании непеределываемыми угодьями, как то: мирскою усадебною землею, проездами, прогонами, выгонами, водопоем, пастбищами, оброчными статьями и пр., укрепляется в неизменной доле, если таковая может быть определена на основании актов землеустройства, общественных приговоров и других достоверных данных. В противном случае сохраняется лишь право на участие в пользовании названными угодьями на принятых в обществе основаниях.

22. Требования об укреплении в личную собственность части из общинной земли (ст. 9) предъявляются через сельского старосту обществу, которое в приговоре, постановляемом простым большинством голов (общ. пол. ст. 67), указывает участки, поступающие на основании статей 11—16 в собственность переходящего к личному владению домохозяина, и постоянную его долю участия в угодьях, упомянутых в статьях 17—19. В подлежащих случаях в приговоре определяется размер оплаты (ст. 12), причитающейся обществу за излишек земли, укрепляемой за домохозяином. Если общество в укреплении откажет либо в течение тридцати дней со дня подачи заявления никакого приговора не постановит, то, по ходатайству подавшего заявление домохозяина, возложенные сею статьей на сход обязанности исполняются на месте земским начальником, который разбирает по существу все возникающие при этом споры и объявляет свое постановление.

23. В упомянутых в статье 22 приговорах и постановлениях земских начальников должно быть указано: а) за кем укрепляются участки и в личную или в общую с другими членами семьи (ст. 48) собственность; б) сколько разверсточных единиц, из общего их числа по последнему переделу, закрепляется за домохозяином; в) число и, по возможности, местоположение укрепляемых отдельных участков, а также размер и род угодий каждого из них; г) количество и описание состоящих в наделе общества угодий, как переделываемых на особых основаниях, так и непеределываемых,

с указанием в подлежащих случаях и неизменной доли участия в их угодьях и д) размер и границы усадебного участка.

24. Общественные приговоры и постановления земских начальников об укреплении в личную собственность участков общинной земли представляются на утверждение уездного съезда.

25. На общественные приговоры и постановления земских начальников (ст. 22) могут быть приносимы в тридцатидневный срок со времени их объявления жалобы заинтересованными лицами и обществами. Жалобы эти подаются земскому начальнику и представляются им, по производстве на месте надлежащего расследования, с его объяснениями в уездный съезд.

32. Каждый домохозяин, за коим укреплены участки наделной земли, имеет право требовать, чтобы общество выделило ему, взамен сих участков, соответственный участок к одному, по возможности, месту.

33. Если выдел (ст. 32) признан подлежащими установлениями (ст. 37 и 60) неудобным или невозможным, то общество обязано удовлетворить желающего выделиться домохозяина деньгами по взаимному с ним соглашению, а при недостижении соглашения — по оценке, устанавливаемой уездной землеустроительной комиссией. Если домохозяин, желающий выделиться, найдет определенную комиссией оценку для себя невыгодной, то может отказаться от получения денег и продолжать владеть укрепленными в его собственность участками в прежних размерах.

34. Выдел к одному, по возможности, месту (ст. 32) обязателен для общества, без права удовлетворения выделяющихся деньгами, в следующих случаях: 1) при общих переделах, если заявление о выделе сделано до постановления приговора о переделе и 2) вне общих переделов: а) если выдела потребуют не менее одной пятой части всех домохозяев или, в обществах, где число домохозяев превышает пятьдесят, не менее пятидесяти домохозяев, и б) по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признан (ст. 33 и 37) возможным и не связанным с особыми неудобствами.

В случаях, предусмотренных пунктом 2 настоящей статьи, обществам предоставляется производить досрочные общие переделы без испрошения на то разрешения губернского присутствия. (Общ. пол., ст. 29.)

35. При общих переделах право требовать выдела к одним местам на основании новой разверстки предоставляется также домохозяевам, не закрепившим ранее за собой участков наделной земли, если требование это заявлено до постановления приговора о переделе.

36. Обязательный выдел к одним местам участков, уже укрепленных за отдельными домохозяевами, производится и без их на то согласия: 1) когда того потребует более половины оставшихся при общинном пользовании домохозяев и 2) когда при выделах, предусматриваемых статьей 34, пожелавший остаться в чересполосном владении домохозяин не изъявит согласия на обмен укрепленных за ним отдельных полос, которые представляется необходимым включить в границы участков, отводимых выделяющимся. В случае, предусмотренном пунктом 1 настоящей статьи, обществу предоставляется произвести досрочный общий передел без испрошения на то разрешения губернского присутствия. (Общ. пол., ст. 29.)

37. Выделы к одним местам производятся уездными землеустроительными комиссиями, разрешающими все возникающие при этом споры, в том числе и споры между обществом и выделяющимся о неудобстве или невозможности выдела (ст. 33), при непременно участии уездного члена окружного суда. Постановления уездных землеустроительных

комиссий могут быть обжалованы по существу, в тридцатидневный со дня их объявления срок, в губернские землеустроительные комиссии, а где таковых нет — в губернские присутствия.

39. Участки, укрепленные в личную собственность, подчиняются как до, так и после выдела их к одному месту действию правил о надельных землях.

Глава 2

О переходе целых обществ к отрубному владению

45. Переход целых обществ и селений с наследственным (участковым или подворным) землевладением к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановляемым простым большинством всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе.

46. Переход целых обществ и селений с общинным или смешанным землевладением к владению в отрубных участках совершается по приговорам, постановляемым большинством двух третей всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе, причем в составлении сих приговоров участвуют как члены общины, так и крестьяне, владеющие участками на праве личной собственности (ст. 47).

Глава 3

О праве собственности крестьян на участки надельной земли

47. Участки, как предоставленные в подворное владение крестьян при наделении их землею и перешедшие впоследствии в собственность отдельных крестьян из общинных земель, в том числе и досрочно выкупленные на основании статьи 165 положения о выкупе издания 1876 г. и статей 112 и 114 того же положения издания 1902 г., а также усадебные участки при общинном землевладении составляют личную собственность домохозяев, за коими они значатся по актам землеустройства, общественным приговорам, постановлениям крестьянских учреждений, актам об отчуждении и решениям судебных мест.

48. В тех случаях, когда указанные в статье 47 участки находятся в нераздельном владении матери и детей или нескольких лиц, они составляют общую их собственность.

Глава 5

О пределах действия настоящего закона и о порядке применения его в местностях, где не введено в действие положение 12 июля 1889 г. и не открыты землеустроительные комиссии

59. В местностях, в коих не введено в действие положение 12 июля 1889 г., обязанности, возлагаемые настоящими правилами на земских начальников, уездные съезды и губернские присутствия, исполняются соответствующими им должностными лицами и учреждениями.

60. В тех местностях, где нет землеустроительных комиссий, выдел к одним местам (ст. 37) и определение денежного вознаграждения (ст. 33) производится уездными съездами или учреждениями, их заменяющими.

(Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. XXX, № 33748.)

(О землеустройстве)

I. Настоящий закон ввести в действие во всех местностях, где открыты, в силу именного высочайшего указа, правительствующему сенату 4 марта 1906 года данного, землеустроительные установления, не позже 1 ноября 1911 г., в сроки, определяемые главноуправляющим землеустройством и земледелием по соглашению с министерством внутренних дел, а в прочих местностях вводить в действие по мере открытия в них означенных установлений.

II. В изменение и дополнение действующих относительно землеустроительных комиссий узаконений постановить:

1. Уездные землеустроительные комиссии состоят под председательством уездного предводителя дворянства из председателя уездной земской управы или его заместителя, непрямого члена комиссии или заменяющего его лица, уездного члена окружного суда, а в местностях, где эта должность не учреждена, — особо назначенного члена окружного суда, к участку которого относятся подлежащие обсуждению вопросы, трех членов по избранию от уездного земского собрания и трех членов по избранию от волостных сходов; сверх того, в состав комиссии входят, в качестве временного члена, выборщик от той волости, по которой рассматривается дело, а если таковой уже участвует как постоянный член, то кандидат к нему.

В случае отсутствия уездного предводителя дворянства в комиссии председательствует председатель уездной земской управы, а при отсутствии последнего — уездный член окружного суда или особо назначенный член суда.

Для выбора членов от волостных сходов каждый сход избирает одного выборщика и одного кандидата; выборщики съезжаются в уездный город и избирают из своей среды трех постоянных членов землеустроительной комиссии.

3. Губернские землеустроительные комиссии состоят под председательством губернатора или заменяющего его лица, из губернского предводителя дворянства, председателя губернской земской управы или его заместителя, председателя окружного суда или его товарища, особо назначенного члена окружного суда, непрямого члена комиссии или заменяющего его лица, непрямого члена губернского или губернского по крестьянским делам присутствия, по назначению губернатора, губернского землемера и двух членов по избранию губернского земского собрания, из коих один из числа губернских или уездных гласных подлежащей губернии, владеющих надельной землей.

ПОЛОЖЕНИЕ О ЗЕМЛЕУСТРОЙСТВЕ

Глава I

Общие положения

I. На основаниях, в сем положении определенных, производятся по соответствующим ходатайствам следующие землеустроительные действия:

- 1) выдел земель отдельным селениям сельских обществ;
- 2) выдел земель выселкам и частям селений;

3) выдел отрубных участков отдельным членам сельских обществ и имеющих отдельное владение селений;

4) полное по целым сельским обществам и имеющим отдельное владение селениям разверстание угодий между членами общества или селения на отрубные участки;

5) уничтожение чересполосности подлежащих действию сего положения земель с прилегающими владениями;

6) разверстание к одним местам (на отрубные участки) земель разного владения, включенных в одну дачу разверстания;

7) раздел угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев;

8) отграничение подлежащих землеустройству земель от смежных владений в тех случаях, когда предварительное установление внешних границ необходимо для исполнения вышеперечисленных землеустроительных действий.

2. Правила сего положения применяются как к землям надельным, так и ко всем землям, принадлежащим независимо от способа их приобретения: а) лицам, объединенным по владению этими землями в сельские и селенные общества и земельные товарищества, и б) лицам всех сословий, земельные владения коих в пределах уезда не превышают определенных на основании статьи 4 закона 24 мая 1909 г. предельных размеров. Совокупность таких лиц, связанных общностью или чересполосностью своих владений, приравнивается в отношении применения к ним землеустроительных мер, предусмотренных настоящим положением, к сельским обществам с подворным или общинным владением, в зависимости от установленного у них порядка землепользования.

4. При полном разверстании на отрубные участки, а также при разверстании чересполосности указанных в статье 2 земель с прилегающими владениями, в разверстание могут быть включаемы, сверх непосредственно подлежащих ему земель, также и другие чересполосные с ними участки, если того пожелают их владельцы или если то будет признано необходимым в установленном настоящим положением порядке.

5. Угодья, подвергшиеся землеустройству на основании настоящего положения, освобождаются от совместных с теми землями, от которых они отделены при землеустройстве, севооборота и выпаса, причем включенные в землеустроительные и иные подобные акты условия об установлении на будущее время на разверстаных участках совместного с отделенными землями севооборота и выпаса не имеют обязательной силы.

6. Перечисленные в статье 1 землеустроительные действия могут быть производимы в определенных настоящим положением случаях как по соглашению всех заинтересованных лиц, так и в обязательном порядке, но и в последнем случае землеустроительные учреждения обязываются оказывать всяческое, в течение всего производства дела, содействие к достижению полюбовного соглашения сторон, в соответствии с общими основаниями сего положения.

18. В установленном сим положением порядке землеустроительными учреждениями разрешаются как споры о размерах земельных долей, причитающихся при землеустройстве отдельным селениям, частям селений или домохозяевам, так и все споры, возникающие собственно из землеустройства, не исключая и споров о границах подлежащих землеустройству земель. Разрешенные в указанном порядке споры не могут быть возбуждаемы вновь в судебных установлениях.

20. Приговоры обществ и товариществ по предусмотренным настоящим положением делам подлежат обязательной в течение двух недель проверке на месте и засвидетельствованию земским начальником или

соответствующим ему должностным лицом, разрешающим при этом все заявленные против правильности приговоров возражения. Все жалобы, как на неправильность этих приговоров, так и на отказ земского начальника засвидетельствовать таковые, подаются в уездную землеустроительную комиссию, разрешающую их в установленном настоящим положением порядке, причем жалобы на приговоры, засвидетельствованные земским начальником, разрешаются по усмотрению комиссии или особо или одновременно с рассмотрением землеустроительного дела по существу.

22. Необходимые при землеустройстве межевые работы производятся командирруемыми за счет казны землемерами, причем на общества, селения, товарищества или отдельных лиц, по требованию которых производятся землеустроительные действия, возлагается обязанность безвозмездно предоставлять на местах производства работ:

- а) помещения межевым чинам с отоплением;
- б) подводы для переездов межевых чинов при работах и для перевозки инструментов;
- в) рабочих пеших — для постановки вех и столбов, ношения инструментов, копания ям и т. п. и конных — для пропашки межников, тех и других с необходимыми орудиями и
- г) материалы для изготовления вех и межевых знаков.

При разверстании чересполосности указанных в статье 2 земель с прилегающими владениями и, в подлежащих случаях, чересполосности между частными владениями, а также общности пользования крестьян с частными владениями, означенная обязанность возлагается на ту сторону, по требованию которой работы производятся; если же таковые исполняются по ходатайству обеих сторон, то распределяются между ними по соглашению, а если бы такового не состоялось, — по соразмерности с площадью принадлежащих каждой стороне земель, подлежащих разверстанию.

Глава III

О выделе земель выселкам и частям селений

29. Домохозяева сельского общества или имеющего отдельное владение селения, в числе не менее одной пятой общего числа домохозяев, имеющих право голоса на сходе, если оно не превышает двухсот пятидесяти, а в обществах и селениях более многолюдных — в числе не менее пятидесяти, вправе требовать выдела им к одному месту пахотной земли в отдельное от общества владение, причем земли, составляющие личную собственность участвующих в сем выделе домохозяев (ст. 47 закона 14 июня 1910 г.), отводятся в отдельные отруба. Если выделяющиеся домохозяева изъявляют желание выселиться на отведенный им участок и передать в распоряжение общества свои усадебные места, получая взамен соответственные по площади участки полевой земли, то сохраняют право безвозмездного пользования своей прежней усадебной землей в продолжение трех лет со времени вступления в силу постановления по делу о выделе.

Глава IV

О выделе отрубных участков отдельным членам общества

- 35. При переделе общиною пахотных земель каждый домохозяин, как укрепивший, так и не укрепивший участки общинных земель в личную собственность, вправе требовать выдела укрепленного им причитающегося ему по закону количества пашни к одному месту, если требование

это заявлено до поступления приговора о переделе. При разделе пахотных земель между селениями или частями селений то же право предоставляется каждому домохозяину, полосы которого затрагиваются сими раздѣлами или выдел которых будет признан землеустроительной комиссией возможным без нарушения существенных интересов общины.

36. Вне указанных в предшествующей статье переделов и разделов выдел укрепленных или неукрепленных в личную собственность пахотных земель в отрубные участки производится: а) если выдела потребуют не менее одной пятой части всех домохозяев, имеющих право голоса на сходе, или не менее пятидесяти, если в обществе более двухсот пятидесяти дворов, и б) по заявлению хотя бы одного домохозяина, когда выдел участка признан возможным и не связанным с особыми неудобствами. Если в числе выделяющихся окажутся желающие выселиться на отведенные им участки и передать в распоряжение общества свои усадебные места, получая взамен соответствующие по площади участки полевой земли, то выселяющимся предоставляется право безвозмездно пользоваться своей прежней усадебной землей в продолжение трех лет со времени вступления в силу постановления по делу о выделе.

Г л а в а VII

О разделе угодий, находящихся в общем пользовании крестьян и частных владельцев

54. Раздел угодий, состоящих в общем пользовании крестьян и частных владельцев, производится по ходатайству хотя бы одной из сторон.

(Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье, т. XXXI, № 35370.)

№ 6. Сводные данные по отдельным видам землеустроительных работ
за 1907—1915 гг.

(Данные по 431 уезду, без 32 уездов, занятых австро-германскими войсками во время империалистической войны)

№№ п/п.	Виды землеустроительных работ	Количе- ство домо- хозяев	Площадь земли в десяти- нах
1	Выдел земли отдельным селениям сель- ских обществ	722 808	6 144 775
	В том числе в единоличное владение . .	26 038	191 226
2	Выдел земли выселкам и частям селений .	74 588	708 328
	В том числе в единоличное владение . .	9 759	74 007
3	Выдел отрубных участков отдельным домо- хозяевам	359 512	3 710 145
	В том числе в единоличное владение . .	359 507	3 706 905
4	Разверстание на хутора и отруба земель целых селений	723 286	7 080 451
	В том числе в единоличное владение . .	719 676	7 045 207
5	Уничтожение чересполосности с прилега- ющими владениями	177 839	339 904
	В том числе в единоличное владение . .	7 201	18 900
6	Разверстание на отрубные участки земель, включенных в одну дачу разверстания .	27 537	294 680
	В том числе в единоличное владение . .	10 778	75 923
7	Раздел угодий общего пользования крестьян и частных владельцев	17 712	52 008
	В том числе в единоличное владение . .	2 825	7 445
8	Отграничение от смежных владений . . .	177 086	1 132 561
	В том числе в единоличное владение . .	13 689	68 536
	Итого по 431 уезду Европейской России	2 280 368	19 462 852
	В том числе в единоличное вла- дение	1 149 473	11 188 149
	Общие данные за 1907—1914 гг. по 32 за- нятым уездам	80 136	786 682
	В том числе в единоличное владение . .	72 036	700 050
	Всего по 47 губерниям Европейской Рос- сии	2 360 504	20 249 534
	В том числе в единоличное владение . .	1 221 509	11 888 199

ОГЛАВЛЕНИЕ

ление	3
глава I. От охранения общины к ставке на кулака	12
Аграрная политика царизма до первой русской революции	12
Поворот в аграрной политике правительства	20
глава II. Насильственное разрушение общины	27
Столыпинские законы о землеустройстве и выходе из общины	27
Способы проведения в жизнь столыпинских законов	33
Борьба крестьян против столыпинского землеустройства	42
глава III. Роль Крестьянского поземельного банка в проведении столыпинской аграрной политики	47
Усиление деятельности банка в связи с новой аграрной политикой	47
Дворянский характер деятельности Крестьянского банка	48
Поворот банка в сторону единоличников-кулаков	52
Политика банка в области землеустройства	55
Влияние деятельности банка на дифференциацию деревни	59
глава IV. Переселенческая политика царизма	61
Поворот в переселенческой политике	61
Как осуществлялась на деле новая переселенческая политика правительства	67
Положение переселенцев и обратные переселенцы. Общий итог переселений	73
глава V. Отношение политических партий к столыпинской аграрной политике	77
Правые и октябристы	78
Кадеты	83
Трудовики и беспартийные крестьянские депутаты	86
Социал-демократы	93
глава VI. Результаты столыпинской аграрной политики	98
Цифровые итоги укрепления земли в личную собственность	98
Столыпинские хутора и отруба	99
Хутора и отруба на наделных землях	103
Хутора и отруба на банковских и казенных землях	110
	143

Экономические и политические последствия столыпинской аграрной политики	114
Глава VII. Причины краха столыпинской аграрной политики . . .	119
Приложения	125
№ 1. Из донесения саратовского губернатора П. Столыпина министру внутренних дел 11 января 1906 г.	125
№ 2. Из записки о преобразованиях в крестьянском устройстве и об аграрных мероприятиях	126
№ 3. Указ 9 ноября 1906 г.	129
№ 4. Из закона 14 июня 1910 г.	133
№ 5. Из закона 29 мая 1911 г.	138
№ 6. Сводные данные по отдельным видам землеустроительных работ за 1907—1915 гг.	142

Редактор В. Астров

Подписано в печать 8/V 1941 г. Объем 9 п. л. 40.028 зн. в печ л.; авт. л. 8
Тираж 30 000 экз. А37845. Цена 1 р. 20 к.

1-я Образцовая типография Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Валовая, 28. Зак. № 1282.